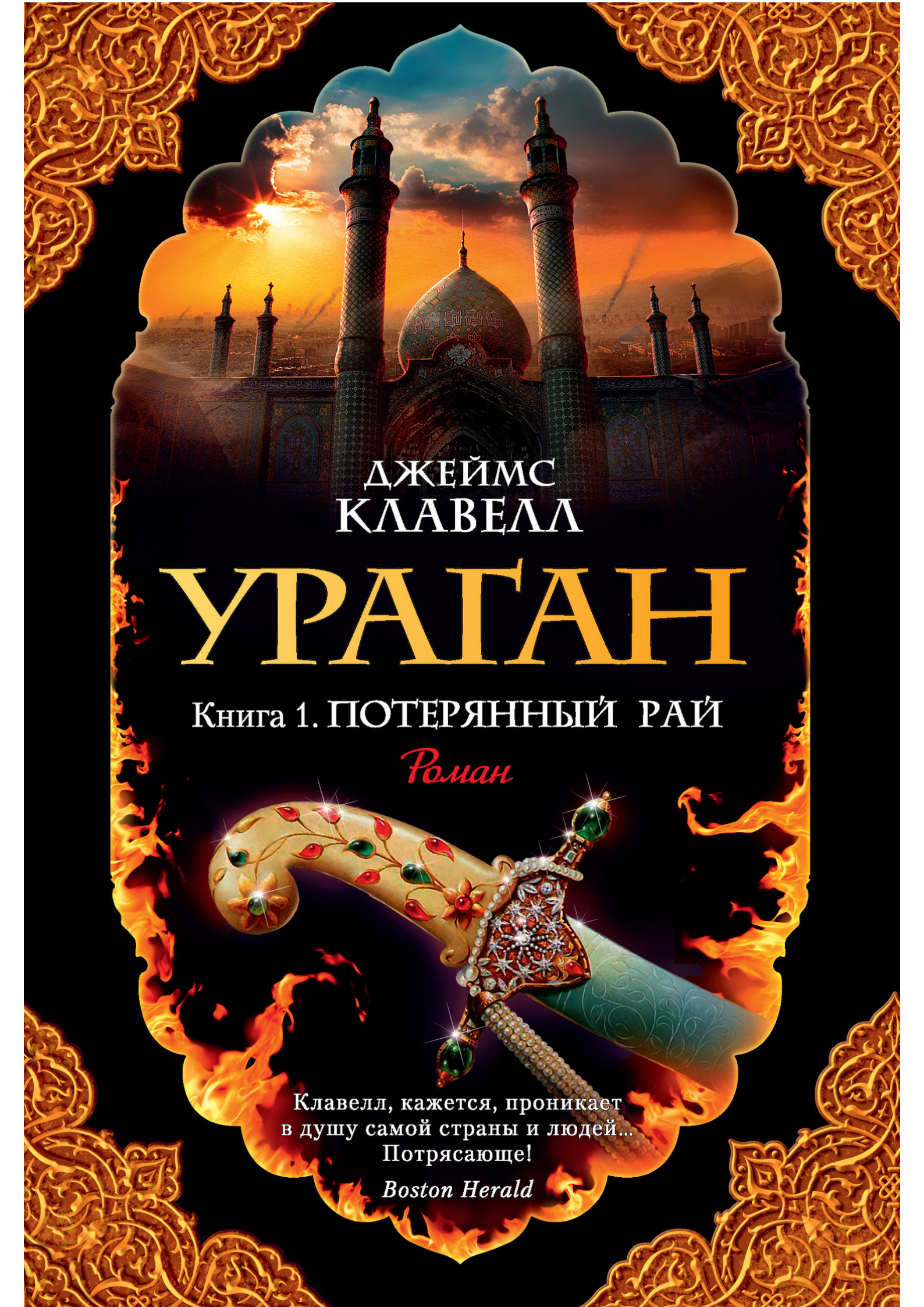

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

УРАТАН

Книга 1. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Роман

Клавелл, кажется, проникает
в душу самой страны и людей...

Потрясающе!

Boston Herald

The Big Book

Джеймс Клавелл

Ураган. Книга 1. Потерянный рай

«Азбука-Аттикус»

1986

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Клавелл Д.

Ураган. Книга 1. Потерянный рай / Д. Клавелл — «Азбука-Аттикус», 1986 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-16233-4

Февраль 1979 года. Иран. Шах бежал, и к власти пришел аятолла Хомейни. В стране кипят страсти, активно действуют фанатики ислама, революционеры всякого толка, не остаются в стороне и спецслужбы великих держав, крайне заинтересованных в иранской нефти. Спокойная жизнь пилотов вертолетной компании, которой негласно управляет Благородный Дом, закончилась: необходимо получать разрешения на запуск двигателей, на взлет, на полет в определенное место. В такой обстановке компания практически поставлена на грань выживания, и ее руководство решает прекратить работу, вывезти вертолеты и людей в безопасное место... «Ураган» – это последний роман «Азиатской саги» Клавелла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16233-4

© Клавелл Д., 1986
© Азбука-Аттикус, 1986

Содержание

Часть первая	7
Пятница	7
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	50
Суббота	60
Глава 4	60
Глава 5	71
Глава 6	90
Глава 7	101
Глава 8	110
Воскресенье	118
Глава 9	118
Глава 10	121
Глава 11	128
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Джеймс Клавелл
Ураган
Книга 1
Потерянный рай

James Clavell
WHIRLWIND

Copyright © 1986 by James Clavell
All rights reserved

Серия «The Big Book»

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

© Е. А. Куприн, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

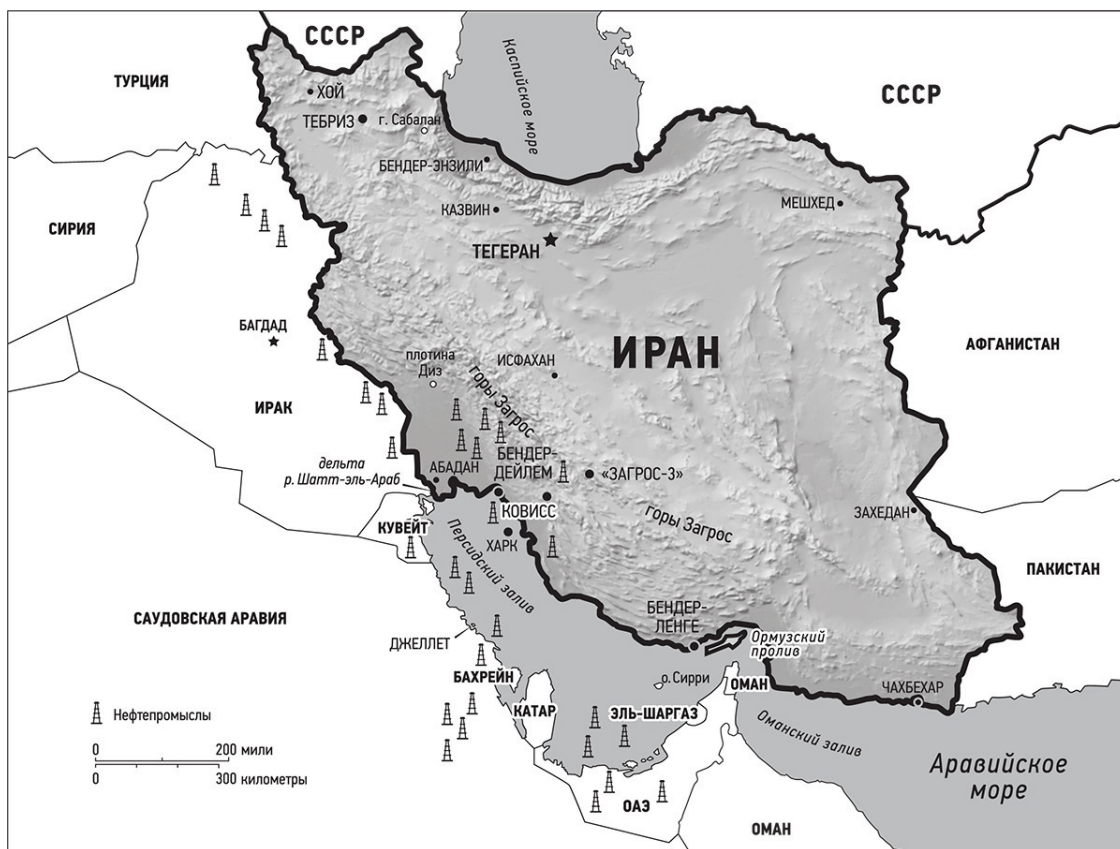
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается
ШИГАЦУ*

Это рассказ о событиях, происходивших в охваченном революцией Иране в период с 9 февраля по 4 марта 1979 года, задолго до возникновения кризисной ситуации с захватом заложников. Я старался, чтобы моя история получилась как можно более реалистичной, но книга — художественное произведение, где персонажи вымышлены и многие из мест выдуманы. В мои намерения не входило делать намеки на какое-либо лицо или компанию, которые являлись или являются частью нашей эпохи. Разумеется, тени противоборствующих гигантов, его императорского величества шаха Мохаммеда Пехлеви (и его отца, Реза-шаха) и имама Хомейни, ложатся на созданные мной персонажи и являются жизненно важной частью этого повествования, хотя сами лидеры в нем и не изображены. Я постарался воссоздать точную, пусть и выдуманную, картину тех времен, тех разных типов людей, коим выпало их пережить, тех мнений, которые существовали и могли бы быть высказаны, но ничто из написанного мной в этой книге не было продиктовано неуважением.

Это мой рассказ; и он не о том, как события происходили на самом деле, а о том, какими они представлялись мне в эти двадцать четыре дня...

*Так как они сеяли ветер,
То и пожнут бурю.*
Ос. 8: 7

Часть первая

**Пятница
9 февраля 1979 года**

Глава 1

ГОРЫ ЗАГРОС. ЗАКАТ. Солнце коснулось горизонта, и всадник устало натянул поводья, радуясь, что наступило время молитвы.

Хусейну Ковисси, крепко сбитому иранцу, было тридцать четыре года; кожа у него была светлая, глаза же и борода – темные, почти черные. Из-за плеча выглядывал советский АК-47. Путник закутался от холода; поверх перепачканного дорожной грязью халата ремнем был перехвачен грубый овчинный полушубок из тех, что носили кочевники-кашкайцы, на голове – белая чалма, на ногах – поношенные сапоги. Уши были плотно прикрыты, поэтому он не слышал далекого пронзительного воя реактивных двигателей приближавшегося вертолета. Привязанная к лошади усталая выючная верблюдица нетерпеливо дернула за веревку, требуя корма и отдыха. Он рассеянно обругал ее, спешиваясь.

На этой высоте, почти восемь тысяч футов, воздух был разреженным и холодным, очень холодным. Снег лежал толстым покровом; ветер гнал поземки, задувая снег на дорогу и делая ее предательски скользкой. За его спиной эта мало кому известная тропа, петляя, убегала к долинам далеко внизу и тянулась дальше, к Исфахану, откуда он держал свой путь. Впереди она забиралась вверх, опасно извиваясь между скалами, потом спускалась в другие долины,

простиравшиеся до самого Персидского залива, и выводила к городку Ковиссу, где он родился, где теперь жил и по имени которого начал называть себя, когда стал муллой.

Его не тревожили ни опасности пути, ни холод. Эта опасность была для него чистой, такой же чистой, как холодный воздух вокруг.

Будто снова кочевником стал, подумал он, и перед глазами возникла картина прошлого: дед, ведущий их по горным склонам, как в старые времена, когда все кашкайские племена могли свободно кочевать с зимних пастбищ на летние, у каждого – и конь, и ружье, и скота в достатке; наши отары овец, стада коз и верблюдов не знали счета, наши женщины ходили, не закрывая лица, наши племена жили свободными, как десятки веков до нас жили наши предки, покорные одной лишь воле Бога, – старые времена, которым пришел конец каких-то шестьдесят лет назад, говорил он себе, чувствуя, как в нем поднимается злоба. И конец этот положил им Реза-хан, этот солдат-высочка, который с помощью подлых британцев захватил трон, провозгласил себя Реза-шахом, основав династию Пехлеви, а потом, опираясь на свой казачий полк, обуздал нас и постарался стереть с лица земли.

То промысел Божий, что со временем Реза-шах был унижен и сослан своими нечестивыми британскими хозяевами, чтобы умереть в забвении; то промысел Божий, что Мохаммед-шах был вынужден бежать из страны несколько дней назад; то промысел Божий, что Хомейни вернулся, чтобы возглавить Его революцию; на то воля Аллаха, чтобы завтра, или через день, или на следующий день я принял мученическую смерть; Аллаху угодно, чтобы всех нас подхватил Его вихрь и чтобы ныне все счета были сведены с шахскими прихвостнями и всеми иноземцами.

Вертолет теперь был ближе, но иранец по-прежнему не слышал его: шум двигателя тонул в завываниях ветра. Хусейн с чувством удовлетворения вытащил коврик для молитвы и расстелил его на снегу, ощущая, как заныли оставленные кнутом рубцы на спине, потом зачерпнул пригоршню снега. Согласно ритуалу, он совершил омовение рук и лица, готовясь к четвертой молитве дня, повернулся на юго-запад, лицом к священной Мекке, лежавшей в Саудовской Аравии за тысячи миль отсюда, и направил свои помыслы к Богу.

– Аллах-у акбар, Аллах-у акбар. Ля иляха илла-ллах ва Мухаммад расулу-ллах... – Повторяя слова шахады¹, он пал ниц, давая арабским словам целиком завладеть собой: Бог велик. Бог велик. Нет (никакого) божества, кроме Бога, и Мухаммад – посланник Бога.

Ветер усилился, став еще холоднее. И тут сквозь закрывавшую уши ткань молящийся уловил пульсирующий звук реактивного двигателя. Он упорно нарастал, пока не проник к нему в мозг, изгнав оттуда умиротворение и разрушив сосредоточенность. Хусейн в гневе открыл глаза. Приближающийся вертолет шел всего в двухстах футах над землей, поднимаясь прямо на него.

В первое мгновение Хусейн подумал, что вертолет может быть военным, и им вдруг овладел страх: ищут его. Потом разглядел британские цвета – красный, белый и синий – и знакомую эмблему на фюзеляже: заглавные буквы «С-Г» вокруг красного королевского льва Шотландии – та же вертолетная компания, что действовала с воздушной базы в Ковиссе и по всему Ирану, – тогда страх покинул его, но гнев остался. Он неотрывно следил за вертолетом, ненавидя все, что тот олицетворял. Вертолет должен был пройти прямо над ним, но опасности для него не представлял – Ковисси вообще сомневался, что люди на борту его заметят, – и все равно все его существо было возмущено этим вторжением в его покой и разрушением его молитвы. И вместе с нарастающим, бьющим по ушам визгом двигателя в нем заклокотала злоба.

– Ля иляха илла-ллах... – Он попытался вернуться к молитве, но вспарываемый лопастями воздух забросал лицо снегом.

¹ Шахада (араб.) – «свидетельство»; выражение, вошедшее в большинство мусульманских молитв. – *Здесь и далее примеч. перев.*

За его спиной конь испуганно заржал и взвился на дыбы; спутанные ноги не удержались на тропе и заскользили вбок. Выючная верблюдица, тоже перепуганная, почувствовала, как задергался ее повод, с ревом поднялась, спотыкаясь и топчась на трех ногах, немилосердно перетряхивая поклажу и путая веревки.

Его ярость прорвалась наружу.

– Нечестивец! – проревел он вертолету, уже почти перевалившему через гору, вскочил на ноги, схватил автомат, толкнул вниз предохранитель, дал очередь, сделал поправку и выпустил весь рожок.

– САТАНА! – выкрикнул он посреди внезапно наступившей тишины.

Когда первые пули хлестнули по вертолету, молодого пилота Скота Гэваллана на миг будто парализовало и он тупо уставился на дыры в пластиковом фонаре кабины.

– Боже милосердный!.. – охнул он; в него еще никто никогда не стрелял.

Но его восклицание покрыл голос человека на переднем сиденье сбоку от него, чья реакция была отточенной и по-боевому мгновенной.

– Давай вниз! – взревела команда в наушниках пилота. – Вниз! – снова прокричал Том Лочарт в свой подвесной микрофон, потом, поскольку своих рычагов управления у него не было, он накрыл левую руку пилота на рычаге управления общим шагом винта вертолета и толкнул ее вниз, резко сбросив мощность и подъемную силу.

Вертолет пьяно качнулся, тут же потеряв высоту. В этот момент их накрыла вторая автоматная очередь. Сверху и сзади раздался зловещий хруст, где-то еще пуля с визгом чиркнула по металлу, двигатели поперхнулись, и вертолет начал падать.

Вертолет был «Джет Рейнджер АВ 206»: один пилот, четыре пассажира – один впереди, трое сзади, – и сейчас в нем сидели все пять человек. Час назад Скот обычным порядком забрал их, вернувшихся после месячного отпуска, в аэропорту Шираза милях в пятидесяти к юго-востоку; теперь же обыденность превратилась в сущий кошмар, и гора всей массой ринулась на них, потом, чудом пропустив их за край, вдруг покатила вниз, и вертолет нырнул в ложбину, что дало ему передышку на долю секунды, которой хватило, чтобы снова оседлать воздух и обрести частичную управляемость.

– Осторожней, черт подери! – рявкнул Лочарт.

Скот и сам увидел опасность, но не так быстро. Его руки и нога пустили затрясуюся всем корпусом машину по крутой дуге вокруг высоко торчащего впереди камня. Левая лыжа шасси вскользь ударилась о него, протестующее взвизгнув, и они снова понеслись вниз, скользя буквально в нескольких футах над неровной поверхностью из камней и деревьев, которая то проваливалась куда-то, то опять надвигалась.

– Давай вниз, и быстро, – говорил Лочарт, – вон туда, Скот... нет, вон туда, смотри, вдоль того гребня и в ущелье... Тебя задело?

– Нет, нет вроде. А тебя?

– Нет. У тебя сейчас все в порядке, спускайся в ущелье, давай быстрее!

Скот Гэваллан послушно заложил вираж и пустил машину в указанном направлении – слишком низко и слишком быстро, – все еще не вполне придя в себя. Во рту горчило, сердце колотилось в груди. Из-за перегородки за спиной он, сквозь рев двигателей, слышал крики и чертыхания остальных, но обернуться не рискнул и лишь тревожно спросил в микрофон:

– Там кого-то ранило, Том?

– Забудь про них, сосредоточься, следи за гребнем, я ими займусь! – настойчиво проговорил тот, рыская глазами во все стороны. Ему было сорок два года: канадец, бывший пилот Королевских ВВС, бывший наемник, а теперь старший пилот их базы «Загрос-3». – Следи за гребнем и будь готов в любой момент снова увернуться. Приникни к земле и держи машину низко. Гляди в оба!

Гребень был чуть выше их и надвигался слишком быстро. Гэваллан увидел каменный клык, выросший прямо по курсу. Он едва успел уйти вбок, как вдруг сильный порыв ветра швырнул их опасно близко к отвесной стене ущелья. Он слишком пережал рычаг управления, выравнивая машину, услышал в наушниках грязное ругательство, выровнял вертолет, увидел вдруг впереди деревья, камни и неожиданно возникший конец ущелья и понял, что им не спастись.

Все вокруг него разом остановилось, зависло, словно включили замедленное воспроизведение.

– Боже мило...

– Круто влево... обходи камень!

Скот почувствовал, как его руки и ноги подчинились, и увидел, как вертолет проскочил мимо в каких-то дюймах от скалы, метнулся к деревьям, взмыл над ними и вырвался на простор.

– Сажай его вон там, так быстро, как только сможешь.

Он уставился на Лочарта, открыв рот; в животе у него крутилась тяжелая карусель.

– Что?

– Что слышал. Сажай. Надо посмотреть, все проверить, – настаивал Лочарт, мучаясь тем, что рычаги управления не у него. – Я слышал, как что-то сломалось.

– Я тоже слышал, только вот как насчет шасси? А если там уже оторвало все?

– Ты поддержи машину на весу, шасси не нагружай. Я выскочу, проверю. Если шасси в порядке, вертолет посадим, и я его быстренько осматрю. Так целее будем. Один Бог знает, чего там натворили эти пули: маслопровод перебили или кабель задели. – Лочарт увидел, как Скот отвел взгляд от площадки внизу и оглянулся на пассажиров. – К чертям их всех, я же сказал! Разберусь я с ними! – резко бросил он. – Сосредоточься на посадке.

Он увидел, как молодой человек вспыхнул, но подчинился. Потом, борясь с внезапно накатившей тошнотой, Лочарт обернулся, ожидая увидеть повсюду брызги крови, вывернутые внутренности, услышать чьи-то вопли – вопли, тонувшие в реве моторов, – зная, что ничего не сможет сделать, пока они не достигнут спасительного убежища и не сядут: неизменная и первая обязанность вертолетчиков – безопасно посадить машину.

С огромным облегчением – даже голова заныла – он увидел, что три человека на заднем сиденье: два механика и еще один пилот как будто не пострадали, хотя все сидели пригнувшись, а у Джордона, механика, скрючившегося прямо за его спиной, лицо было белым как мел, и голову он сжимал обеими руками. Лочарт отвернулся.

До земли оставалось футов пятьдесят; они заходили на посадку по хорошей траектории, быстро снижаясь. Поверхность площадки была голой и белой, ни одного кустика травы не торчало над снегом, которого по бокам площадки нанесло целые сугробы. На первый взгляд – хороший выбор. Вполне достаточно места для маневра и посадки. Но как определить глубину снежного покрова и то, насколько ровной была земля под ним? Лочарт знал, как бы на месте пилота поступил он. Но рычаги управления находились не у него, и не он командовал этим вертолетом, хотя и был старшим по должности.

– Сзади все в порядке, Скот.

– Слава богу, – выдохнул Скот Гэваллан. – Ты готов на выход?

– Как тебе эта площадка?

Скот уловил предостережение в голосе Лочарта, тут же прекратил маневр, добавил мощности и завис над землей. Господи, подумал он, едва не запаниковав от собственной глупости, если бы Том меня не одернул, я бы сел прямо тут, а одному Богу известно, насколько тут снег глубокий и что там вообще под ним прячется! Он поднялся до ста футов и огляделся.

– Спасибо, Том. Как насчет вон того места?

Новая площадка в нескольких стах ярдов от них на другой стороне лощины была не такой просторной; она располагалась ниже по склону и открывала хороший путь для отхода, если он им вдруг понадобится. Поверхность была почти чистой от снега, не совсем ровной, но вполне подходящей.

– Мне оно тоже больше нравится. – Лочарт сдвинул наушник с одного уха и повернулся. – Эй, Жан-Люк, – прокричал он, перекрывая шум моторов, – ты в порядке?

– Ага. Я слышал, как что-то хрустнуло к чертям.

– Мы тоже. Джордон, ты живой?

– Конечно, твою мать, живой, ч-черт! – раздраженно прокричал в ответ Джордон, тощий, жилистый австралиец, мотая головой, словно собака. – Только вот башкой долбаной прила-дился, ну? Ч-черт бы побрал эти гребаные пули! Скот вроде говорил, что жизнь, черт, налаживаться стала, когда этот хренов шах смотался, а Хомейни, твою мать, вернулся! Это она так налаживается? Теперь они по нам, твою мать, пальбу открыли! Раньше такого не было. Чего ж это, твою мать, делается-то, а?

– А мне откуда знать? Наверное, какой-нибудь идиот, у которого палец на курке чешется. Сиди не высовывайся, я выскочу, взгляну быстренько что и как. Если шасси в порядке, сядем нормально, и ты с Родом сможешь все проверить.

– Чё там с долбаным давлением масла? – прокричал Джордон.

– Стрелка на зеленом. – Лочарт автоматически скользнул взглядом по приборной доске, посадочной площадке, небу: влево, вправо, вверх, вниз. Они аккуратно опускались, до площадки оставалось двести футов. В наушниках он услышал, как Гэваллан монотонно гудит какую-то мелодию себе под нос. – Ты все сделал как надо, Скот, молодец.

– Черта с два! – ответил молодой человек, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно и буднично. – Я бы грохнулся. Когда пули ударили, меня просто парализовало, и, если бы не ты, я бы свалился.

– Вся эта свистопляска из-за меня приключилась главным образом. Толкнул «шаг-газ» без предупреждения. Ты уж извини, но нужно было срочно убрать нас с линии огня этого ублюдка. Я этому еще в Малайе выучился. – Лочарт провел там год в составе британских сил, сражавшихся с повстанцами-коммунистами. – Времени не было тебя предупредить. Садись давай как можно скорее. – Он одобрительно посмотрел, как Гэваллан завис, внимательно изучая местность под собой.

– Ты видел, кто в нас стрелял, Том?

– Нет. Хотя, опять же, я и не ждал встретить тут противника. Где думаешь садиться?

– Вон там, подальше от поваленного дерева. Хорошо?

– Вроде подходит. Давай. Так быстро, как только сможешь. Подержи машину примерно в футе над землей.

Зависание Скот выполнил идеально: машина замерла в нескольких дюймах над снежным покровом, неподвижная, как камни под ней, несмотря на порывистый ветер. Лочарт открыл дверцу. Внезапный холод пробрал его до самых костей. Он застегнул молнию на утепленной летной куртке и осторожно выскользнул наружу, пригибая голову от вращавшихся лопастей.

Передок ползкового шасси был весь в царапинах и вмятинах и немного погнут, но заклепки, крепившие его к стойкам на дне фюзеляжа, сидели крепко. Том быстро осмотрел другую сторону, еще раз проверил поврежденную часть шасси и показал большой палец. Гэваллан чуть сбросил обороты и мягко, как пушинку, посадил машину.

Тут же три человека с заднего сиденья друг за другом выбрались из вертолета. Жан-Люк Сессон, пилот-француз, нырнул в сторону, чтобы оба механика могли начать осмотр, один по левому борту, другой по правому, от носа к хвосту. Ветер от крутящихся лопастей дергал их за одежду, хлестал нещадно. Лочарт залез под вертолет, отыскивая глазами следы утечки масла или топлива, но ничего не нашел, поэтому выбрался и последовал за Родригесом. Родригес

был американцем и классным спецом – его собственный механик, который вот уже год как обслуживал 212-й, на котором Лочарт обычно летал. Родригес открыл защелки на панели для осмотра двигателя и заглянул внутрь, его тронутые сединой волосы и одежда плескались на ветру.

Правила и нормы безопасности компании «С-Г» были самыми высокими среди всех вертолетных компаний Ирана, поэтому хитросплетения проводов, труб, топливопроводов выглядели чисто, аккуратно – и в полном порядке. Но тут Родригес вдруг ткнул внутрь пальцем. На поддоне картера виднелась глубокая царапина – след от срикошетившей пули. Он еще раз показал куда-то вглубь, посветив себе фонарем. Один из маслопроводов задело. Когда он вытащил оттуда руку, она вся была в масле.

– Черт! – выругался он.

– Глушим мотор, Род? – прокричал Лочарт.

– Черт, нет! Может, тут где-то еще эти стрелки-идиоты попрятались, да и ночевать тут нам не с руки. – Родригес вытащил кусок ветоши и гаечный ключ. – Посмотри там сзади, Том.

Лочарт оставил его заниматься своим делом и обеспокоенно огляделся, прикидывая, где можно было бы укрыться на ночь. У другого края площадки Жан-Люк невозмутимо мочился на поваленное дерево, пожевывая сигарету.

– Смотри не отморозь, Жан-Люк! – крикнул он и увидел, как тот в ответ добродушно поводит струйкой туда-сюда.

– Эй, Том! – Джордон махал рукой, подзывая его к себе.

Лочарт тут же поднырнул под хвост вертолета и подошел к механику. Его сердце на мгновение остановилось. Джордон снял обзорную панель со своей стороны. В фюзеляже зияли два пулевых отверстия, прямо над топливными баками. Господи Иисусе, опоздай мы на долю секунды, и баки бы рванули! – подумал он. Если бы я тогда не толкнул вниз рычаг общего шага, мы бы все уже были на том свете. Это как пить дать. Если бы не толкнул, куски наших тел валялись бы сейчас по всем окрестным скалам. Главное – за что?

Джордон дернул его за рукав и показал пальцем еще раз, следуя направлению пули. На колонке несущего винта сверкала еще одна царапина.

– Чтоб я сдох, если знаю, как этот кретин не попал по этим долбаным лопастям! – прокричал он; красная шерстяная шапочка, в которой он ходил постоянно, была натянута на самые уши.

– Видно, наше время еще не пришло.

– Чего?

– Ничего. Обнаружил еще что-нибудь?

– Пока ни хрена. Ты сам-то в порядке, Том?

– Конечно.

Внезапно раздался громкий треск, и все испуганно обернулись, но это оказалась лишь огромная ветвь дерева, обломившаяся под тяжестью снега.

– *Espèce de con!*² – смачно выругался Жан-Люк по-французски и пристально посмотрел в небо, отчетливо понимая, как быстро потемнеет кругом, потом, в ответ на свои мысли, пожал плечами, закурил еще одну сигарету и отошел, притопывая замерзшими ногами.

Джордон со своего бока других повреждений не нашел. Минуты текли. Родригес все еще бормотал и чертыхался себе под нос, неловко засунув одну руку глубоко в чрево отсека. Остальные сгрудились в кучку и наблюдали за ним, стоя на безопасном расстоянии от лопастей винта. Было шумно и неудобно; света пока хватало, но это было ненадолго. Им оставалось лететь еще двадцать миль, и в этих горах никакой навигационной системы у них не было, кроме небольшого приводного радиомаяка, который иногда работал, а иногда нет.

² Придурок! (*фр.*)

– Ну давай же, черт возьми! – пробормотал кто-то.

Да уж, подумал Лочарт, пряча свою тревогу.

В Ширазе улетающая группа из двух пилотов и двух механиков, которых они подменяли, торопливо помахала рукой на прощание и бегом бросилась к 125-му – восьмиместному двухмоторному реактивному самолету, который их компания использовала для перевозки пассажиров или специальных грузов, – тому самому, на котором прилетели сюда через залив из международного аэропорта Дубая, возвращаясь после месячного отпуска, Лочарт и Джордон – из Англии, Жан-Люк – из Франции, а Родригес – с сафари в Кении.

– Черт, куда это они так торопятся?! – спросил тогда Лочарт, глядя, как маленький самолет закрыл дверцу и покатил прочь.

– Аэропорт до сих пор так и работает только частично, все бастуют, но ты не беспокойся, – ответил Скот Гэваллан. – Им просто нужно успеть взлететь, прежде чем этот въедливый сукин сын – во всякой дыре затычка, – который сидит в диспетчерской вышке и мнит себя даром Господа иранской службе управления полетами, отменит их разрешение на взлет. Нам бы тоже лучше сматываться отсюда побыстрее, пока он и нас не начал мочалить. Грузите свое хозяйство.

– А как же таможня?

– Все еще бастует, старина. Вместе со всеми остальными. Банки тоже закрыты. Ладно, через неделю-другую все образуется.

– Merde!³ – выругался Жан-Люк. – Французские газеты пишут, что Иран – это полная катастрофа: с одного бока Хомейни со своими муллами, армия готова устроить переворот хоть завтра, коммунисты всех раскачивают, заводят до упора, правительство Бахтияра бессильно, гражданской войны не избежать.

– Да чего они там во Франции знают, старина, – мимоходом заметил Скот Гэваллан, помогая им перетаскивать вещи в вертолет. – Фран...

– Французы-то знают, mon vieux⁴. Все газеты в голос твердят, что Хомейни с правительством Бахтияра никогда дел иметь не будет, потому что Бахтияр ставленник шаха, а всем, кто связан с шахом, конец. Крышка. Этот старый факир-огнеглотатель уже сто раз говорил, что не станет работать ни с кем, кого назначил шах.

– Жан-Люк, три дня назад в Абердине я виделся с Энди, – сказал Лочарт, – и он настроен оптимистично: мол, теперь, когда Хомейни вернулся, а шах сбежал, в Иране все скоро опять придет в норму.

– Во, слышал? – просиял Скот. – Уж если кто и знает, так это Старик. Как он там, Том?

Лочарт ухмыльнулся в ответ:

– Отлично, все такой же неугомонный. – (Энди они называли Эндрю Гэваллана, отца Скота, президента и исполнительного директора компании «С-Г».) – Энди говорил, что у Бахтияра армия, флот, ВВС, полиция и САВАК, так что Хомейни придется как-нибудь договариваться. Иначе – гражданская война.

– Господи, – пробормотал Родригес, – а какого черта мы тогда вообще назад приперлись?!

– Деньги.

– Bullmerde!⁵

Все рассмеялись: Жан-Люк был убежденным пессимистом. Потом Скот заметил:

– Да какая, к дьяволу, разница, Жан-Люк?! Нас ведь здесь пока еще никто ни разу не трогал, а? При всей этой кутерьме нас по-настоящему никто не пытался достать. Все наши контракты – с «Иран ойл», а это правительство, будь там Бахтияр, Хомейни или Генерал Кто

³ Дерьмо! (фр.)

⁴ Старина (фр.).

⁵ Дерьмо собачье! (англ. и фр.)

Угодно. Не важно, кто у власти, им всем нужно скорее возвращаться к нормальной жизни. Любому правительству нефтедоллары нужны будут до зарезу, так что без вертолетов им не обойтись, без нас им не обойтись. Черт возьми, не идиоты же они!

– Нет, но Хомейни – фанатик, и ему на все наплевать, кроме ислама, а нефть – это не ислам.

– А как же Саудовская Аравия? Эмираты, ОПЕК тот же, ну? Они ведь мусульмане, а цену каждому баррелю знают. Да черт с ним, со всем этим, лучше послушайте! – Скот широко улыбнулся. – «Герни авиэйшн» ушла со всей территории гор Загрос и полностью сворачивает деятельность в Иране. Под ноль!

Это привлекло внимание каждого из них. «Герни авиэйшн», огромная американская вертолетная компания, была их основным конкурентом. Если «Герни» уйдет, работы прибавится вдвое, а все иностранные сотрудники «С-Г» в Иране получали зарплату по премиальной системе, которая была привязана к доходности иранских операций.

– Это точно, Скот?

– Точно, Том. У них с «Иран ойл» по этому поводу столько крику было, что только держись. В конце концов «Иран ойл» им говорит: ладно, хотите уходить – уходите, но все вертолеты переданы по лицензии нам, так что они останутся и все запчасти! Ну, «Герни» им и говорит: да подавитесь вы! Закрыла свою базу в Геше, все вертолеты законсервировала и отчалила.

– Я в это не верю, – покачал головой Жан-Люк. – У «Герни» по контрактам здесь должно быть полсотни машин, даже они не могут себе позволить просто взять и списать такое их количество.

– Все равно мы на прошлой неделе уже три рейса сделали, которые раньше обслуживала исключительно «Герни».

Жан-Люк перебил ликующие возгласы:

– А почему «Герни» вдруг ушла, Скот?

– Наш бесстрашный вождь в Тегеране думает, что у них духу не хватило, не выдержали давления или не захотели упираться. Если разобраться, Хомейни свою злобу изливает в первую очередь именно на Америку и американские компании. Мак-Ивер считает, что они спасают, что можно спасти, а для нас это просто здорово.

– Мадонна, если они не смогут вывезти свои вертолеты и запчасти, влипнут по самую макушку!

– Нам-то что гадать, зачем да почему, старина, наше дело простое: бери да летай. Если упрямся и не сдвинемся с места, получим все их контракты и заработаем вдвое больше в одном только этом году.

– Tu en parles mon cul, ma tête est malade!

Они все захохотали. Даже Джордон знал, что означала эта фраза: «Скажи это моей заднице, голова-то болеет».

– Не переживай, старина, – сказал Скот.

Лочарт убежденно кивнул. Он стоял на площадке, горный холод до него еще не добрался. Энди и Скот правы, скоро все опять станет нормально, должно стать, думал он. Английские газеты тоже были убеждены, что теперь ситуация в Иране быстро нормализуется. Если только Советы открыто не вмешаются. А их предупредили. Так что в Иран не полезут ни американцы, ни Советы, и иранцы теперь смогут сами и по-своему улаживать свои дела. Это правда: кто бы ни пришел к власти, им срочно понадобятся стабильность и доходы, а это означает нефть. Да. Все будет хорошо. Она в это верит, а если она верит, что все будет чудесно, как только шаха свергнут, а Хомейни вернется, то почему бы и мне в это не верить?

Ах, Шахразада, как же мне тебя не хватало этот месяц.

Из Англии позвонить ей было невозможно. Телефоны в Иране и так никогда особенно хорошо не работали в силу огромной перегруженности линий – результат слишком скорой

индустриализации. Но за последние восемь месяцев, с тех пор как начались беспорядки, из-за практически постоянных забастовок работников телефонных компаний связь как внутри страны, так и на международных линиях становилась все хуже и хуже, пока не перестала работать почти совсем. Когда Лочарт был в штаб-квартире компании в Абердине, где он проходил очередной регулярный медосмотр, ему, после восьми часов непрерывных попыток, удалось послать ей телекс. Он отправил его на имя Дункана Мак-Ивера в Тегеран, где она сейчас находилась. В телексе, впрочем, много не скажешь: скоро увидимся, скучаю, люблю...

Милая моя, теперь уже скоро, а по...

– Том?

– А-а... Жан-Люк, что там?

– Скоро снег пойдет.

– Да.

Жан-Люк, узколицый, кареглазый, с крупным галльским носом, был худым, как все пилоты. Каждые шесть месяцев они должны были проходить медосмотр с пристрастием у врачей, для которых избыточный вес не имел оправданий в принципе.

– Кто в нас стрелял?

– Я никого не видел, – пожал плечами Лочарт. – А ты?

– Тоже нет. Надеюсь, какой-нибудь спятивший одиночка. – Жан-Люк в упор посмотрел на него. – В какой-то момент мне показалось, что я снова в Алжире – эти горы от тех не сильно отличаются, – опять в ВВС, опять воюю с феллагами и ФНО⁶, будь они прокляты! – Он раздавил окурок каблуком. – Побывал я на одной гражданской войне, мало не показалось. Но у меня тогда хоть были бомбы и пулеметы. Не хочется мне оказаться гражданским, который влип еще в одну и которому не на что больше положиться, кроме как на свое умение быстро сматываться.

– Это был просто спятивший одиночка.

– Думаю, Том, нам придется иметь дело с целой прорвой спятивших одиночек. У меня с самого отлета из Франции на душе паршиво. За тот месяц, что нас не было, тут все стало только хуже. Мы-то с тобой на войне побывали, а большинство остальных – нет. Мы беду носом чуем, ты и я, и мой мне говорит, что нам здесь придется очень туго.

– Да нет, ты просто устал.

– Это, конечно, верно. А Энди действительно так оптимистично настроен?

– Очень. Шлет огромный привет, говорит, чтобы не сбавляли обороты!

Жан-Люк рассмеялся, потом подавил зевок:

– Мадонна, до чего же есть хочется. Что там Скот приготовил к нашему возвращению?

– Натянул над ангаром транспарант «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

– На ужин, *mon vieux*. На ужин.

– Скот говорил, он с ребятами из деревни на охоту ходил, так что у него для твоих заботливых рук припасена задняя нога оленя и пара зайцев. Ну и угли для барбекю будут уже готовы.

У Жан-Люка загорелись глаза.

– Хорошо. Послушай, я привез бри, чеснок – целый килограмм, – копченый окорок, анчоусы, лук, потом несколько кило макарон, томатное пюре в банках, и жена дала мне новый рецепт от Джанни из Сен-Жана, эт-то просто что-то невероятное. И вино.

Рот Лочарта наполнился слюной. Кулинария была хобби Жан-Люка, и под настроение он творил у плиты с истинным вдохновением.

– Я понабрал банок со всем, что только пришло в голову, в «Фортнум и Мейсон» и привез виски. Хей, я соскучился по твоей стряпне.

⁶ Фронт национального освобождения Алжира.

И по твоей компании, подумал он. Когда они встретились в Дубае и пожали друг другу руки, он спросил:

– Как отпуск?

– Я был во Франции, – произнес Жан-Люк с важным видом.

Лочарт тогда позавидовал, как у француза все было просто. Англия ему радости не принесла: погода, еда, отпуск, дети, она, Рождество – все выходило плохо, как он ни старался. Ладно. Я вернулся и скоро буду в Тегеране.

– Ты сегодня готовишь, Жан-Люк?

– Конечно. Как я могу прожить без нормальной пищи?

– Как весь остальной мир живет, – расхохотался Лочарт.

Они наблюдали за Родригесом, который по-прежнему работал не покладая рук. Шум реактивных двигателей стал глуше, лопасти хлестали по нему тугими струями воздуха. Лочарт показал большой палец Скоту Гэваллану, который терпеливо ждал в кабине. Скот в ответ предъявил свой, затем указал на небо. Лочарт кивнул, пожал плечами, потом опять стал наблюдать за Родригесом, понимая, что помочь ничем не может, оставалось только стоически ждать.

– Когда ты отправляешься в Тегеран? – спросил Жан-Люк.

Сердце Лочарта забилося быстрее:

– В воскресенье, если снег не пойдет. У меня отчет для Мак-Ивера и почта для них. Я возьму двести шестой. Завтрашний день уйдет на то, чтобы все проверить. Скот сказал, нам надо подготовиться, чтобы мы в любой момент могли начать полеты в полном объеме.

Жан-Люк уставился на него:

– Насири сказал, в полном объеме?

– Да. – (Насири, сотрудник компании «Иран ойл», государственной монополии, которой принадлежала вся нефть в стране, и на земле и под землей, был их иранским посредником и директором базы; через него они получали все заказы, он же давал разрешения на полеты. «С-Г» работала по контракту с «Иран ойл», проводя воздушную разведку, подвозя людей, припасы и оборудование на нефтяные вышки, разбросанные по всему горному массиву, а также занимаясь эвакуацией пострадавших при неизбежных несчастных случаях и чрезвычайных ситуациях.) – Из-за погоды я сомневаюсь, что мы будем много летать на следующей неделе, но, думаю, на двести шестом я должен суметь выбраться.

– Ага. Тебе понадобится проводник. Я тоже полечу.

– Никак не выйдет, дружище, – рассмеялся Лочарт. – Ты мой заместитель и дежуришь две следующие недели.

– Но я там буду не нужен. На три денька, а? Посмотри на небо, Том. Я должен убедиться, что с нашей квартирой все в порядке. – (В нормальные времена Тегеран был местом базирования для всех пилотов с их семьями; пилоты две недели работали, одну отдыхали. Многие выбирали два месяца работы и месяц отпуска дома, особенно англичане.) – Мне очень важно попасть в Тегеран.

– Я проверю твою квартиру, если хочешь, и, если ты пообещаешь готовить три ужина в неделю, я тебе потихоньку выкрою два дня, когда вернусь. Ты же только что целый месяц отгулял.

– Но то ж дома. Теперь я должен подумать о *mon amie*⁷. Она, конечно же, места себе не находит, когда меня в Тегеране нет, измучилась, целый месяц без меня прожила. И говорить нечего. – Жан-Люк наблюдал за Родригесом, потом снова поднял глаза на небо. – Мы можем ждать еще десять минут, Том, потом придется разбивать лагерь, пока еще светло.

– Да.

– Однако, возвращаясь к вещам более важным, Том, по...

⁷ Моя подружка (*фр.*).

– Нет.

– Мадонна, будь же ты французом, а не англосаксом. Целый месяц ведь! Подумай о ее чувствах!

Родригес со щелчком закрепил панель на месте и вытер руки.

– Дует отсюда ко всем чертям! – крикнул он и забрался в вертолет.

Они быстро последовали за ним. Родригес все еще пристегивал ремень безопасности, чувствуя, как ноют спина и шея, когда они поднялись в воздух и понеслись к своей базе за следующим горным хребтом.

– Ты чего уставился, Эффер? – спросил Родригес, заметив, что Джордон пристально смотрит на него.

– Как же ты залатал этот долбанный маслопровод, приятель? Там же гребаная дырища насквозь.

– Жвачкой.

– Чего?

– Жевательной резинкой. А как же еще, черт подери! Это работало в паршивом Вьетнаме, стало быть, и здесь, черт подери, сработает! Наверное. Потому что у меня ее имелось совсем чуть-чуть, но надо же было что-то делать, чтобы уж потом, черт подери, молиться. И ради бога, прекрати ты материться, а?

Они благополучно сели на базе, когда снегопад только-только начинался. Работники наземной службы на всякий случай включили посадочные огни.

База состояла из четырех трейлеров, в которых жили люди, кухни, ангара, вмещавшего их 212-й – четырнадцатиместный вертолет, использовавшийся для перевозки людей или грузов, – и два 206-х, и посадочных площадок. Тут же стояли склады с запчастями для буровых установок, мешками цемента, насосами, генераторами и всевозможным вспомогательным оборудованием для вышек, включая бурильные трубы. База располагалась на небольшом плато на высоте семь тысяч пятьсот футов над уровнем моря, лесистом и очень живописном, в чаше, наполовину окруженной заснеженными пиками, вздымавшимися на двенадцать тысяч футов и выше. В полумиле от базы находилась деревня Яздек. Жители принадлежали к небольшому племени из числа кочевых кашкайцев, лет сто назад осевшему в этих краях, на пересечении двух небольших караванных путей из тех, что пересекали Иран вдоль и поперек в течение трех, а то и четырех тысячелетий.

«С-Г» содержала здесь свою базу в течение семи лет по контракту с «Иран ойл», сначала проводя разведку и топографическую съемку местности для прокладки нефтепровода, потом помогая строить и обслуживать нефтяные вышки на близлежащих богатых нефтяных месторождениях. Это было уединенное, дикое и красивое место, где летать было интересно и безопасно, а часы работы были удобными – иранские предписания, действовавшие на всей территории Ирана, допускали проведение полетов только в светлое время суток. Летом здесь было чудесно. Большую часть зимы снег отрезал их от остального мира. Рядом лежали рыбные озера с кристально чистой водой, в лесах было полно дичи. Отношения с жителями Яздека установились отличные. Если не считать почты, снабжение у них, как правило, было хорошее, и они ни в чем не нуждались. И что для всех них было очень важно, штаб-квартира компании в Тегеране была далеко отсюда, почти все время вне зоны радиосвязи, так что они вполне были предоставлены сами себе – и очень этим довольны.

Едва Скот выключил зажигание и несущий винт остановился, Родригес и Джордон снова сняли панель для осмотра. В следующий миг на их лицах застыло выражение ужаса. Весь низ отсека был залит маслом. К нему примешивался тяжелый запах вертолетного топлива. Трясущейся рукой Родригес пошарил внутри, потом посветил фонарем. На одном из швов на краю топливного бака виднелся крошечный разрыв, который они просто никак не могли заметить

во время экстренной посадки на горном склоне. Тонкая струйка топлива сбегала вниз, смешиваясь с маслом.

– Господи Иисусе, Эффер! Смотри сюда, черт, это же натуральная бомба с часовым механизмом! – прокрипел он, а позади него Джордон едва не потерял сознание. – Одна искра и... Эффер, тащи шланг скорей, Христа ради, я тут все водой залью, пока мы не взлетели к чертям собачьим...

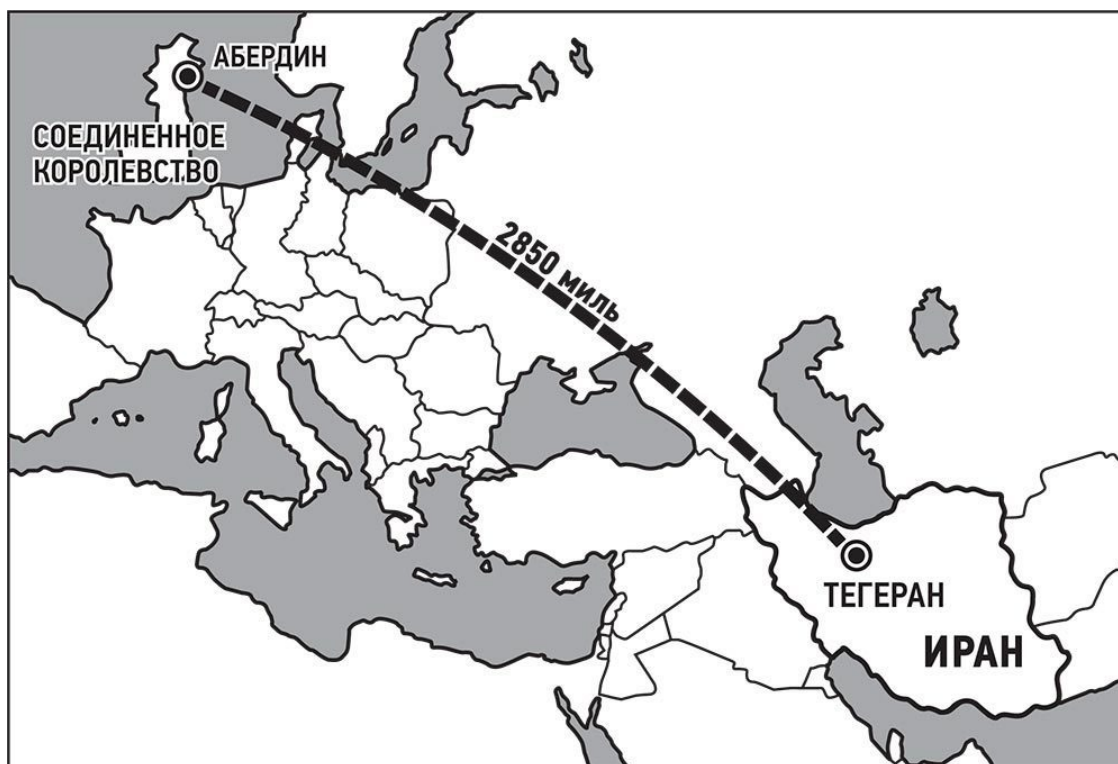
– Я принесу, – сказал Скот, потом добавил дрожащим голосом: – Да, похоже, одной жизнью у нас теперь меньше. Осталось восемь.

– Ты, видно, везунчиком родился, капитан, – сказал Родригес, чувствуя сильную тошноту. – Ага, именно везунчиком. Эта крошка...

Он вдруг замолчал и прислушался. Все вокруг сделали то же самое – Лочарт и Жан-Люк, стоявшие возле командного трейлера с Насири и полудюжиной наземных работников-иранцев, поварами и грузчиками. Стало очень тихо. Потом со стороны деревни донеслась еще одна автоматная очередь.

– Проклятье! – пробормотал Родригес. – За каким чертом мы только вернулись на эту вшивую помойку?

Глава 2

АБЕРДИН, ШОТЛАНДИЯ. ВЕРТОЛЕТНЫЙ АЭРОДРОМ КОМПАНИИ «МАК-КЛАУД». 17:15. Огромный вертолет, стрекоча лопастями, опустился, возникнув из сумерек, и сел рядом с «роллсом», припаркованным возле одной из заливаемых дождем вертолетных площадок. Весь аэродром был охвачен кипучей деятельностью: другие вертолеты садились и взлетали с вахтами нефтяников, работниками и грузами; на всех бортах и на всех ангарах гордо красовалась эмблема «С-Г». Дверь кабины открылась, и два человека в летных комбинезонах и спасательных жилетах спустились по гидравлическому трапу, наклонившись вперед, навстречу ветру и дождю. Прежде чем они дошли до машины, шофер в униформе вышел и открыл им дверцу.

– Отлично прокатились, не правда ли? – радостно сказал Эндрю Гэваллан, высокий мужчина, крепкий и очень подтянутый для своих шестидесяти четырех лет. Он легко выскользнул из своего надувного жилета, стряхнул дождевые капли с воротника и сел в машину рядом со своим спутником. – Чудесная машина, все как обещали изготовители. Я тебе говорил, что мы первые посторонние люди, которым довелось принять участие в ее испытательных полетах?

– Первые, последние – мне все равно. Мне показалось, что нас чертовски трясло и было чертовски шумно, – раздраженно ответил Линбар Струан, с трудом пытаясь стащить с себя спасательный жилет. Ему было пятьдесят. Песочного цвета волосы, голубые глаза. Глава компании «Струанз», огромного конгломерата со штаб-квартирой в Гонконге, прозванного Благородным Домом, которому тайно принадлежал контрольный пакет акций вертолетной компании «С-Г». – Я по-прежнему считаю, что инвестиции в расчете на одну машину слишком велики. Чрезмерно велики.

– В экономическом смысле ставка на Х63 самая перспективная. Машина идеально подходит для Ирана, Северного моря и вообще для любого места, где мы перевозим большие грузы, особенно для Ирана, – терпеливо ответил Гэваллан, не желая, чтобы его ненависть к Линбару омрачила удовольствие от безукоризненно прошедшего испытательного полета. – Я заказал шесть штук.

– Я еще не дал добро на покупку! – вскинулся Линбар.

– Твое разрешение не обязательно, – произнес Гэваллан, и взгляд его карих глаз стал суровым. – Я член внутреннего правления «Струанз», ты и внутреннее правление одобрили покупку еще в прошлом году при условии успешного прохождения испытаний, если я дам такую рекомендацию, а...

– Ты пока еще не дал такой рекомендации!

– Я даю ее сейчас, и дело с концом! – Гэваллан сладко улыбнулся и откинулся на спинку сиденья. – Контракты будут у тебя на заседании совета через три недели.

– Делу-то как раз конца нет и, видно, не будет, Эндрю, а? Черт бы побрал тебя и твое проклятое честолюбие!

– Я для тебя угрозы не представляю, Линбар, давай по...

– Согласен! – Линбар зло схватил микрофон для связи с водителем по ту сторону звуко-непроницаемой стеклянной перегородки. – Джон, высадите мистера Гэваллана у офиса, потом езжайте в Эвисьярд-Касл.

Автомобиль тут же тронулся с места и покатил к трехэтажному административному зданию по другую сторону от группы ангаров.

– Как там Эвисьярд-Касл? – отрешенно спросил Гэваллан.

– Лучше, чем в твои времена... Извини, что тебя и Морин в этот раз не пригласили на Рождество, может быть, в следующем году. – Линбар взглянул в окно и указал большим пальцем в сторону огромного вертолета. – И с этим тебе лучше не пролететь. Да и вообще ни с чем не пролетать.

Лицо Гэваллана сморщилось. Он постоянно был на страже, но шпилька про жену больно кольнула его.

– Уж если говорить о пролетах, то как насчет твоих катастрофических вложений в Южной Америке, твоей глупой ссоры с «Тода шиппинг» из-за их танкерного флота, как насчет контракта на строительство тоннеля в Гонконге, который достался «Пар-Кон/Тода», как насчет предательства наших старых друзей в Гонконге в результате твоих манипуляций с акция...

– Предательство – чушь собачья! Старые друзья – чушь собачья! Им всем больше двадцати одного, да и что они для нас сделали хорошего в последнее время? Шанхайцы вроде должны быть посообразительнее нас, кантонцев, люди с Большой земли, понимаешь ли, ты сам это говорил миллион раз! Я, что ли, виноват, что у нас нефтяной кризис, или что весь мир взбеленился, или что Иран катится ко всем чертям, или что арабы вместе с японцами,

корейцами и тайваньцами нас на кресте распинают! – Линбар вдруг задохнулся от злобы. – Ты забываешь, мы теперь живем в другом мире, Гонконг стал иным, весь мир изменился! Я тайбань «Струанз», я обязан заботиться о благополучии Благородного Дома, и у каждого тайбаня бывали неудачи, даже у твоего растреклятого сэра, черт бы его побрал, Иэна Данросса, а уж у него-то их и еще будет с этими его бреднями о нефтяных богатствах Китая. Даже...

– Иэн прав насч...

– Даже у «Карги» Струан бывали неудачи, даже у самого нашего проклятого основателя Дирка Струана, чтоб и ему в аду гореть! Не моя вина, что мир взял и испортился к чертям. Думаешь, у тебя бы вышло лучше? – кричал Линбар.

– Раз в двадцать! – отрезал Гэваллан.

Линбара теперь трясло от злости.

– Я бы тебя уволил, если бы мог, да не имею права! Я по горло сыт тобой и твоим коварством, ты, старый отсталый болван! Ты через женитьбу в семью пролез, ты по-настоящему не являешься ее членом, и если есть Господь на небесах, однажды ты сам себя уничтожишь! Я тайбань, а тебе, клянусь Богом, им никогда не бывать!

Гэваллан замолотил кулаком в перегородку, и машина резко остановилась. Он распахнул дверь и выбрался наружу.

– *Цзю ни ло мо*⁸, Линбар! – процедил он сквозь зубы и в бешенстве зашагал прочь под проливным дождем.

Их ненависть друг к другу началась в конце пятидесятых – начале шестидесятых, когда Гэваллан работал на «Струанз» в Гонконге, перед тем как переехать сюда по тайному распоряжению тогдашнего тайбаня Иэна Данросса, брата покойной жены Гэваллана Кэти. Линбар завидовал ему до нервной дрожи, потому что Гэваллан пользовался доверием Данросса, а он – нет и еще главным образом потому, что шансы Гэваллана унаследовать однажды титул тайбаня всегда рассматривались как очень высокие, тогда как у Линбара, по общему мнению, шансов не было вовсе.

В компании «Струанз» испокон века существовал нерушимый закон, согласно которому тайбань обладал абсолютной и непререкаемой исполнительной властью, а также непреложным правом самому выбрать время своего ухода и назначить своего преемника, который должен был являться членом внутреннего правления и поэтому в каком-то смысле членом семьи. Но как только это решение принималось, тайбань был обязан уступить преемнику все полномочия. Иэн Данросс мудро правил компанией десять лет, потом выбрал себе на смену своего двоюродного брата Дэвида Мак-Струана. Четыре года назад, в самом расцвете сил, Дэвид Мак-Струан, страстный альпинист, погиб, совершая восхождение в Гималаях. Перед самой смертью и в присутствии двух свидетелей он, ко всеобщему изумлению, назвал своим преемником Линбара. Его смерть стала объектом полицейского расследования – британского и непальского. Над его веревками и альпинистским снаряжением кто-то поработал.

Оба расследования закончились одним вердиктом: «несчастный случай». Горный склон, по которому поднимались альпинисты, находился в удаленном месте, падение произошло внезапно, никто толком не знал, что именно случилось, ни альпинисты, ни проводники, погодные условия были вполне хорошими, и, да, сахиб был человеком здоровым и мудрым, не из тех, кто станет глупо рисковать. «Но, сахиб, наши горы в Верхних Землях не такие, как другие горы. Наши горы имеют духов и время от времени гневаются, сахиб, а кто может предсказать, что вдруг сделает дух?» Пальцем ни на кого конкретно не показывали, веревки и снаряжение, «возможно», никто и не трогал, просто их не содержали в должном порядке. Карма.

Кроме проводников-непальцев, все двенадцать альпинистов в группе были людьми из Гонконга, друзья и деловые партнеры, британцы, китайцы, один американец и два японца:

⁸ Широко употребляемое китайское ругательство.

Хиро Тода, глава «Тода шиппинг индастриз», давний личный друг Дэвида Мак-Струана, и один из его партнеров, Нобунага Мори. Линбара среди них не было.

Рискуя жизнью, два человека и один проводник спустились в щель и добрались до Дэвида Мак-Струана прежде, чем он умер: Пол Чой, баснословно богатый директор «Струанз», и Мори. Оба показали, что перед смертью Дэвид Мак-Струан официально сделал Линбара своим преемником. Вскоре после того, как понурая группа вернулась на Гонконг, исполнительный секретарь Мак-Струана, разбираясь в его рабочем столе, обнаружила подписанный им обычный лист с печатным текстом, датированный несколькими месяцами ранее и засвидетельствованный Полом Чоем, который подтверждал это назначение.

Гэваллан помнил, как он был тогда потрясен, как были потрясены все они: Клаудиа Чэнь, исполнительный секретарь тайбаня на протяжении поколений и родственница его собственного исполнительного секретаря Лиз Чэнь, больше, чем кто-либо.

– Это совсем не похоже на тайбаня, мастер Эндрю, – сказала она ему тогда, уже старушка, но при этом ни на йоту не утратившая остроты ума. – Тайбань никогда бы не оставил документ такой важности в рабочем столе, он убрал бы его в сейф в Большом доме компании вместе с... вместе со всеми другими документами, не предназначенными для чужих глаз.

Но Дэвид Мак-Струан его не убрал. И предсмертное распоряжение вкупе с этим подтверждающим документом придали всему законный характер, так что теперь Линбар Струан был тайбанем Благородного Дома, и говорить больше не о чем, но все равно *цзю ни ло мо* на Линбара, его мерзкую жену, его китайскую любовницу-дьяволицу и его гнусных друзей. Я по-прежнему готов жизнь поставить на то, что Дэвида если и не убили, то каким-то образом обманули. Но зачем Полу Чою лгать или Мори, с какой стати, они же ничего от этого не выигрывают...

Внезапный порыв ветра ударил в него, и он коротко охнул, очнувшись от своих мыслей. Сердце все еще учащенно стучало в груди, и он обругал себя за то, что потерял самообладание и позволил Линбару сказать то, чего тот не должен был говорить.

– Дурень ты несчастный, ты мог бы удержать его от этой вспышки, как всегда делал, ведь тебе с ним и его присными работать еще годы и годы. Ты и сам виноват! – произнес он вслух, потом пробормотал себе под нос: – Сукину сыну не следовало меня подкалывать насчет Морин...

Они были женаты три года, их дочери исполнилось два. Его первая жена Кэти умерла девять лет назад от рассеянного склероза.

Бедная добрая Кэти, с горестью подумал он, как же тебе не повезло.

Он прищурился, вглядываясь в дождь, и увидел, как «роллс» выехал за ворота аэродрома и исчез. Чертовски обидно из-за Эвисьярд-Касла, я так люблю это место, подумал он, вспоминая те славные времена, когда жил там со своей Кэти и их двумя детьми, Скотом и Мелиндой. Эвисьярд-Касл был родовым поместьем Дирка Струана, которое он завещал приходящим на смену тайбаням на время их пребывания в должности. Бессистемно построенное и прекрасное, оно занимало больше тысячи гектаров в графстве Эршир. Обидно, что нам – Морин, мне и маленькой Электре – туда теперь не попасть, уж точно, пока Линбар остается тайбанем. Жалко, конечно, но такова жизнь.

– Ладно, этот прыщ не вечен, – сказал он ветру и почувствовал себя лучше, произнеся это вслух, затем вошел в здание управления и прошел в свой кабинет.

– Привет, Лиз, – бросил он.

Лиз Чэнь была симпатичной евразийкой пятидесяти с небольшим лет, которая переехала сюда вместе с ним из Гонконга в 1963-м и знала все секреты «Гэваллан холдингз», изначального фасада, под прикрытием которого он строил свою деятельность, «С-Г» и «Струанз».

– Что новенького?

– Ты поругался с тайбаном, и ладно. – Она протянула ему чашку чая, ее голос звучал живо и весело.

– Черт возьми, верно! Дьявольщина, а ты откуда знаешь? – Она просто рассмеялась в ответ, и он улыбнулся вместе с ней. – А ну его к черту! Ты дозвонилась до Мака? – Речь шла о Дункане Мак-Ивере, который возглавлял иранское отделение «С-Г» и был старейшим другом Гэваллана.

– У нас тут парнишка поставлен набирать его номер с утра до вечера, но иранские линии по-прежнему дают короткие гудки. Телекс тоже не отвечает. Дункану, должно быть, не меньше, чем тебе, не терпится поговорить. – Она приняла плащ Эндрю и повесила на крючок в его кабинете. – Твоя жена звонила, она заберет Электру из яслей и хотела знать, ждешь ли тебя к ужину. Я сказала ей, что, думаю, ты приедешь, только, возможно, задержишься. Через полчаса у тебя селектор с «ЭксТекс».

– Да. – Гэваллан опустил за стол и приготовил нужную папку. – Лиз, проверь, пожалуйста, работает ли уже связь с Маком по телексу.

Она тут же начала набирать номер. Кабинет у него был просторный и опрятный, окна выходили на летное поле. На чистом рабочем столе стояло несколько семейных фотографий в рамках: Кэти с маленькими Мелиндой и Скотом на фоне огромного замка Эвисьярд-Касл; Морин с их крошкой на руках. Милые лица, улыбающиеся лица. Одна-единственная картина маслом кисти Аристотеля Квэнса с изображенным на ней тучным китайским мандарином – подарок Иэна Данросса в честь первой посадки на нефтяной платформе в Северном море, которую успешно осуществил Мак-Ивер, и начала новой эры.

– Энди, – сказал тогда Данросс, заваривая всю эту кашу, – я хочу, чтобы ты взял Кэти и ребяташек и перебрался из Гонконга домой, в Шотландию. Я хочу, чтобы ты притворился, будто уходишь из компании «Струанз». Разумеется, ты останешься членом внутреннего правления, но на время это станет для всех секретом. Я хочу, чтобы ты отправился в Абердин и потихоньку начал скупать недвижимость, лучшее, что только есть: причалы, площадки для производственных предприятий, небольшое летное поле, потенциальные аэродромы для вертолетов. Абердин пока еще считается глухим захолустьем, так что самое лучшее можно будет приобрести совсем недорого. Это будет тайное предприятие, только ты и я. Несколько дней назад я познакомился с одним странным парнем, его зовут Керк, он сейсмолог. Так вот, он убедил меня в том, что Северное море лежит над огромными залежами нефти. Я хочу, чтобы Благородный Дом был готов обслуживать морские нефтяные платформы, когда эти залежи начнут разрабатываться.

– Бог мой, Иэн, да как нам это удастся? Северное море? Даже если там и есть нефть, что кажется совершенно невероятным, хуже этих вод большую часть года во всем мире не найти. Обслуживать этот район круглый год будет просто невозможно, да и в любом случае расходы окажутся такими, что на этом не заработаешь ни пенса! Как бы мы могли все это осуществить?

– Это уже твои проблемы, парень.

Гэваллан вспомнил его хохоток и брызжущую через край уверенность и, как всегда, почувствовал, что у него теплеет на сердце. Поэтому он оставил Гонконг – Кэти была просто счастлива уехать оттуда – и исполнил все, что от него требовалось.

Почти сразу же, словно по волшебству, добыча нефти в Северном море начала расцветать в полную силу, и крупнейшие американские нефтяные компании, возглавляемые «Экс-Текс», гигантским тexasским нефтяным конгломератом, и «Бритиш петролеум» ринулись туда с огромными инвестициями. Он оказался в отличном положении, чтобы воспользоваться всеми преимуществами этого нового Эльдorado, и первым понял, что единственным эффективным способом обслуживания открываемых месторождений были вертолеты, первым же, опираясь на власть Данросса, собрал огромные средства, необходимые для лизинга вертолетов; первым загнал крупнейших производителей вертолетов в рамки неслыханных дотоле стан-

дартов в отношении размеров, безопасности, приборной оснащенности и эксплуатационных характеристик и первым доказал практическую осуществимость всепогодных полетов в этих жутких водах. Последнее для него сделал Дункан Мак-Ивер, который сам осуществлял полеты и разработал необходимые приемы пилотирования, ранее совершенно неизвестные.

Северное море повлекло за собой Персидский залив, Иран, Малайзию, Нигерию, Уругвай, ЮАР – целую корону стран, жемчужиной которой был Иран с его громадным потенциалом, высокой рентабельностью, с самыми тесными связями в высшем эшелоне власти, при дворе, который, как уверяли его их иранские партнеры, сохранит достаточную долю былого влияния даже теперь, когда шах свергнут.

– Энди, – сказал ему вчера генерал Джавада, старший партнер, обосновавшийся в Лондоне, – не тревожься понапрасну. Один из наших партнеров приходится родственником Бахтияру, и на всякий случай у нас есть контакты на самом высоком уровне в ближайшем окружении Хомейни. Конечно, новая эра окажется дороже минувшей...

Гэваллан улыбнулся. Ничего, что расходы вырастут и что с каждым годом партнеры становятся чуть-чуть жаднее; того, что остается, более чем достаточно, чтобы Иран оставался нашим флагманом, если, конечно, страна быстро вернется к нормальной жизни. Ставка, которую сделал Иэн, тысячекратно оправдала себя для Благородного Дома; жаль, что он ушел так рано, хотя, с другой стороны, он тащил «Струанз» на своих плечах десять лет. Этого срока хватило бы любому, даже мне. Линбар прав, когда говорит, что я хочу получить этот срок. Если он не достанется мне, клянусь Богом, он достанется Скоту! А тем временем – вперед и вверх. Вертолеты Х63 поставят нас далеко впереди «Импириэл» и «Герни» и сделают нас крупнейшей компанией по лизингу вертолетов в мире.

– Через пару лет, Лиз, мы всех перерастем, – с полной уверенностью сказал он. – Х63 – это просто супер! Мак будет вне себя от радости, когда я расскажу ему.

– Да, – ответила она и положила трубку. – Извини, Энди, линия по-прежнему занята. Нас известят сразу же, как только установят связь. Ты сообщил тайбану все остальные хорошие новости?

– Момент был не очень подходящий, ну и ладно. – (Они оба рассмеялись.) – Приберегу их для заседания совета директоров.

Старые корабельные часы на бюро начали отбивать шесть часов. Гэваллан протянул руку и включил многодиапазонное радио, стоявшее на шкафу для папок с документами позади него. Раздался звон Биг-Бена, отмерявшего полный час...

Тегеран. Квартира Мак-Ивера. Звон последнего удара замер, сигнал был очень слабым, едва пробивался сквозь треск радиопомех. «В эфире международная служба Би-би-си, Гринвичское среднее время семнадцать часов...» Пять часов вечера в Лондоне означали половину девятого по местному иранскому времени.

Находившиеся в комнате мужчины автоматически взглянули на часы. Женщина просто пригубила свою водку с мартини. Все трое сгрудились вокруг большого коротковолнового переносного радиоприемника, сигнал которого был слабым и сопровождался громким треском. За стенами квартиры стояла темная ночь. Издалека донеслась автоматная очередь. Никто не обратил на нее внимания. Женщина в ожидании сделала еще глоток. В квартире было холодно, центральное отопление отключили еще несколько недель назад. Единственным источником тепла теперь служил маленький электрический камин, который, как и потускневшие электрические лампочки, работал вполсилы.

«...девятнадцать тридцать по Гринвичу мы транслируем специальное сообщение о ситуации в Иране от нашего собственного корреспондента...»

– Хорошо, – пробормотала она, и все кивнули.

В пятьдесят один она выглядела моложе своего возраста: привлекательное лицо с голубыми глазами в обрамлении светлых волос, подтянутая фигура, очки в темной оправе. Гиневра Мак-Ивер, для близких – просто Дженни.

«...но сначала краткий обзор мировых новостей: в Британии девятнадцать тысяч рабочих бирмингемского завода „Бритиш Лейланд“, крупнейшей автомобильной компании страны, вновь объявили забастовку, требуя повышения зарплаты: профсоюзные переговорщики, представляющие работников госсектора, достигли соглашения о повышении зарплаты на шестнадцать процентов, хотя лейбористское правительство премьер-министра Каллагана хочет сохранить эту цифру на уровне восьми и восьми десятых процента; королева Елизавета вылетает в понедельник в Кувейт, чтобы начать свой трехнедельный визит в страны Персидского залива; в Вашингтоне прези...»

Сигнал пропал совершенно. Тот из двух мужчин, что был повыше ростом, чертыхнулся.

– Терпение, Чарли, – мягко сказала она. – Сигнал вернется.

– Да, Дженни, ты права, – ответил Чарли Петтикин.

Вдалеке протрещала еще одна автоматная очередь.

– Немного рискованно посылать королеву в Кувейт сейчас, разве нет? – заметила Дженни. Кувейт был невероятно богатым эмиратом по ту сторону Персидского залива, соседствующим с Саудовской Аравией и Ираком. – Довольно глупая затея в такое время, а?

– Чертовски глупая! Наше дурацкое правительство засунуло голову себе в задницу по самые плечи, – проворчал Дункан Мак-Ивер, ее муж. – До самого, черт их возьми, Абердина!

– Это получится довольно глубоко, Дункан, – рассмеялась она.

– По мне, так можно было бы и поглубже, Джен! – Мак-Ивер был плотным мужчиной пятидесяти восьми лет, с лохматыми седыми волосами и телосложением боксера. – Каллаган – полный тупица, а уж... – Он замолчал, услышав глухой металлический лязг тяжелой военной техники, проходившей по улице.

Квартира находилась на верхнем, пятом этаже нового жилого дома в северном пригороде Тегерана. Мимо прогрохотала еще одна машина.

– По звуку, похоже, еще танки, – заметила она.

– Танки и есть, Дженни, – кивнул Петтикин.

Ему было пятьдесят шесть, бывший пилот Королевских ВВС, родом из Южной Африки, темные волосы серебрились сединой, старший пилот в Иране и начальник программы «С-Г» по подготовке вертолетчиков для иранской армии и ВВС.

– Похоже, впереди у нас еще один трудный день, – сказала она.

Последние несколько недель каждый день оказывался трудным. Сначала в сентябре объявили военное положение, запретили все публичные собрания, а введенный шахом комендантский час с девяти вечера до пяти утра лишь вызвал у людей еще более сильное возмущение, особенно в Тегеране, в нефтяном порте Абадан и религиозных центрах Кум и Мешхед. Многих убили. Последовала эскалация насилия, шах колебался, потом в самом конце декабря неожиданно отменил военное положение и назначил премьер-министром Бахтияра, политика умеренных взглядов, пошел на уступки, а затем произошло нечто совсем уже невероятное: 16 января шах покинул Иран, отправившись «в отпуск». Бахтияр после этого сформировал свое правительство, но Хомейни, все еще находившийся в ссылке во Франции, осудил это правительство и всех, кто его поддерживал. Уличные беспорядки набирали силу, число жертв увеличивалось. Бахтияр попытался вести переговоры с Хомейни, но тот отказался встречаться или говорить с ним. В народе и в армии росло беспокойство, потом все аэропорты закрыли, чтобы не допустить возвращения Хомейни, а через некоторое время открыли их для него. Затем, и в это было столь же трудно поверить, восемь дней назад, 1 февраля, Хомейни вернулся в страну.

С тех пор все дни были очень трудными, подумала она.

В то утро она, ее муж и Петтикин находились в международном аэропорту Тегерана. Это был четверг, день выдался очень холодный, но ясный, с разбросанными тут и там островками снега, легким ветром. На севере возвышались горы Эльбурс; восходящее солнце окрашивало их снеговые шапки в цвет крови. Они стояли вдвоем возле 212-го на открытой бетонированной площадке на значительном расстоянии от взлетно-посадочной полосы перед зданием аэропорта. Еще один 212-й расположился на другом конце летного поля, тоже готовый к немедленному взлету, – оба вертолета были заказаны сторонниками Хомейни.

По эту сторону терминала людей не было, за исключением примерно двух десятков нервничающих работников аэропорта, большинство из них с автоматами; они в ожидании стояли рядом с большим черным «мерседесом» и машиной радиосвязи, настроенной на волну диспетчерской башни. Здесь было тихо, эта тишина отчаянно контрастировала с тем, что происходило внутри терминала и по ту сторону ограды аэропорта. Внутри терминала собрался приветственный комитет из примерно тысячи человек, в состав которого входили специально приглашенные политики, аятоллы, муллы, корреспонденты, а также сотни полицейских в форме и особых исламских стражей, которые носили зеленые повязки – их так и называли «зелеными повязками» – и образовывали незаконную личную революционную армию мулл. Всех остальных с территории аэропорта удалили, все подъездные пути были перекрыты, на них возвели баррикады и разместили вооруженную охрану. Но сразу же за этими баррикадами собрались десятки тысяч сгорающих от нетерпения людей всех возрастов.

Большинство женщин пришли в чадрах, длинных, похожих на саван халатах, закрывавших их с головы до пят. Позади этих людей, вдоль всего десятимильного маршрута от аэропорта до кладбища Бехеште-Захра, где аятолла должен был произнести свою первую речь, были расставлены пять тысяч вооруженных полицейских, а вокруг них, скучившись на балконах, в окнах, вскарабкавшись на стены, теснясь на улицах, бурлило живое море, самое большое собрание людей, которое когда-либо видел Иран, – почти все население Тегерана. В столице и ее окрестностях проживало около пяти миллионов человек. Все были взволнованы, все нервничали, все боялись, что в последний момент произойдет какая-нибудь задержка, или что аэропорт могут снова закрыть, чтобы не пустить его в страну, или что ВВС вдруг собьют его самолет – по приказу или без приказа.

Премьер-министра Шапура Бахтияра, членов его кабинета и генералов, командовавших всеми видами вооруженных сил, в аэропорту не было. По их собственному выбору. Не было там и их офицеров или солдат. Эти люди ждали в своих казармах, на военных аэродромах или на кораблях – все они пребывали в том же волнении и с тем же нетерпением ожидали команды действовать.

– Лучше бы тебе было остаться дома, Джен, – встревоженно сказал Мак-Ивер.

– Лучше бы нам всем было остаться дома, – заметил Петтикин, тоже чувствуя себя неуютно.

За неделю до этого с Мак-Ивером связался один из сторонников Хомейни и потребовал выделить вертолет для доставки Хомейни из аэропорта в Бехеште-Захру.

– Извините, это невозможно. У меня нет полномочий, чтобы сделать это, – ответил он в ужасе.

Через час иранец вернулся в сопровождении «зеленых повязок», которые заполнили кабинет Мак-Ивера и все остальные помещения офиса, – молодые, суровые люди с обозленными лицами, двое с советскими АК-47 на плече, один с американской автоматической винтовкой М-16.

– Вы выделите вертолет, как я сказал! – высокомерно потребовал иранец. – На случай, если с толпой станет слишком трудно справляться. Разумеется, весь Тегеран выйдет, чтобы приветствовать аятоллу. Да пребудет с ним благословение Аллаха!

– Как бы мне ни хотелось, я не в состоянии сделать это, – осторожно ответил ему Мак-Ивер, стараясь выиграть время.

Он оказался в крайне уязвимом положении. Хомейни разрешали вернуться, но и только. Если правительство Бахтияра узнает, что «С-Г» предоставила их главному врагу вертолет для триумфального возвращения в их столицу, то разозлится не на шутку. Да даже если правительство и согласилось бы, вдруг что-нибудь случится, вдруг аятолла пострадает, будет ранен, во всем обвинят «С-Г», и тогда их жизни медного гроша не будут стоить.

– Все наши машины арендованы, а у меня нет необходимых полномочий, чтобы по...

– Я даю вам необходимые полномочия от имени аятоллы, – сердито оборвал его иранец, повышая голос. – Аятолла – единственная власть в Иране.

– Тогда вам должно быть нетрудно получить вертолет от иранской армии или военно-воздушных сил и...

– Молчать! Вам выпала великая честь, что к вам обратились. Вы сделаете все, что вам говорят. Во имя Аллаха, Революционный комитет принял решение, что вы выделите двести двенадцатый с вашими лучшими пилотами, чтобы доставить аятоллу, куда мы скажем, когда мы скажем и как мы скажем.

Мак-Ивер тогда впервые столкнулся с одним из этих комитетов – небольших групп молодых фундаменталистов, – которые появились словно по волшебству, едва только шах покинул Иран, в каждой деревне, селе, малом или большом городе, чтобы взять власть в свои руки, устраивая нападения на полицейские участки, выводя толпы людей на улицы, устанавливая свой контроль везде, где только могли. Часто их возглавлял мулла. Но не всегда. Про комитеты на нефтяных промыслах Абадана говорили, что они левого толка и состоят из *федайинов* – дословно «тех, кто жертвует собой во имя веры».

– Вы подчинитесь! – Иранец помахал перед его лицом револьвером.

– Для меня несомненная честь, что вы почтили меня доверием, – произнес Мак-Ивер; его обступили со всех сторон, тяжелый запах пота и нестираной одежды окутывал его плотным облаком. – Я обращусь к правительству за разре...

– Правительство Бахтияра незаконно и неприемлемо для народа! – проревел иранец, остальные тут же подхватили этот клич, и атмосфера стала накаляться, а один из них сбросил автомат с плеча на руку. – Вы согласитесь, или комитет предпримет дальнейшие действия.

Мак-Ивер послал телекс Эндрю Гэваллану, который немедленно дал свое разрешение при условии, что с ним согласятся их иранские партнеры. Партнеров вдруг оказалось невозможно нигде отыскать. В отчаянии Мак-Ивер связался с британским посольством и попросил совета. «Ну-у, старина, вы, конечно, можете обратиться к правительству, официально или неофициально, но ответа никакого не получите. У нас даже нет полной уверенности в том, что Хомейни действительно позволят совершить посадку в аэропорту или что военно-воздушные силы не возьмут все в свои руки. В конце концов, этот чертов парень – революционер до мозга костей, открыто призывающий к восстанию против законного правительства, признаваемого всеми остальными, включая и правительство ее величества. В любом случае, если вы окажетесь достаточно глупы, чтобы сделать этот запрос, правительство, безусловно, запомнит, что вы поставили его в неловкое положение, и это вам выйдет боком, что так, что этак».

В итоге Мак-Ивер достиг приемлемого компромисса с комитетом.

– Мне кажется, – произнес он с огромным облегчением, – это выглядело бы очень странно, если бы ваш почитаемый лидер был доставлен в город на британском вертолете. Конечно же, гораздо лучше, если вертолет будет принадлежать иранским ВВС и пилотировать его будет иранец. Я, разумеется, прослежу, чтобы одна наша машина, даже, собственно, две, стояли наготове на случай аварии или чего-то непредвиденного. С нашими лучшими пилотами. Вы просто свяжетесь с нами по рации, запросите помощь для экстренной эвакуации, и мы тут же откликнемся...

И вот теперь он здесь, ждет и молится, чтобы не было никакой экстренной эвакуации, на которую им пришлось бы откликаться.

Огромный «Боинг-747» компании «Эр Франс» появился из розоватого марева. Двадцать минут он закладывал круги, ожидая разрешения на посадку.

Мак-Ивер по рации 212-го слушал, что происходит на диспетчерской вышке.

– Все еще какие-то проблемы с безопасностью, – говорил он своим спутникам. – Погодите-ка... Самолет получил добро на посадку!

– Начинается, – пробормотал Петтикин себе под нос.

Они наблюдали, как 747-й заходит на посадку. Лайнер был ослепительно-белым, национальные цвета Франции сверкали. Он медленно опускался к полосе по идеальной траектории, потом, в самый последний миг, пилот вдруг включил двигатели на полную мощность, и «боинг» начал опять набирать высоту.

– Что за игры он затеял, черт возьми! – воскликнула Дженни, чувствуя, как забилося сердце.

– Пилот говорит, что хотел получше все рассмотреть, – пояснил ей Мак-Ивер, вслушиваясь в голос в наушниках. – Наверное, и я бы поступил так же, просто чтобы быть уверенным. – Он бросил взгляд на Петтикина, который должен был пилотировать вертолет при любом экстренном вызове от комитета. – Господи, надеюсь, ВВС не выкинет какой-нибудь совсем безумный трюк.

– Смотрите! – вскрикнула Дженни.

Самолет вновь зашел на посадку и на этот раз приземлился, из-под взвизгнувших шин порхнул дым, мощные двигатели взревели, переходя на обратную тягу для торможения. К самолету тут же рванулся «мерседес», и по мере того, как новость облетала всех, кто находился в терминале, переносилась оттуда на блокпосты и дальше на улицы, всю бесчисленную массу людей охватывало безумное ликование. Со всех сторон начали скандировать: «Аллах-у акбар... Ага ухмат» – «Бог велик... Учитель вернулся...»

Казалось, целая вечность прошла, пока к самолету подкатил трап, дверь открылась и по ступеням, поддерживаемый одним из французских стюардов, спустился старик с густой бородой и суровым лицом под черной чалмой. Он прошел мимо почетного караула, торопливо собранного из нескольких мулл и иранских сотрудников «Эр Франс», и его окружили приближенные помощники и нервничающие служащие аэропорта, после чего он быстро сел в машину, которая тут же покатила к терминалу.

Там его встретил настоящий бедлам: ликующие, вопящие, потерявшие контроль над собой люди толкали и отпихивали друг друга, чтобы пробраться поближе к нему, дотронуться до него, журналисты со всего мира дрались друг с другом за лучшее место для съемки, сверкали вспышки фотоаппаратов, поблескивали объективы телекамер, все кричали, «зеленые повязки» и полиция пытались как-то защитить его от напирющей толпы. Дженни увидела его на какое-то мгновение – недвижимого кумира посреди бушующего неистовства, – потом людская масса поглотила его.

Дженни потягивала свой martini, вспоминая; ее глаза неотрывно смотрели на радиоприемник, она пыталась усилием воли заставить передачу возобновиться, пыталась стереть из памяти тот день и речь Хомейни на кладбище Бехеште-Захра, выбранном для этой цели, потому что там были похоронены столь многие из тех, кто погиб в «кровавую пятницу», – он называл их мучениками.

Стереть из памяти увиденные ими позже телевизионные кадры с бушующим морем тел, окружавшим кортеж автомобилей, который продвигался вперед буквально по дюймам – все соображения безопасности безнадежно утрачены, – десятки тысяч мужчин, женщин, молодых людей, кричащих, толкающихся, дерущихся, чтобы пробраться поближе к нему, карабкаю-

щихся со всех сторон на микроавтобус «шевроле», в котором он ехал, пытающихся дотянуться до него, коснуться его; сам аятолла сидит на переднем сиденье с видимым спокойствием, время от времени вздымая руки навстречу этому поклонению. Люди ползут по капоту, по крыше, плача и крича, взывая к нему, отпихивая и сталкивая других, кто пытается забраться на автомобиль, водитель совершенно не видит дороги, то резко тормозит, чтобы стряхнуть народ, то вдруг жмет на газ, слепо посылая машину вперед. Стереть из памяти кадры с юношей в грубом коричневом костюме, который взобрался на капот, но прочно ухватиться не смог и медленно сполз под колеса.

Таких, как этот юноша, были десятки. В конце концов «зеленые повязки» пробились к автомобилю, окружили его и вызвали по радиации вертолет; она помнила, как этот вертолет быстро и безжалостно опустился прямо в толпу, которая подалась прочь от вращающихся лопастей, повсюду тела, повсюду раненые, потом – аятолла, шагающий в центре кольца из своих стражей ислама, бесстрастный, со строгим лицом, вот ему помогают сесть в вертолет, и вертолет взмывает в небо под нескончаемые «Аллаху-у-у акбар... Ага ухмад...».

– Я налью себе еще, – сказала она и поднялась, чтобы унять дрожь. – Тебе что-нибудь принести, Дункан?

– Спасибо, Джен.

Она направилась к кухне за льдом.

– Чарли?

– Я в порядке, Дженни, я сам потом налью.

Она замерла, когда радио вдруг очнулось и заговорило громко и чисто: «...Китай сообщает о серьезных стычках на границе с Вьетнамом и осуждает эти нападения как новое свидетельство советской гегемонии: во Франц...» Сигнал снова исчез, оставив в динамиках один треск.

Через секунду Петтикин заговорил:

– Я выпил в клубе по дороге сюда. Среди журналистов ходят слухи, что Бахтияр готовится к решающей схватке. Еще говорят, что в Мешхеде идут настоящие бои после того, как толпа вздернула начальника полиции и с полдюжины его людей.

– Ужасно, – сказала она, возвращаясь из кухни. – Кто контролирует эти толпы, Чарли, кто в действительности управляет ими? Коммунисты?

Петтикин пожал плечами:

– Точно, похоже, никто не знает, но партия коммунистов Туде должна как-то стоять за этими беспорядками, запретили ее там или нет. Да и все левые, особенно «Моджахедин аль-хальк», которые верят в некий брачный союз между религиями ислама и Маркса; их финансируют Советы. Шах, США и большинство западных правительств *знают*, что это всё они, при помощи и серьезном подстрекательстве Советов с той стороны северной границы, поэтому, разумеется, вся иранская пресса с этим согласна. Как и наши иранские партнеры, хотя они от страха уже наделали в штаны, не зная, в какую сторону им податься, пытаясь поддержать и шаха и Хомейни одновременно. Господи, как бы я хотел, чтобы все это утряслось уже! Иран – отличное место, и я не планирую отсюда уезжать.

– А что пресса?

– Зарубежная пресса неединодушна. Некоторые из американцев согласны с шахом в отношении того, кого следует винить. Другие говорят, что это все Хомейни, носит чисто религиозный характер и возглавляется им и его муллами. Потом есть еще и такие, кто возлагает вину на левых федаинов или на закоренелых фундаменталистов из «Мусульманского братства», – был даже один чужак, француз, если не ошибаюсь, который утверждал, что Ясир Арафат и ООП... – Он умолк. Радио ожило было на секунду, но тут же опять захрипело. – Должно быть, это из-за пятен на солнце.

– Беда, хоть кровью харкай, – кивнул Мак-Ивер.

Как и Петтикин, он в свое время служил в Королевских ВВС. Он был первым пилотом, который начал работать в «С-Г», а теперь являлся директором иранского отделения компании, кроме того, он был исполнительным директором ИВК – Иранской вертолетной компании – совместным, пятьдесят на пятьдесят, предприятием с обязательными иранскими партнерами, которому «С-Г» передала свои вертолеты в лизинг, компании, которая получала их контракты, заключала их сделки, держала у себя их деньги и без которой никакого иранского отделения просто бы не было. Он подался вперед, чтобы подкрутить ручку настройки, потом передумал.

– Сигнал вернется, Дункан, – уверенно сказала Дженни. – Я согласна, что Каллаган – полный тупица.

Он улыбнулся ей. Они были женаты тридцать лет.

– А ты ничего, Джен. Даже очень ничего.

– За это тебе можно еще виски.

– Спасибо, только на этот раз налей с вод...

«...витель министерства энергетики сообщает, что с новым повышением цен странами ОПЕК на четырнадцать процентов импорт нефти в следующем году обойдется США в пятьдесят один миллиард долларов. Также из Вашингтона передают, президент Картер объявил, что ввиду ухудшающейся ситуации в Иране отряд авианосцев получил приказ направиться от Филипп...» Голос диктора заглушила другая станция, потом обе станции пропали.

В молчании они ждали – ждали очень напряженно. Мужчины поглядывали друг на друга, стараясь скрыть испытанный обоими шок. Дженни подошла к бутылке с виски, стоявшей на буфете. Здесь же на буфете, занимая большую часть места, стоял высокочастотный радиоприемник: средство связи Мак-Ивера с вертолетными базами по всему Ирану – когда условия позволяли. Квартира была просторной и уютной: три спальни и две гостиные. В эти последние несколько месяцев, после введения военного положения и эскалации насилия на улицах, Петтикин переехал к ним – после развода год назад он теперь жил один, – и это всех замечательно устроило.

Легкий ветерок пошевелил оконными стеклами в рамах. Дженни выглянула наружу. В домах напротив тускло светились несколько окон, ни один фонарь не горел. Низкие крыши огромного города расстились под ней до бесконечности. На них и на земле лежал снег. Большинство из пяти-шести миллионов жителей города прозябали в нищете и грязи. Но в их районе, к северу от Тегерана, лучшем районе, где жили иностранцы и преуспевающие иранцы, полиция исправно следила за порядком. Есть ли что-то неправильное в том, чтобы жить в лучшем районе города, если ты можешь себе это позволить? – спрашивала она себя. Этот мир – очень странное место, с какого края на него ни посмотри.

Она разбавила виски, долив побольше содовой, и принесла бокал мужу.

– Будет гражданская война. Мы никак не сможем продолжать здесь работать.

– Все у нас будет в порядке, Джен. Картер не допустит...

Внезапно свет погас, и электрический камин выключился.

– Ч-черт! – пробормотала Дженни. – Слава богу, у нас есть газовая плитка!

– Может, это отключение ненадолго. – Мак-Ивер помог ей зажечь свечи, которые уже были расставлены по местам.

Он бросил взгляд в сторону входной двери. Рядом с ней стояла канистра с пятью галлонами дизельного топлива – их запас на крайний случай. Ему была очень не по душе идея хранить в доме солярку, это никому из них не нравилось, особенно учитывая, что по вечерам они чаще всего были вынуждены зажигать свечи. Но вот уже несколько недель им приходилось тратить от пяти до двадцати четырех часов в очереди на заправочных станциях, и даже когда подходил их черед, продавец-иранец чаще всего давал им от ворот поворот, потому что они были иностранцами. Много раз из бака их машины топливо сливали – никакие замки не помогали. Им еще больше повезло, чем массе других, потому что у них был доступ к топливу

на аэродроме, но для обычного человека, особенно иностранца, очереди на заправках превращали жизнь в мучение. На черном рынке цена на дизтопливо доходила до ста шестидесяти реалов за литр – два доллара за литр, восемь за галлон, и это когда удавалось его достать.

– Поосторожнее с НЗ, – хохотнув, сказал Дункан.

– Мак, может, тебе на него свечку поставить, вспомнить старые добрые времена? – отозвался Петтикин.

– Не искушай его, Чарли! Ты начал что-то говорить про Картера.

– Беда в том, что, если Картер ударится в панику и введет сюда даже немного войск – или самолетов – для поддержки военного переворота, это сорвет крышку с болтов напрочь. Все развопятся, как ошпаренные коты, больше всех Советы, и им придется как-то отреагировать, после чего Иран превратится в запад для третьей мировой.

– Третью мировую, Чарли, мы ведем с самого сорок пятого го... – заметил Мак-Ивер.

Треск в радиоприемнике оборвал его на полуслове, потом вновь зазвучал голос диктора: «...за незаконную разведывательную деятельность. Из Кувейта начальник штаба кувейтских вооруженных сил сообщает, что Советский Союз осуществил поставки оружия Кувейту...»

– Господи! – пробормотали оба мужчины.

«...Из Бейрута передают, Ясир Арафат, лидер ООП, объявил, что его организация продолжит активно содействовать революции аятоллы Хомейни. На пресс-конференции в Вашингтоне президент Картер еще раз повторил, что США поддерживают иранское правительство Бахтияра и „конституционный процесс“ в стране. И наконец, сообщение из самого Ирана: аятолла Хомейни выступил с угрозой арестовать премьер-министра Бахтияра, если тот не подаст в отставку. Он обратился с призывом к народу „уничтожить эту чудовищную монархию и ее незаконное правительство“ и к армии „восстать против офицеров, которыми управляют чужеземцы, и бежать из казарм вместе с оружием“. На Британских островах необычайно сильные снегопады, ветры и наводнения нарушили коммуникации на большей части территории страны, аэропорт Хитроу закрыт, и полеты не производятся. На этом мы завершаем наш краткий обзор новостей. Следующий полный обзор будет передаваться в восемнадцать часов по Гринвичу. Вы слушаете международную службу Би-би-си. А сейчас сообщение от нашего международного сельскохозяйственного корреспондента, „Птица и свинина“. Мы начинаем...»

Мак-Ивер протянул руку и щелкнул выключателем:

– Черт подери, весь мир разваливается на куски, а Би-би-си подсовывает нам свиней!

Дженни рассмеялась:

– Да что бы ты делал без Би-би-си, телевизора и почтового футбольного тотализатора? Сильные ветры и наводнения. – Она подняла трубку телефона, надеясь на удачу. Трубка молчала, как обычно. – Надеюсь, с детьми все хорошо. – (Их сын и дочь, Хэмиш и Сара, уже обзавелись своими семьями и жили самостоятельно, у каждого уже был свой ребенок.) – Крошка Карен так легко простужается, и Сара! Даже в двадцать три года кто-то должен ей напоминать, чтобы она одевалась как следует! Неужели это дитя никогда не повзрослеет?

– Просто ужас, что нельзя позвонить, когда хочется, – сказал Петтикин.

– Да уж. Ладно, пора за стол. Рынок сегодня опять был почти пустой, третий день подряд. Так что выбор стоял между жареной старой бараниной опять с рисом или чем-то особенным. Я выбрала особенное и использовала две последние банки. Я готовлю пирог с говяжьей тушенкой, цветную капусту с сыром, обжаренную в сухарях, песочный пирог с патокой и на закуску сюрприз. – Она взяла свечу и ушла на кухню, закрыв за собой дверь.

– Интересно, почему нас всегда потчуют цветной капустой с сыром в сухарях? – Мак-Ивер смотрел на отблески свечи на двери в кухню. – Терпеть ее не могу! Я ей пятьдесят раз говорил... – Что-то в ночном пейзаже вдруг привлекло его внимание. Он подошел к окну. Из-

за отключения электроэнергии в городе не было видно ни огонька. Но небо на юго-востоке теперь отсвечивало красным. – Джалех. Опять, – сказал он просто.

Пять месяцев назад, 8 сентября, десятки тысяч людей вышли на улицы, протестуя против введения шахом военного положения. Люди крушили все и вся, особенно в Джалехе, бедном, густонаселенном пригороде Тегерана, где на улицах запылал огонь и появились баррикады из горящих автомобильных покрышек. Когда прибыли силы безопасности, неистовствующая, кипящая толпа людей отказалась разойтись, выкрикивая: «Смерть шаху!» Столкновение было жестоким. Слезоточивый газ не дал результатов. Результаты дал автоматный огонь. Число жертв составило от девяти до семи человек по официальным данным до двухсот пятидесяти по свидетельствам некоторых очевидцев и до двух или трех тысяч по оценкам различных воинствующих оппозиционных групп.

В ходе репрессий, последовавших за «кровавой пятницей», было арестовано и брошено в тюрьмы множество оппозиционных политиков, диссидентов и враждебно настроенных лиц – позже правительство признало цифру в тысячу сто шесть человек, – среди которых были два аятоллы, что вызвало у людей еще большее возмущение.

Мак-Ивер глубоко опечалился, наблюдая за заревом. Если бы не аятоллы, подумал он, особенно Хомейни, ничего этого не случилось бы.

Много лет назад, когда Мак-Ивер впервые приехал в Иран, он спросил у своего друга в британском посольстве, что означает слово *аятоллы*.

– От арабского «Аят Аллах», что означает «знамение Аллаха».

– Так это священник?

– Вовсе нет, в исламе священников не существует, название их религии – еще одно арабское слово – означает «добровольное вверение себя Богу», покорность воле Аллаха.

– Что?

– Ну, – сказал его друг с улыбкой, – я объясню, но тебе придется запастись терпением. Во-первых, иранцы – не арабы, а арийцы, и большинство из них – мусульмане шиитского толка, это такая изменчивая, иногда мистическая секта раскольников. В большинстве своем арабы – ортодоксальные сунниты, именно они составляют большую часть из миллиарда живущих сегодня на земле мусульман; эти секты иногда немного напоминают протестантов и католиков и воюют друг с другом столь же беспощадно. Но обе они имеют общие постулаты веры, что есть только один Бог – Аллах по-арабски означает «Бог», – что Мухаммад, человек родом из Мекки, живший с пятисот семидесятого по шестисот тридцать второй год нашей эры, является Его Пророком и что слова Корана, провозглашенные Им и записанные другими на протяжении многих лет после его смерти, исходят непосредственно от Бога и содержат все наставления, необходимые в жизни как отдельному человеку, так и всему обществу.

– Все? Это же невозможно.

– Для мусульман возможно, Мак, сегодня, завтра, всегда. Но «аятоллы» – это титул шиитского законоведа, и даруется он единодушным волеизъявлением людей, собирающихся в *мечети* – еще одно арабское слово, которое, как мне говорили, означает «место встречи, собрания», чем мечеть, собственно, и является, просто местом встречи, ни в коем случае не церковью, – этот титул даруется мулле, сочетающему в себе все те качества, которыми восхищается и которые стремится развить в себе любой шиит: набожность, бедность, ученость, однако только в отношении священных книг, Корана и Сунны, – и умение вести людей за собой, с большим упором на это последнее умение. В исламе религия и политика не разделяются, такого разделения просто не может быть, и шиитские мุลлы в Иране с самого начала были фанатичными хранителями заповедей Корана и Сунны, фанатичными лидерами и при необходимости сражающимися революционерами.

– Если аятолла или мулла не священник, то кто же он?

– *Мулла* означает «господин», человек, который ведет молитвы в мечети. Любой может стать муллой при условии, что он мужчина и мусульманин. Любой. В исламе нет духовенства, оно полностью отсутствует, никто не стоит между тобой и Богом, это одна из его прекрасных сторон, но не для шиитов. Шииты верят, что после Пророка землей должен править харизматичный полубожественный правитель, *имам*, «предстоятель», который выступает посредником между человеческим и Божественным, – именно из-за этого и произошел великий раскол между суннитами и шиитами, и их войны друг с другом были столь же кровавыми, как войны Плантагенетов. Там, где сунниты верят в единодушие, консенсус, шииты готовы признать власть имама, если бы таковой существовал.

– Тогда кто избирает человека имамом?

– В этом-то вся проблема. Когда Мухаммад умер – кстати, он никогда не заявлял, что был кем-то, кроме смертного Пророка, хотя и последнего из них, – он не оставил ни сына, ни избранного им наследника, *халифа*. Шииты верили, что власть должна остаться за семьей Мухаммада, и халифом мог быть только Али, его двоюродный брат и зять, который женился на Фатиме, его любимой дочери. Но ортодоксальные сунниты, следуя исторически сложившимся племенным обычаям, которые соблюдаются и по сей день, считали, что вождем может быть только человек, избранный по всеобщему согласию. Они оказались сильнее, поэтому первых трех халифов выбирали народным голосованием; двух из них убили другие сунниты, потом – долгожданный день для шиитов – халифом стал Али, которого они ревностно почитают как первого имама.

– Они говорили, что он был полубогом?

– Был направляем Богом, Мак. Али продержался пять лет, затем его убили. Шииты верят, что он принял мученическую смерть за веру. Имамом стал его старший сын Хасан, которого потом сбросил с трона узурпатор-суннит. Его второй сын, почитаемый двадцатипятилетний Хусейн, собрал небольшую армию против узурпатора, но был истреблен – принял мученическую смерть – со всеми своими людьми, включая двух малолетних сыновей своего брата и его собственных детей, пятилетнего сына и грудного младенца. Это произошло в десятый день месяца мухаррам в шестьсот пятидесятом году по нашему летоисчислению, или в шестьдесят первом году по мусульманскому, и день мученичества Хусейна до сих пор отмечается ими как день траура.

– Это тот день, когда они устраивают процессии и бичуют себя, вонзают в себя крюки, умерщвляют плоть?

– Да, безумие, с нашей точки зрения. Реза-шах объявил этот обычай вне закона, но шиизм – религия страстная, нуждающаяся во внешнем выражении раскаяния и скорби. Мученичество в шиизме коренится глубоко, а в Иране оно почитается как святое. И борьба с узурпаторами тоже.

– Значит, битва началась. Правоверные против шаха?

– О да. И ведется фанатично с обеих сторон. Для шиитов мулла – единственный посредник в толковании Божественного, что дает ему огромную власть. Он и толкователь, и законодатель, и судья, и учитель. И величайшие из мулл становятся аятоллами.

А Хомейни – это великий аятолла, думал Мак-Ивер, глядя на кровавое зарево над Джалехом. Все дело в нем, и, нравится это кому или нет, все убийства, всю пролитую кровь, все страдания и безумства нужно положить у его порога, оправданны они или нет...

– Мак!

– О, извини, Чарли, – пробормотал он, возвращаясь к действительности. – Что-то я совсем задумался. Что случилось? – Он посмотрел на дверь в кухню. Она была по-прежнему закрыта.

– Тебе не кажется, что Дженни лучше увезти из Ирана? – тихо спросил Петтикин. – Дело, похоже, действительно пахнет керосином.

– Черт, да она не уедет! Я уж раз пятьдесят говорил ей, раз пятьдесят просил ее, но она упряма как мул, дьявол меня возьми, как твоя Клэр, – так же тихо ответил Мак-Ивер. – Черт, она просто улыбается и говорит: «Когда ты уедешь, тогда и я уеду». – Он допил свой виски, бросил взгляд на дверь и торопливо налил себе еще. Покрепче. – Чарли, вот ты бы с ней поговорил. Тебя она послу...

– Как же, послушает, черта с два!

– Ты прав. Эти чертовы женщины! Это чертово упрямство! Все они, черт побери, одинаковы!

Они рассмеялись.

Помолчав, Петтикин спросил:

– Как там Шахразада?

Мак-Ивер на мгновение задумался.

– Том Лочарт – счастливчик.

– Почему она не уехала вместе с ним в отпуск и не осталась в Англии, пока ситуация в Иране не уляжется?

– Куда она поедет? У нее там ни родственников, ни друзей. Она хотела, чтобы он побыл с детьми, Рождество там и все такое. Она говорила, у нее было такое чувство, что если она поедет, то только все взбаламутит и будет всем мешать. Дейрдра Лочарт все еще злится из-за развода, да и потом, у Шахразады здесь семья, а ты знаешь, что такое семья для иранцев. Она не поедет, пока Том не уедет, да и тогда не знаю, поедет ли. Что до Тома, если бы я попытался его перевести, он бы ушел из компании, я думаю. Он останется здесь навсегда. Как и ты. – Мак-Ивер улыбнулся. – Ты вот тут чего торчишь?

– Лучшее место работы, которое у меня было в жизни, когда жизнь тут шла нормально. Летать могу сколько хочу, зимой лыжи, летом парус... Но давай смотреть правде в глаза, Мак: Клэр здешнюю жизнь не выносила. Годами она проводила в Англии больше времени, чем здесь, чтобы быть поближе к Джейсону и Беатрис, ее собственной семье, нашей внучке. По крайней мере, расстались мы мирно. Пилотам вертолетов жениться вообще не следует, если уж на то пошло, слишком много приходится кочевать с места на место. Я родился, чтобы жить на чужбине, таким и умру. Не хочу возвращаться в Кейптаун – я и города-то этого толком не знаю – и терпеть не могу эти проклятые английские зимы. – В полутьме он сделал глоток пива из своего бокала. – Иншаллах, – произнес он с непреложностью. – Если будет на то воля Аллаха. – Эта мысль доставила ему удовольствие.

Телефон внезапно затрезвонил, заставив их обоих вздрогнуть. Уже много месяцев телефонная связь работала с перебоями – последние несколько недель она вообще сделалась невозможной и почти отсутствовала: линии накладывались одна на другую, номера соединялись не те, гудок в трубке пропадал, потом без всякой видимой причины все вдруг начинало работать, это длилось день или час, затем так же необъяснимо телефон замолкал, будто накрытый саваном.

– Ставлю пять фунтов, что это по оплате счетов звонят, – сказал Петтикин, улыбаясь Дженни, которая вышла из кухни, как и они, пораженная звуком телефонного звонка.

– Это что за пари, Чарли!

Банки бастовали и были закрыты вот уже два месяца в ответ на призыв Хомейни к всеобщей забастовке, поэтому никто – ни отдельные лица, ни компании, ни даже правительство – не мог раздобыть наличные, а большинство иранцев расплачивались именно наличными, а не чеками.

Мак-Ивер снял трубку, не зная, чего ему ожидать. Или кого.

– Алло?

– Боже милосердный, эта чертова штука работает, – произнес голос в трубке. – Дункан, ты меня слышишь?

– Да-да, слышу. Еле-еле. Кто это?

– Талбот, Джордж Талбот из британского посольства. Извини, старина, но, боюсь, из унитаризма поперло вовсю. Хомейни назначил Мехди Базаргана премьер-министром и призвал Бахтияра уйти в отставку, пока не поздно. На улицах Тегерана прямо сейчас собралось около миллиона человек, и у всех чешутся кулаки. Мы слышали, на базе Дошан-Тапех взбунтовались летчики, и Бахтияр сказал: если они не утихомируются, он вызывает «бессмертных». – («Бессмертными» называли элитные подразделения фанатично преданной шаху гвардии.) – Правительство ее величества, вместе с американским, канадским и всеми остальными, советует всем иностранцам, пребывание которых в Иране не является необходимым, немедленно покинуть страну...

Мак-Ивер постарался, чтобы его лицо не выдало шока, который он испытал. Прикрыв трубку рукой, он беззвучно зашевелил губами, повернувшись к остальным:

– Талбот из посольства.

– Вчера американец из «ЭксТекс ойл» и иранский чиновник-нефтяник попали в засаду и были убиты «неизвестными вооруженными лицами» на юго-востоке страны, недалеко от Ахваза. – (Сердце Мак-Ивера опять провалилось куда-то.) – Вы ведь все еще работаете в тех краях, да?

– Рядом с теми местами, в Бендер-Дейлеме на побережье, – ответил Мак-Ивер все тем же ровным голосом.

– Сколько британских подданных у тебя здесь, исключая членов семьи?

Мак-Ивер на мгновение задумался.

– Сорок пять. Из общего контингента в шестьдесят семь человек, это двадцать шесть пилотов, тридцать шесть механиков и инженеров, пять человек административного персонала. Для нас это состав, близкий к минимальному.

– А остальные кто?

– Четыре американца, три немца, два француза и один финн – все пилоты. Два механика-американца. Но мы готовы рассматривать их как британцев, если понадобится.

– Члены семей?

– Четыре человека, все жены, детей нет. Остальных мы вывезли три недели назад. Дженни пока еще здесь, одна американка в Ковиссе и две иранки.

– Иранских жен лучше завтра же доставить в их посольства. Вместе со свидетельствами о браке. Они в Тегеране?

– Одна – да, другая в Тебризе.

– Тебе бы надо постараться как можно быстрее раздобыть им новые паспорта.

Согласно иранскому законодательству, все граждане Ирана, возвращающиеся из-за границы, должны были сдавать свои паспорта в иммиграционную службу по месту въезда в страну, где те хранились до тех пор, пока их владельцы не изъявляли желания снова отправиться за рубеж. Чтобы выехать из страны, они должны были лично обращаться в соответствующее правительственное ведомство за выездной визой, для чего требовалось действительное удостоверение личности, удовлетворительное обоснование своего желания совершить поездку за границу и, если они путешествовали самолетом, действительный, заранее оплаченный билет на конкретный рейс. Получение выездной визы могло занять несколько дней или недель. Обычно.

– Слава богу, у нас этой проблемы нет, – сказал Мак-Ивер.

– Бога мы можем благодарить за то, что мы британцы, – продолжал Талбот. – У нас, по счастью, нет раздоров ни с аятоллой, ни с Бахтияром, ни с генералами. И все же любым иностранцам здесь может сильно не понравиться, поэтому мы официально советуем вам отослать всех членов семей, ноги в руки, не теряя ни минуты, и сократить остальной состав до минимума – на время. Начиная с завтрашнего дня в аэропорту будет не протолкнуться: по нашим оценкам, иностранцев здесь все еще около пяти тысяч, главным образом американцев,

но мы попросили «Британские авиалинии» оказать нам содействие и увеличить количество рейсов для нас и британских подданных. Главная беда состоит в том, что гражданские авиадиспетчеры, все до последнего, до сих пор бастуют. Бахтияр приказал выделить военных авиадиспетчеров, но они оказались еще большими педантами и занудами, если такое только возможно. Мы уверены, что нас тут ожидает повторение «исхода из земли египетской».

– О боже!

Несколько недель назад, после месяцев нагнетания истерии и угроз в адрес иностранцев – главным образом американцев, потому что Хомейни постоянно нападал на американский материализм, называя его «Великим Сатаной», – в промышленном городе Исфахане, где размещался огромный сталелитейный комплекс, нефтеперегонный и нефтехимический заводы, заводы по производству боеприпасов и вертолетов и где проживала и работала большая часть из примерно пятидесяти тысяч американских экспатриантов и членов их семей, бесчинствующая толпа впала в неистовство. Толпа сожгла банки – Коран запрещал давать деньги в долг под проценты, винные магазины – Коран запрещал употребление алкогольных напитков и два кинотеатра – рассадники «порнографии и западной пропаганды», постоянные особые мишени для гнева фундаменталистов, потом набросилась на заводские помещения, забросала четырехэтажный офис компании «Грумман эркрафт» бутылками с «коктейлем Молотова», спалив его до основания. Это послужило причиной «исхода».

Тысячи людей стекались в аэропорт Тегерана, большей частью члены семей экспатриантов, заполнив его до отказа в качестве готовящихся к отлету пассажиров, заняв те немногие сиденья, что там были, превратив аэропорт в зону стихийного бедствия: мужчины, женщины и дети жили и спали, не сходя со своих мест из боязни их потерять, теснота была такая, что невозможно было даже присесть, люди терпеливо ждали, спали, толкались, жаловались, кричали или просто стоически переносили все эти мучения. Расписания не действовали, никому никаких преимуществ, на каждый самолет билетов продано в двадцать раз больше, чем он мог вместить, никакой продажи билетов через компьютеры, только неторопливое их выписывание от руки горсткой надувшихся служащих, большинство из которых не скрывали своего враждебного настроения и отказывались говорить по-английски. Аэропорт быстро запаршил, люди озлобились, и атмосфера накалилась.

В отчаянии некоторые компании заказывали собственные чартерные рейсы, чтобы вывезти своих людей. Транспортные самолеты ВВС США прибыли, чтобы забрать членов семей военнослужащих, а все посольства тем временем старались приуменьшить масштабы эвакуации, чтобы не ставить шаха, их верного союзника на протяжении двадцати лет, в еще более неловкое положение. Хаоса добавляли тысячи иранцев, стремившихся выбраться из страны, пока это было еще возможно. Недобросовестные и богатые пытались пролезть без очереди. Многие служащие богатели, потом становились жаднее и богатели еще больше. Затем началась забастовка авиадиспетчеров, и аэропорт полностью закрылся.

Два дня ни один самолет не взлетал и не садился. Массы людей текли прочь или оставались. Потом некоторые диспетчеры вернулись к работе, и все началось сначала. Слухи о прибывающих рейсах. Люди бросались в аэропорт с детьми и багажом, накопленным за многие годы, или без багажа, в расчете на гарантированное место, которое им так и не доставалось, потом назад в Тегеран, в очереди на такси перед тобой полтысячи человек, в конце концов возвращение в отель, где твой номер уже давно продали другому, ни один банк не работает, и негде взять денег, чтобы подмазать вечно протянутые требовательные руки.

Со временем большинство иностранцев, которые хотели уехать, уехали. Те, кто остался, чтобы продолжать свой бизнес, обслуживать нефтяные месторождения, пилотировать самолеты, строить атомные электростанции, поддерживать работу химических заводов, движение танкеров – и защищать свои громадные инвестиции, – старались держаться незаметно, осо-

бенно если были американцами. Хомейни говорил: «Если чужеземец хочет уехать, пусть уезжает; это не он, а американский материализм является Великим Сатаной...»

Мак-Ивер услышал, как громкость в трубке немного упала, и плотнее прижал ее к уху, опасаясь, что соединение прервется.

– Да, Джордж, так ты говорил?..

– Я просто сказал, Дункан, – продолжил Талбот, – что, по нашему твердому убеждению, все рано или поздно образуется. Нет ни единого шанса, что эта кубышка разлетится на куски полностью и окончательно. Неофициальный источник сообщает, что уже есть договоренность о том, что шах отречется в пользу своего сына Резы Кира, – это компромисс, который поддерживается правительством ее величества. Переход к конституционному правлению может быть слегка шероховатым, но особенно тревожиться не о чем. Извини, надо бежать. Дай мне знать, что ты решишь.

Телефон замолчал.

Мак-Ивер выругался, безуспешно пощелкал тумблерами на аппарате и пересказал Дженни и Петтикину все, что услышал от Талбота. Дженни сладко улыбнулась:

– Не гляди на меня, мой ответ – нет. Я согла...

– Но, Джен, Тал...

– Я согласна, что остальные должны уехать, но я остаюсь. Ужин почти готов. – Она вернулась на кухню и закрыла дверь, оборвав все дальнейшие возражения.

– Короче, поедет как миленькая, и кончен разговор, – сказал Мак-Ивер.

– Ставлю годовое жалованье, что не поедет. Пока ты не уедешь. Ради бога, почему бы вам действительно не уехать? Я тут сам за всем присмотрю.

– Нет. Спасибо, но нет. – Лицо Мак-Ивера вдруг просияло в полутьме. – Вообще-то, у меня такое чувство, будто мы снова на войне, а? Снова эта чертова светомаскировка. Только и забот, что делать свое дело, присматривать за личным составом да подчиняться приказам. – Мак-Ивер, нахмурившись, посмотрел на свой стакан. – В одном Талбот прав: нам чертовски повезло, что мы британцы. Янки приходится туго. Это нечестно.

– Да, но наших-то ты прикрыл как мог.

– Надеюсь, что так. – (Когда шах уехал и насилие в стране повсюду поползло вверх, Мак-Ивер выдал всем американцам британские удостоверения личности.) – У них все должно быть в порядке, если только «зеленые повязки», полиция или САВАК не сверят их данные с их летными свидетельствами.

По иранскому законодательству все иностранцы были обязаны иметь открытую визу, действие которой прекращалось, когда они покидали страну, действующее удостоверение личности, где была указана их принадлежность к той или иной компании, а все пилоты еще и действующее, ежегодно возобновляемое летное свидетельство. В качестве дополнительной меры безопасности Мак-Ивер договорился об изготовлении корпоративных удостоверений личности, подписанных главой их иранских партнеров в Тегеране генералом Валиком. Проблем с ними пока не возникало. Американцам Мак-Ивер сказал: «Будет лучше, если вы при необходимости сможете показать вот это, – и отдал приказ всем сотрудникам постоянно носить с собой фотографии и Хомейни, и шаха. – Смотрите только, какую показываете, когда вас останавливают!»

Петтикин безуспешно пытался вызвать Бендер-Дейлем по высокочастотному радио.

– Попробуем еще раз попозже, – сказал Мак-Ивер. – Все базы будут ждать нашего выхода на связь в восемь тридцать, до этого у нас есть время подумать и решить, что делать. Господи, легко нам не будет, это уж как пить дать! Как ты думаешь? Статус-кво, кроме членов семьи?

С очень озабоченным лицом Петтикин поднялся, взял свечу и взгляделся в карту их операций в Иране, пришпиленную к стене. Карта показывала состояние их баз, количество пилотов, наземного персонала, вертолетов. Базы были разбросаны по всему Ирану: учебные для

пилотов ВВС и сухопутных сил в Тегеране и Исфахане, обслуживающие добычу нефти в горах Загрос, лесозаготовительные работы на северо-востоке страны, геологическую разведку урановых руд рядом с афганской границей, прокладку маршрута нефтепровода на Каспийском побережье, четыре нефтедобывающих предприятия в Персидском заливе или рядом с ним и последняя, далеко на юго-востоке, база в Бендер-Ленге в Ормузском проливе. Из них только пять были действующими в настоящее время: Бендер-Ленге, Ковисс, Бендер-Дейлем, Загрос и Тебриз.

– У нас пятнадцать двести двенадцатых, включая два, которые проходят техосмотр после двух тысяч часов полетов, семь двести шестых и три «алуэтта», все в данный момент должны быть в действии...

– И все сданы в аренду по юридически обязательным к исполнению контрактам, ни один из которых не был аннулирован, хотя ни по одному из них нам не платят, – раздраженно заметил Мак-Ивер. – Мы никаким образом не можем перевести их всех в Ковисс. Мы даже не можем законно вывезти ни одну машину без разрешения нашего подрядчика или одобрения наших дорогих партнеров, если только мы не сможем объявить форс-мажор.

– Пока его и нет. Придется держаться статус-кво так долго, как получится. Талбот говорил вполне уверенным тоном. Статус-кво.

– Хотелось бы мне, чтобы это был статус-кво, Чарли. Господи, в это время в прошлом году у нас тут работало сорок двести двенадцатых машин и все остальные. – Мак-Ивер плеснул себе еще виски.

– Ты бы не налегал, – тихо заметил Петтикин. – А то Дженни тебе устроит. Ты же знаешь, что у тебя повышенное давление и пить тебе запретили.

– Это же лекарство, черт возьми меня совсем! – Свеча затрещала и погасла, и Мак-Ивер встал и зажег другую, потом вернулся к карте и продолжил ее рассматривать. – Думаю, нам лучше вернуть сюда Азаде и Летающего Финна. Его двести двенадцатый налетал полторы тысячи часов, так что на пару дней его можно вытащить. – (Речь шла о капитане Эрикки Йокконене и его жене-иранке Азаде и их базе под Тебризом в провинции Восточный Азербайджан далеко на северо-западе, рядом с советской границей.) – Почему бы не взять двести шестой и не слетать за ними? Это избавило бы их от необходимости трястись триста пятьдесят миль по кошмарным дорогам, к тому же нам нужно отвезти ему кое-какие запчасти.

– Спасибо, я мог бы слетать, – просиял Петтикин. – Сегодня вечером передам план полета по высокочастотке и вылету на рассвете, дозаправлюсь в Бендер-Энзили и прикуплю нам икорки.

– Размечтался. Но Джен бы порадовалась. Знаешь, что я думаю обо всем этом? – Мак-Ивер отвернулся от карты. – Мы очень уязвимы, Чарли, если дела примут дурной оборот.

– Только если все действительно к этому идет.

Мак-Ивер кивнул. Блуждая, его взгляд упал на телефон. Он поднял трубку. И услышал гудок. В возбуждении он начал вертеть диск: 00, международная линия; 44, Британские острова; 224, Абердин, Шотландия; 754–8080. Он ждал и ждал, вдруг лицо его осветилось.

– Господи, я дозвонился!

– Вертолетная компания «С-Г», оставайтесь на линии, пожалуйста, – произнесла оператор, прежде чем он успел вставить хоть слово, и переключила его в режим ожидания. Он ждал, кипя от возмущения. – Вертолетная...

– Говорит Мак-Ивер из Тегерана, дайте мне Старика, пожалуйста.

– Он разговаривает по телефону, мистер Мак-Ивер. – Девушка шмыгнула носом. – Я соединю вас с его секретарем.

– Привет, Мак! – почти тотчас же раздался голос Лиз. – Погоди секундочку, сейчас я позову Самого. Ты в порядке? Мы тут уже несколько дней пытаемся до тебя дозвониться, погоди.

– В порядке, Лиз.

Секундная пауза, потом он услышал радостный голос Гэваллана:

– Мак? Господи, как тебе удалось дозвониться? Ужасно рад тебя слышать... У меня тут один парень специально только тем и занят, что накручивает твой номер, номер твоего офиса, твоей квартиры по десять часов в день. Как Дженни? Как тебе удалось прорваться?

– Просто повезло, Энди. Я дома. Я лучше расскажу тебе все побыстрей, пока нас опять не разъединили.

Мак-Ивер передал ему большую часть того, что услышал от Талбота. Ему приходилось тщательно выбирать выражения, поскольку, по слухам, САВАК, иранская тайная полиция, часто прослушивала телефонные разговоры, особенно иностранцев. Последние два года в их компании было заведено общее правило: исходить из того, что тебя прослушивают: САВАК, ЦРУ, британская разведка Эм-ай-5, КГБ – кто-нибудь.

Последовало короткое молчание.

– Во-первых, выполни предписание посольства и немедленно вывези всех наших членов семей. Свяжись с финским посольством по поводу паспорта для Азаде. Скажи Лочарту, чтобы ускорил дела с паспортом для Шахразады... Я заставил его подать заявление две недели назад, так, на всякий случай. Кстати, у него... э-э... для тебя кое-какая почта.

Сердце Мак-Ивера учащенно забилося.

– Хорошо, он будет тут завтра.

– Я здесь выйду на «Британские авиалинии», попробую сделать для них гарантированные места. Для подстраховки пошлю сто двадцать пятый нашей компании. Он должен вылететь в Тегеран завтра. Если у тебя возникнут проблемы с БА, отправляя всех членов семей и лишний персонал на сто двадцать пятом начиная с завтрашнего дня. Тегеран ведь пока открыт, да?

– Сегодня был открыт, – осторожно ответил Мак-Ивер.

Он услышал, как Гэваллан произнес так же осторожно:

– Слава богу, власти держат все под контролем.

– Да.

– Мак, что ты рекомендуешь в отношении наших иранских операций?

Мак-Ивер набрал в грудь побольше воздуха:

– Статус-кво.

– Хорошо. Здесь все показатели, включая высший уровень, указывают на то, что все скоро должно вернуться в норму. У нас в Иране хорошая репутация. И будущее. Послушай, Мак, эти слухи про компанию «Герни» подтвердились.

Мак-Ивер заметно повеселел:

– Ты уверен?

– Да. Несколько минут назад я получил телекс от «Иран ойл», подтверждающий, что мы получим все контракты «Герни» на Харке, в Ковиссе, Загросе и Бендер-Ленге для начала. Видимо, распоряжение подоить нас поступило с самого верха, и мне действительно пришлось внести щедрый *пешкеш* в фонд «накладных расходов» наших партнеров. – (Пешкеш был древней иранской традицией, заранее преподносимым подарком за услугу, которая могла быть оказана. Такой же древней традицией было законное право любого чиновника оставлять себе пешкеш, получаемый им в ходе выполнения своей работы. А как еще ему прожить?) – Но это ерунда, мы учетверим наши доходы в Иране, парень.

– Это замечательно, Энди!

– И это еще не все. Мак, я только что заказал еще двадцать двести двенадцатых и сегодня подтвердил наш заказ на шесть Х63. Это чудо, а не вертолет!

– Господи, Энди, это же здорово... но ты, получается, торопишь события?

– Иран может переживать... э-э... временные трудности, но весь остальной мир перепуган до глухого запора проблемой резервных источников нефти. Янки уже наделали в штаны

по самую резинку, парень. – Его голос зазвучал живее. – Я только что подтвердил еще одну огромную сделку с «ЭксТекс» на новые контракты в Нигерии, Саудовской Аравии и на Борнео и другую с «Ол-Галф ойл» в Эмиратах. В Северном море только мы, «Герни» и «Импириэл хеликоптерз». – («Импириэл хеликоптерз» была дочерним предприятием компании «Импириэл эр», второй полугосударственной авиакомпания, противостоящей «Британским авиалиниям».) – Крайне важно, чтобы ты в Иране поддерживал все на стабильном уровне. Наши контракты, машины и запчасти являются частью дополнительного обеспечения для покупки новых вертолетов. Ради всего святого, смотри, чтобы наши партнеры не сходили с пути праведного. Как поживают эти дорогие, милые люди?

– Как обычно.

Гэваллан знал: это означает, что они ведут себя, как всегда, отвратительно.

– Я только что беседовал с генералом Джавадой в Лондоне. – (Джавада уехал из Ирана со всем своим семейством год назад, как раз перед тем, как проблемы в стране выплеснулись наружу. За последние три месяца два других иранских партнера и их семьи стали частенько наведываться в Лондон «по причинам медицинского характера», еще четыре находились в Америке, тоже с семьями. Три партнера оставались в Тегеране.) – Он настроен оптимистично, хотя и предрекает увеличение расходов.

Мак-Ивер перевел разговор на более важные проблемы:

– Энди, мне позарез нужны какие-то деньги. Наличными.

– Найдешь в конверте.

Мак-Ивер услышал сочный хохот, и на душе у него потеплело.

– Да пошел ты, Китаец! – (Китайцем близкие друзья прозвали Гэваллана, который до переезда в Абердин большую часть своей жизни провел китайским торговцем, поначалу в Шанхае, потом в компании «Струанз» в Гонконге, где они с Мак-Ивером и познакомились. В те времена Мак-Ивер возглавлял в колонии небольшую, едва сводившую концы с концами вертолетную фирму.) – Нет, серьезно, мы здорово отстаем по выплате зарплаты наземному персоналу, потом еще все расходы пилотов, почти всё приходится покупать на... – Он вовремя спохватился и замолк. Вдруг кто-нибудь подслушивает. Он собирался сказать «на черном рынке». – Чертовы банки по-прежнему закрыты, а те небольшие запасы наличных, которые у меня еще остались, я берегу для *сян ю*. – Он воспользовался кантонским выражением, которое дословно означало «благовонное масло», деньги, предназначенные для подмазки нужных людей.

– Джавада пообещал, что генерал Валик в Тегеране завтра передаст тебе полмиллиона риалов. Я получил телекс с подтверждением.

– Но это едва шесть тысяч долларов, а у нас счетов на сумму в двадцать раз больше.

– Знаю, парень, знаю. Но он говорит, что и Бахтияр, и аятолла хотят, чтобы банки открылись, так что не позже чем через неделю они начнут работать. Как только они откроются, он клянется, что ИВК выплатит все, что они нам должны.

– А он тем временем уже дал разрешение на использование фонда «А»?

Это было кодовое выражение, которым Мак-Ивер и Гэваллан пользовались, когда говорили о средствах ИВК, хранившихся за пределами Ирана, почти шесть миллионов долларов. ИВК была должна «С-Г» почти четыре миллиона.

– Нет. Утверждает, что ему для этого необходимо официальное согласие всех партнеров. Патовая ситуация сохраняется.

Ну и слава богу, подумал Мак-Ивер. Для снятия средств с этого счета требовались три подписи: две от партнеров и одна от «С-Г», – таким образом, ни одна из сторон не могла распоряжаться этими средствами без согласия другой.

– Все это весьма рискованно, Энди. С проплатой первого взноса за новые машины, платежами за аренду используемой нами здесь техники ты оказываешься на краю, так ведь?

– Вся жизнь проходит на краю, Мак. Но будущее окрашено розовым цветом.

Да, подумал Мак-Ивер, для вертолетного бизнеса в целом. Но здесь, в Иране? В прошлом году партнеры заставили Гэваллана передать фактическое право собственности на все вертолеты и запчасти «С-Г» в Иране Иранской вертолетной компании. Гэваллан согласился при условии, что он будет иметь право выкупить все это назад в любой момент, а они будут не вправе отказать ему в этом случае и что они будут своевременно производить арендные платежи и выплатят все старые долги. Когда разразился кризис и все банки позакрывались, ИВК оказалась неплатежеспособной, и Гэваллан осуществлял платежи за аренду всех вертолетов, размещенных в Иране, из фондов «С-Г» в Абердине. Партнеры заявили, что это, мол, не их вина, что банки закрылись, Джавада и Валик наперебой твердили, что, как только все наладится, они, разумеется, все вернут: «Не забывай, Эндрю, мы же тебе все эти годы добывали лучшие контракты; правда ведь, добывали же; без нас „С-Г“ не может работать в Иране. Как только все нормализуется...»

Гэваллан продолжил:

– Наши иранские контракты по-прежнему очень прибыльны, тут нам партнеров винить не в чем, а с контрактами «Герни» мы вообще будем как свиньи в корыте с ботвой! – (Да, мысленно согласился Мак-Ивер, хотя они нас доят и доят и с каждым годом наша доля становится все меньше, а их – все больше.) – Они-то знают, что у них в стране творится, всегда знали, и клянутся всем, что у них есть святого, что все уляжется. Для обслуживания нефтепромыслов вертолеты им необходимы. Тут каждый говорит, что все утрясется. Министр, их посол, наш. Да и почему нет? Шах сделал все, что мог, чтобы модернизировать страну, доходы населения выросли, неграмотность снижается. Доходы от нефти огромные – и вырастут еще больше, когда весь этот бардак закончится, говорит министр. То же самое утверждают мои контакты в Вашингтоне, даже старик Вилли в «ЭксТекс», черт возьми, а уж кому и знать, как не ему. Ставят пятьдесят к одному, что через шесть месяцев все придет в норму, шах отречется в пользу своего сына Резы и конституционной монархии. Я тем временем думаю, нам сле...

Связь оборвалась. Мак-Ивер возбужденно потыкал в рычажки пальцем. Когда сигнал вернулся, это был уже просто долгий гудок. Он сердито бросил трубку. Внезапно вспыхнул электрический свет.

– Дьявольщина, – сказала Дженни, – со свечами гораздо красивее.

Петтикин улыбнулся и выключил свет. Комната выглядела приятнее, теплее, уютнее, столовое серебро, расставленное Дженни на столе, мягко посверкивало.

– Ты права, Дженни, опять права.

– Спасибо, Чарли. Получишь за это добавки. Ужин почти готов. Дункан, можешь налить себе еще виски, только не такого крепкого, как тот, что ты выпил тайком... И не строй из себя невинного младенца. После разговора с нашим бесстрашным вождем даже мне бывает нужна дополнительная подпитка. Можешь рассказать мне, что он сказал, за ужином. – Она вышла.

Мак-Ивер пересказал Петтикину большую часть того, что услышал от Гэваллана; Петтикин не входил в совет директоров «С-Г» или ИВК, поэтому Мак-Иверу по необходимости приходилось в большинстве случаев держать многое при себе. В глубокой задумчивости он подошел к окну, довольный, что поговорил со старым другом. Много лет уже прошло, подумал он. Четырнадцать.

Летом 1965-го, когда колония балансировала на грани революции, наблюдая, как хунвейбины Мао Цзэдуна бесчинствуют на всем материковом Китае, раздирая родину на куски и переливаясь через край на улицы Гонконга и Коулуна, пришло письмо от Гэваллана. К этому времени вертолетный бизнес Мак-Ивера был на краю гибели, он уже просрочил несколько арендных платежей за свой маленький вертолет, а Дженни пыталась справиться с их двумя

детьми-подростками в крошечной шумной квартирке в Коулуне, где уличные беспорядки были самыми ожесточенными.

– Ради бога, Джен, ты только посмотри на это!

Письмо гласило:

Дорогой мистер Мак-Ивер, может быть, Вы помните меня, мы встречались раз или два на скачках, когда я работал в «Струанз» несколько лет назад. Мы еще оба выиграли тогда изрядную сумму, поставив на мерина по кличке Китаец. Тайбань Иэн Данросс посоветовал мне написать Вам, поскольку у меня есть большая и экстренная нужда в Вашем опыте. Я знаю, что Вы научили его пилотировать вертолет, и он Вас очень сильно рекомендует. Нефть Северного моря – свершившийся факт. У меня есть теория, что единственным способом доставки людей и грузов на морские платформы является вертолет. В настоящее время это невозможно. Кажется, у Вас это называется Правилами полетов по приборам, ППП. Мы могли бы сделать это возможным. У меня есть нужная погода, у Вас есть нужные умения и навыки. Тысяча фунтов в месяц, контракт на три года с возможностью продления или расторжения по окончании этого срока, премия в зависимости от успеха, оплата переезда в Абердин для Вас и Вашей семьи и ящик виски «Лох-Вай» на Рождество. Пожалуйста, позвольте мне как можно быстрее...

Не говоря ни слова, Дженни небрежно сунула письмо ему обратно в руки и двинулась к двери. Несмолкаемый гул большого города – шум машин, звук клаксонов, крики уличных торговцев, гудки паровозов, рев самолетов, гремевшая нестройная китайская музыка – врвался через окна, постукивая рамами на ветру.

– Ты это куда направилась?

– Собираться. – Тут она рассмеялась, подбежала к нему и заключила в объятия. – Это дар небес, Дункан, давай звони ему, звони ему быстрее...

– Но Абердин? ППП в любую погоду? Господи, Джен, никто никогда этого еще не делал. Приборов-то таких нет, я и не знаю, возможно ли э...

– Для тебя возможно, дружок. Ну конечно. Так, куда, дьявол меня заберет, подевались Хэмиш и Сара?!

– Сегодня суббота, они отправились в кино, а...

В одно из окон со звоном и с грохотом влетел кирпич, и с улицы снова донесся звук распалюющей себя толпы. Их квартира находилась на третьем этаже и выходила окнами на узенькую улочку в густонаселенном районе Коулун Монкок. Мак-Ивер потянул Дженни за руку в безопасное место, потом осторожно выглянул наружу. Внизу на улице тысяч пять-десять китайцев, скандируя: «Мао, Мао, *Гуайло! Гуайло!* – Чужеземный дьявол! Чужеземный дьявол!» – обычный их боевой клич, быстро двигались к полицейскому участку в сотне ярдов впереди, где позади баррикады их молча поджидал маленький отряд китайских полицейских в форме и три британских офицера.

– Бог мой, Джен, они вооружены! – охнул Мак-Ивер.

Обычно полиция обходилась просто дубинками. Вчера швейцарский консул и его жена сгорели заживо неподалеку отсюда, когда толпа перевернула их машину, а потом подожгла ее. Вчера вечером по радио губернатор предупредил, что приказал полиции принимать любые меры, какие могут понадобиться для прекращения беспорядков.

– На пол, Джен! Подальше от окон...

Его слова утонули в реве полицейских громкоговорителей: суперинтендант на кантонском и английском приказывал бушующей толпе разойтись. Толпа не обратила на предупреждение никакого внимания и набросилась на баррикаду. Еще один приказ разойтись остался без ответа. Затем раздались выстрелы, и те, кто был впереди, в панике заметались и были сбиты

с ног остальными, которые, толкаясь, пытались скорее выбраться оттуда. Вскоре улица опустела, лишь десятка полтора тел остались лежать в грязи. На острове Гонконг произошло то же самое. На следующий день спокойствие в колонии было восстановлено; серьезных беспорядков больше не возникало, лишь несколько групп фанатиков-хунвейбинов пытались разжечь толпу, но их быстро выслали.

В течение недели Мак-Ивер продал свою долю в вертолетном бизнесе, вылетел в Абердин раньше Дженни и с жаром взялся за новую работу. У Дженни ушел месяц на сборы, продажу квартиры и всего, что им было не нужно. К ее приезду он нашел идеальную квартиру рядом с вертолетным аэродромом Мак-Клауд, которую она быстро отвергла:

– Ради всего святого, Мак, да от нее до ближайшей школы миллион миль. Квартира в Абердине? Теперь, когда ты так же богат, как Данросс, мы, дружок, снимаем дом...

Он улыбнулся про себя, вспоминая те первые дни. Дженни была счастлива вернуться в Шотландию – Гонконг никогда ей по-настоящему не нравился, жить там на скудный доход и растить детей было так трудно, – он был рад своей работе, работать с Гэвалланом и на него оказалось здорово, вот только Северное море он невзлюбил со всем его холодом и сыростью и ноющей болью, которую приносил напитанный морской солью воздух. Но пять с лишним лет, проведенные там, того стоили. Он возобновил старые контакты и приобрел новые во все еще тесном мировом сообществе вертолетчиков – большинство пилотов были из числа бывших летчиков Королевских ВВС Великобритании, Канады, Австралии, ВВС США – с прицелом на тот день, когда их компания станет расширяться. На Рождество всегда щедрая премия, которую они аккуратно откладывали на старость, и неизменно ящик «Лох-Вая». «Энди, именно это условие меня тогда всерьез и зацепило!» Гэваллан оставался главной движущей силой всегда и во всем, на личном примере демонстрируя придуманный им для компании девиз: «Будь смел». Сегодня в Восточной Шотландии от Абердина до Инвернесса и на юг до самого Данди Гэваллана знали как Хозяина, чьи щупальца протянулись в Лондон, Нью-Йорк, Хьюстон – везде, где имела силу нефть. Да, старый Китаец – парень хоть куда, и еще он может вертеть тобой и большинством людей как захочет, подумал Мак-Ивер без всякой злобы. Вспомни, как ты тут оказался...

– Послушай, Мак, – сказал как-то Гэваллан в начале 1960-х, – я тут на охоте познакомился с одним большим генералом из иранского Генштаба. Генерал Бени-Хасан. Отличный стрелок, набил двадцать пар против моих пятнадцати! В выходные я провел с ним много времени и продал-таки ему идею о вертолетах непосредственной огневой поддержки для пехотных и танковых частей вместе с целой программой подготовки для их сухопутных сил и ВВС, а еще о вертолетах для снабжения их нефтяных промыслов. Так что мы в деле, приятель, раз – и в дамки.

– Но у нас нет оборудования и техники, чтобы выполнить даже половину того, что ты тут наговорил.

– Бени-Хасан – мировой парень, а шах – монарх, который резину тянуть не любит, у него большие планы модернизации. Ты что-нибудь знаешь про Иран?

– Нет, Китаец, – ответил Мак-Ивер, с подозрением глядя на него: ему был знаком этот радостно подмигивающий настрой. – А что?

– Тебе забронированы билеты на пятницу в Бахрейн, тебе и Дженни... Погоди, погоди минутку, Мак! Что ты знаешь про «Шейх авиэйшн»?

– Дженни очень нравится в Абердине, ей не хочется никуда переезжать, дети оканчивают школу, мы только что внесли первый платеж за дом, мы никуда не поедem, и Дженни тебя убьет.

– Конечно, – безмятежно бросил Гэваллан. – «Шейх авиэйшн»?

– Это маленькая, но добротная вертолетная компания, которая обслуживает регион Персидского залива. У них три двести шестых и несколько машин для обслуживания местных

рейсов, базируются они в Бахрейне. Хорошая репутация. Много работают на АРАМКО, «Экс-Текс» и, кажется, на «Иран ойл». Владелец и управляющий – Джок Форсайт, бывший воздушный десантник и пилот, который создал эту компанию в пятидесятых на пару с моим старым приятелем Скрэггом Скрэггером, австралийцем. Скрэгг является подлинным владельцем, бывший пилот Королевских ВВС Австралии, дважды награжден Крестом Военно-воздушных сил, дважды – крестом «За летные боевые заслуги», сейчас – фанатик вертолетного дела. Сначала их контора была в Сингапуре, где я со Скрэггом и познакомился. Мы тогда... э-э... изрядно нагрузились, и я уже не помню, кто первым начал, но все потом говорили, что вышла ничья. Затем они перебрались в район залива с одним бывшим директором из «ЭксТекс», у которого на руках случайно оказался отличный контракт, сразу давший им хороший разгон. А что?

– Я их только что приобрел. С понедельника ты принимаешь дела как новый исполнительный директор. Скрэггер и все их пилоты и наземный персонал остаются или не остаются – это тебе решать, но, думаю, нам понадобятся их знания. Я с ними со всеми познакомился, славные ребята. Форсайт счастлив удалиться на покой и поселиться в Девоне. Любопытно, Скрэггер не упоминал, что вы знакомы, с другой стороны, я с ним говорил всего несколько минут, а все дела вел с Форсайтом. С сегодняшнего дня мы «С-Г вертолетерз лимитед». Я хочу, чтобы в следующую пятницу ты слетал в Тегеран – да погоди ты, ради бога! – в пятницу, чтобы открыть там головной офис. Я договорился о твоей встрече с Бени-Хасаном, познакомишься с ним и подпишешь бумаги по сделке с ВВС. Он сказал, что с удовольствием представит нас нужным людям – везде и всюду. Да, ты получаешь десять процентов от всей прибыли, десять процентов акций новой дочерней компании в Иране, ты исполнительный директор по Ирану. Пока это будет включать весь регион Персидского залива...

Конечно, Мак-Ивер поехал. Эндрю Гэваллану он противиться никогда не мог и наслаждался каждой секундой этого разговора, но вот чего он так и не узнал, это как Гэваллану удалось уговорить Дженни. Когда он вернулся домой в тот вечер, она встретила его со стаканом виски с содовой и с нежной улыбкой:

– Привет, дорогой, хорошо день прошел?

– Да, ты это к чему? – спросил он, подозрительно прищурившись.

– Я это к тому. Энди говорит, что для нас открылись новые чудесные возможности в каком-то месте под названием Тегеран в какой-то стране под названием Персия.

– Иран. Она раньше называлась Персией, Джен, современное название – Иран. Я... э-э... я подую...

– Как интересно! Когда мы уезжаем?

– Э-э... ну-у, Джен, я тут подумал, мы сначала все обговорим, и, если хочешь, я договорился так, что мне можно будет работать два месяца там, один здесь, и...

– А что ты намерен делать два месяца по вечерам и в выходные?

– Я... э-э... ну, мне придется там крутиться как угорелому, так что у меня не бу...

– «Шейх авиэйшн»? Ты и старина Скрэггер к востоку от Суэца на пару пьете и гоняетесь за юбками?

– Кто? Я? Да брось ты! Там работы будет столько, что у нас не...

– Нет уж, не выйдет, дружочек. Ха! Два месяца там, один здесь? Только через труп Энди, и я имею в виду именно мертвое тело. Мы едем всей семьей, клянусь Богом, или никуда не едем, клянусь Богом! – И еще нежнее: – Ты разве не согласен, сердечко мое?

– погоди, Джен, послушай...

Не прошло и месяца, как они опять все начинали с нуля, но все было очень здорово – лучшее время его жизни: он встречался с разными интересными людьми, захлебывался от хохота со Скрэггером и с остальными, нашел Чарли, и Лочарта, и Жан-Люка, и Эрикки, превратил компанию в самую эффективную и безопасную вертолетную службу в Иране и во всем

Персидском заливе, кроя ее по собственному усмотрению. Его детище. Только его, и ничье больше.

«Шейх авиэйшн» была первым из многочисленных поглощений и слияний, осуществленных Гэвалланом.

– Черт возьми, Энди, откуда у тебя берется такая прорва денег? – спросил он однажды.

– Банки. Откуда же еще? Мы имеем рейтинг риска три «А», и вдобавок мы шотландцы.

Лишь много времени спустя Дункан обнаружил, совершенно случайно, что буква «С» в названии их компании «С-Г хеликоптерз» означает «Струанз», которая была также тайным источником всего их финансирования и коммерческой информации, и что «С-Г» является ее дочерним предприятием.

– Как ты узнал, Мак? – резко спросил Гэваллан.

– Старый друг в Сиднее, бывший военный летчик, сейчас работает в горной промышленности, написал мне, что слышал, как Линбар разглагольствовал о том, что «С-Г», мол, часть Благородного Дома. Я не знал, но, похоже, Линбар управляет деятельностью «Струанз» в Австралии.

– Пытается управлять. Мак, между нами, Иэн хотел, чтобы об участии «Струанз» никто не знал. Дэвид хочет продолжать в том же ключе, поэтому я бы предпочел, чтобы ты держал все это при себе, – тихо сказал Гэваллан.

Дэвидом был Дэвид Мак-Струан, тогдашний тайбань.

– Конечно. Даже Дженни не узнает. Но это многое объясняет, и это вдохновляющее чувство – знать, что нас прикрывает Благородный Дом. Я часто спрашивал себя, почему ты ушел.

Гэваллан улыбнулся, но не ответил.

– Лиз, разумеется, знает про «Струанз»; еще внутреннее правление, и все.

Мак-Ивер никогда никому об этом не рассказывал. «С-Г» процветала и росла вместе с нефтяным бизнесом. Росли и прибыли. Росла и стоимость акций иранской компании. Когда он уйдет на отдых лет через шесть-семь, ему не о чем будет беспокоиться.

– Не пора ли уходить? – каждый год спрашивала его Дженни. – Денег уже больше чем достаточно.

– Не в деньгах дело, – неизменно отвечал он...

Мак-Ивер смотрел на багровый отсвет над Джалехом на юго-востоке, который теперь стал гуще цветом и расползся вширь. Его разум взбудораженно метался. То, что сейчас происходит в Джалехе, наверняка разнесется по всему Тегерану, думал он.

Дункан сделал глоток виски. Никакой особенной нужды нервничать нет, подумал он, чувствуя, как все это гнетет его. Что, черт побери, собирался сказать Китаец, когда связь пропала?! Он найдет способ сообщить мне, если это важно. Пока это всегда ему удавалось. Ужасно жаль Стэнсона. За последние несколько месяцев это уже третий человек из гражданских, все американцы, которых убили «неизвестные вооруженные лица»: двое из «ЭксТекс» и один из «Герни». Интересно, когда они примутся за нас? Иранцы ненавидят британцев не меньше, чем янки. Где же раздобыть еще наличных? Мы не можем работать на полмиллиона риалов в неделю. Каким-то образом мне нужно нажать на партнеров, но они ребята ушлые, таких еще поискать, а в умении блюсти свой интерес дадут фору любому.

Мак-Ивер допил последний глоток виски. Без партнеров мы упремся лбом в стену, даже после всех этих лет – это они знают, с кем нужно говорить, чью руку подмазывать и какой суммой или каким процентом, кому лстить, кого вознаграждать. Они говорят на фарси, они наши контакты. И все равно Китаец прав: кто бы ни выиграл – Хомейни, Бахтияр или генералы, – им обязательно понадобятся вертолеты...

На кухне Дженни едва не плакала. Банка с хаггисом, которую она полгода так тщательно прятала и которую только что открыла, оказалась испорченной. А Дункан так его любит. Как он может это любить: месиво из овечьих сердца, печени и легких, прокрученных с овсянкой, луком, нутряным салом, приправами и крепким костным бульоном, которое запихивают в мешок, изготовленный из желудка бедной несчастной овцы, и потом варят несколько часов. «Бррр! Да провались все к дьяволу!» Она попросила Скота Гэваллана – он дал ей клятву держать ее просьбу в секрете – привезти эту банку, когда он в последний раз ездил в отпуск, привезти как раз для этого особого случая.

Сегодня у них годовщина свадьбы, и хаггис был ее тайным сюрпризом для Дункана. Черт, черт, черт!

Скот не виноват, что проклятая банка оказалась с дефектом, горестно думала Дженни. И все равно черт, черт, черт! Я планировала этот ужин месяцами, а теперь все пропало. Сначала окаянный мясник подвел, хотя я и заплатила ему вперед вдвое больше обычного, – чтоб он провалился к дьяволу со своим Иншаллах! – потом из-за того, что дерьмовые банки закрыты, у меня нет денег, чтобы подкупить конкурента этого гнусного ублюдка и купить ногу доброй свежей ягнятины, а не старую баранину, которую он мне обещал, потом универсам вдруг объявляет забастовку, потом...

Окно маленькой кухни было приоткрыто, и она услышала еще одну автоматную очередь. На этот раз ближе. Затем ветер донес далекие гортанные звуки толпы, скандировавшей «Алла-ххх-у акбаррр... Аллаххх-у акбаррр...» раз за разом, раз за разом. Дженни поежилась, в этих звуках ей почудилась странная угроза. До того как начались беспорядки, крик муэдзина, пять раз в день призывавшего правоверных на молитву, обычно действовал на нее успокаивающе. Но не теперь, когда эти слова вырывались из глоток толпы.

Теперь я ненавижу этот город, думала она. Ненавижу автоматы, ненавижу угрозы. Сегодня в почтовом ящике оказалась еще одна, уже вторая полученная ими. Как и первая, она была плохо отпечатана, а потом размножена на самой дешевой бумаге. «Первого декабря мы дали тебе и твоей семье месяц на то, чтобы уехать из страны. Вы все еще здесь. Теперь вы наши враги, и мы будем бороться с вами категорически». Без подписи. Почти каждый экспатриант в Иране получил такое послание.

Ненавижу автоматы, ненавижу холод, холодные батареи и негорящие лампочки, ненавижу их поганые туалеты и сидение на корточках, словно какое-нибудь животное, ненавижу всю эту тупую жестокость и разрушение того, что было по-настоящему очень славным. Ненавижу стояние в очередях. К дьяволу все очереди! Чума на того паршивого ублюдка, который плохо закрыл банку с хаггисом, чума на эту вонючую крохотную кухню и чума на пирог с говяжьей тушенкой! Чтоб мне провалиться, если я понимаю, как он может нравиться мужчинам! Смешно! Говяжья тушенка из банки, перемешанная с вареной картошкой, немного лукового масла и молока, если они у тебя есть, сверху – хлебные крошки, выпекать до появления коричневой корочки. Бррр! А что до цветной капусты, то меня тошнит от одного ее запаха, когда она готовится, хотя я читала, что она полезна при дивертикулите, а любому ясно, что Дункан не так здоров, как следовало бы. Такой глупый – думает, меня можно провести. Разве ему удалось провести Чарли? Сомневаюсь. Что касается Клэр, она полная дура, раз оставила такого замечательного человека! Интересно, Чарли узнал про ее роман с этим пилотом из «Герни»? Полагаю, большой беды в таком романе нет, если только не попадаться. Трудно подолгу оставаться одной, особенно если это именно то, что тебе нужно. Но я рада, что они расстались друзьями, хотя и считала тогда, что она повела себя очень эгоистично.

Дженни заметила себя в зеркале. Не думая, поправила волосы и уставилась на свое отражение. Куда подевалась вся твоя молодость? Не знаю, но куда-то подевалась. Моя, по крайней мере, у Дункана, – нет, он все еще молод, то есть молод для своего возраста. Черт бы побрал Гэваллана! Впрочем, нет, Энди – человек неплохой. Я так рада, что он женился во второй раз

на такой славной девочке. Морин сумеет держать его в руках, и маленькая Электра тоже. Я так боялась, что он женится на этой своей китайской секретарше. Бррр! Энди хороший, и в Иране было хорошо. Было. Теперь пора уезжать и тратить деньги в свое удовольствие. Определенно. Но как?

Она рассмеялась вслух. Всегда одним и тем же способом, надо полагать.

Дженни аккуратно приоткрыла дверцу духовки, заморгала, когда в лицо ей ударили жар и сытный запах, потом снова ее закрыла.

– Терпеть не могу пирог с говяжьей тушенкой! – раздраженно сказала она себе самой.

Ужин удался на славу, пирог с говяжьей тушенкой подрумянился сверху, как раз как они любили.

– Ты не откроешь вино, Дункан? Оно персидское, к сожалению, но это последняя бутылка. – (Обычно у них имелись приличные запасы французских и персидских вин, но толпа разгромила и сожгла все винные магазины Тегерана, напутствуемая муллами и следующая непреклонному фундаментализму Хомейни: Коран запрещает употребление любых алкогольных напитков.) – Человек на базаре сказал, что по закону теперь ничего нигде не продается, пить официально запрещено даже в западных отелях.

– Это ненадолго, этого люди долго терпеть не станут, как и фундаментализм, – произнес Петтикин. – Они просто не смогут, только не в Персии. Исторически шах всегда был терпим в этом отношении, да и почему бы нет? Почти три тысячи лет Персия славится красотой своих женщин – посмотрите только на Азаде или Шахразаду – и своими виноградниками и вином. А «Рубайят» Омара Хайяма? Разве это не гимн вину, женщине и песне? Да здравствует Персия, говорю я.

– «Персия» звучит гораздо лучше, чем «Иран», Чарли, гораздо экзотичнее, какой эта страна и была, когда мы впервые приехали сюда, гораздо более приятной, – сказала Дженни. На миг ее отвлекла вновь начавшаяся на улицах стрельба, потом она продолжила, чтобы звуком собственного голоса прогнать поднимавшуюся в ней нервную дрожь: – Шахразада говорила, что сами они всегда называли ее Иран или Айран. Похоже, Персией ее называли древние греки, Александр Македонский и всякие такие ребята. Большинство персов были рады, когда Реза-шах объявил, что Персия отныне будет называться Ираном. Спасибо, Дункан, – сказала она, принимая от него бокал вина; она полюбовалась его цветом и улыбнулась мужу.

– Все великолепно, Джен! – Дункан слегка приобнял ее.

Вино с удовольствием смаковали. Как и пирог. Но веселья не было. Слишком уж о многом приходилось задумываться. Внизу с лязгом и грохотом проходили новые танки. Опять стрельба. Зарево над Джалехом разрасталось. Издалека доносился монотонный гул людских толп. Затем, посередине десерта – бисквит с вином под взбитыми сливками, еще одно любимое блюдо Мак-Ивера, – в комнату ввалился Ноггер Лейн, один из их пилотов, в порванной одежде, на лице багровели кровоподтеки. Лейн поддерживал под руку высокую, темноволосую, с темно-кариими глазами девушку, явно пребывающую в шоке. Она жалобно бормотала что-то по-итальянски, один рукав ее пальто был почти оторван, вся одежда, руки, лицо, волосы перепачканы грязью, словно она упала в канаву.

– Мы оказались между... между полицией и какой-то толпой ублюдков. – Ноггер говорил так быстро, что слов было почти не разобрать. – Какой-то сукин сын слил бензин у меня из бака, поэтому... но толпа, их там были тысячи, Мак! Только что улица была нормальной, как вдруг все рванули куда-то, а они... толпа, они появились из переулка, и у многих было оружие... и все нараспев скандировали, как заведенные, это свое проклятое «Аллах-у акбар, Аллах-у акбар», просто кровь в жилах стыла... я бы в жизни... потом в ход пошли камни, зажигательные бомбы, слезоточивый газ – все дела, – это когда прибыли полиция и войска. И танки. Я насчитал три штуки, уж думал, эти сволочи сейчас из пушек огонь откроют. Потом кто-то начал стрелять

из толпы, тут уж загремело со всех сторон... и тела по всей улице. Мы бросились бегом куда подальше, а тут кучка этих ублюдков нас заметила да как заверещит: «Американский Сатана» – и за нами, загнали нас в угол в проулке. Я им попытался объяснить, что я англичанин, а Паула – итальянка, что мы не... а они напирают, меня окружили, и... и если бы не мулла, здоровенный такой сукин сын с черной бородой и в черной чалме, этот... этот хрен их отозвал, и, господа, что вы думаете, они нас отпустили. А мулла нас проклял и говорит: валите, мол, отсюда...

Ноггеру налили виски, и он сделал большой глоток, стараясь перевести дух; его руки и ноги теперь бесконтрольно тряслись, но он этого совершенно не замечал.

Мак-Ивер, Дженни и Петтикин слушали пилота, пораженные ужасом. Девушка тихо всхлипывала.

– Никогда, никогда еще не был посреди такого кошмара, Чарли, – дрожащим голосом продолжал Ноггер Лейн. – Солдаты все были такими же юнцами, как и те ублюдки в толпе, по виду все перепуганы до полусмерти, слишком уж много на их долю выпадает ночь за ночью, толпа беснуется, кидает камни... Одному солдату бутылка с «коктейлем Молотова» попала прямо в лицо, он и запылал весь, визжит сквозь пламя и не... а потом эти ублюдки окружили нас, начали Паулу лапать, все пытались до нее добраться, хватали, одежду вон порвали. Я тут и сам взбеленился, схватил одного – и по роже, я знаю, что достал его хорошо, потому что у него нос в морду вплющился, и если бы не этот мулла...

– Успокойся, приятель, – озабоченно проговорил Петтикин.

Но парень не обратил на него никакого внимания и торопливо продолжал:

– ...если бы не этот мулла, который меня от него отодрал, я бы так и молотил кулаками, пока не уделал бы этого сукина сына в труху. Я хотел ему глаза выцарапать, Господь милосердный, я и в самом деле попытался, честно, я бы ему... Господи Иисусе, я же в жизни никого не убивал своими руками, никогда и не хотел до сегодняшнего дня, а тут захотел – и убил бы... – Дрожащей рукой он откинул светлые волосы с глаз, голос его теперь звенел, как натянутая струна, и становился все громче. – Эти ублюдки, у них никакого права не было нас трогать, а они хватали Паулу и... и... – Из глаз у него хлынули слезы, рот беззвучно открывался и закрывался, в уголках губ заблестела пена, – и... и... убить... я хотел уби-и-ить...

Петтикин резко подался вперед и наотмашь хлестнул молодого человека по лицу тыльной стороной ладони, опрокинув его на диван, куда он упал, разметав руки. Остальные от неожиданности подскочили на месте, Лейн на мгновение оцепенел, потом выбрался с дивана, вскочил на ноги и бросился на своего обидчика.

– Стоять, Ноггер! – рявкнул Петтикин.

Команда заставила юношу остановиться на ходу. Он тупо уставился на своего более старшего противника, подняв сжатые кулаки.

– Какого черта чего э то на тебя нашло, ты мне черт чуть челюсть не сломал! – в ярости выпалил он, но слезы перестали течь, и взгляд очистился. – А?

– Извини, парень, но ты улетаешь, теряешь рассудок, я видел, как такое бы...

– Черта с два! – угрожающе проговорил Лейн.

Самообладание вернулось к нему, но им понадобилось немало времени, чтобы все ему объяснить и успокоить и его, и девушку. Ее звали Паула Джанкани, стюардесса с рейса компании «Алиталия».

– Паула, дорогая, вам лучше остаться на ночь здесь, – сказала Дженни. – На улице уже комендантский час. Вы понимаете?

– Да, понимаю. Да, я говорю по-английски, я ду...

– Пойдемте, я одолжу вам кое-что из вещей. Ноггер, вы расположитесь на диване.

Позже Дженни и Мак-Ивер лежали в постели с открытыми глазами, оба устали, но обоим не спалось. Где-то в ночи продолжали стрелять, откуда-то из темноты доносилось монотонное гудение толпы.

– Хочешь чая, Дункан?

– Хорошая мысль. – Он поднялся вместе с ней. – О черт, совсем забыл! – Он подошел к бюро и отыскал в нем маленькую коробку, неопратно обернутую в подарочную бумагу. – С годовщиной тебя! Тут не бог весть что, просто браслет, который я купил на базаре.

– Ой, спасибо тебе, Дункан. – Разворачивая подарок, она рассказала ему про хаггис.

– Черт, вот невезуха! Ладно. На следующий год съедем его в Шотландии.

Она достала браслет: неограниченные аметисты, вправленные в серебро.

– О! Красивый, как раз такой, какой я хотела. Спасибо, милый.

– Тебе тоже, Джен. – Он обнял ее и рассеянно поцеловал.

На поцелуй она не обратила внимания. Большинство поцелуев теперь, включая ее собственные, были просто дружескими, словно любимую собаку за ухом потрепать.

– Что тебя тревожит, дорогой?

– Да нет, все в порядке.

Она слишком хорошо его знала.

– Что... Чего я еще не знаю?

– Тут становится все опаснее и опаснее. С каждым часом. Когда ты вышла из комнаты вместе с Паулой, Ноггер рассказал нам, что они приехали из аэропорта. Ее рейс «Алиталии» – чартерный самолет, зафрахтованный итальянским правительством для вывоза их граждан, который два дня продержали в аэропорту, – получил разрешение на взлет в полдень, поэтому он поехал ее проводить. Взлет, разумеется, все откладывался и откладывался, потом, когда уже почти стемнело, рейс опять отменили, весь аэропорт закрыли, и всем сказали ехать обратно. Весь иранский персонал тут же исчез. Затем, почти сразу же, все помещения стали заполняться группой до зубов вооруженных людей, и он действительно имел в виду увешанных оружием революционеров. Большинство из них носили зеленые повязки, но у некоторых на повязках было написано «ИООП». Джен, Ноггер раньше таких не видел. «Иранская организация освобождения Палестины».

– О боже! – охнула она. – Значит, это правда, что ООП помогает Хомейни?

– Да, а если они тут замешаны, то игра идет совсем другая. Гражданская война началась, и мы в самой ее гуще.

Глава 3

БАЗА «ТЕБРИЗ-1». 23:05. Эрикки Йокконен голым лежал в сауне, которую он построил собственными руками, температура была около ста градусов, пот струйками сбегал с него, его жена Азаде лежала рядом, тоже убаюканная теплом. Сегодняшний вечер получился отменным: много еды и две бутылки лучшей русской водки, которую он купил на черном рынке в Тебризе и разделил с двумя своими механиками-англичанами и директором их базы Али Даяти.

– А теперь – сауна, – объявил он всем перед самой полночью, однако они, по обыкновению, отказались, сил у них едва осталось на то, чтобы, пошатываясь, добрести до своих коек. – Пошли, Азаде!

– Только не сегодня, ну пожалуйста, Эрикки! – взмолилась она.

Но он только рассмеялся и подхватил ее своими огромными руками, завернул ее в шубу и вынес через входную дверь их домика, зашагав мимо отяжелевших от снега сосен; на воздухе температура была чуть ниже нуля. Нести Азаде было легко, и он вместе с ней вошел в небольшую бревенчатую пристройку позади их домика, прямо в тепло предбанника, потом, сняв одежду, в самую сауну. И вот теперь они лежали здесь: Эрикки – совершенно расслабив-

шись, Азаде, даже после года замужества, – ощущая себя не вполне привычно посреди этого ночного ритуала.

Он приподнялся на вытянутую руку и посмотрел на жену. Она лежала на толстом полотенце на скамье напротив. Ее глаза были закрыты, он видел, как поднимается и опускается ее грудь, видел ее красоту: волосы цвета воронова крыла, точеные арийские черты, прелестное тело и молочно-белая кожа. И как всегда, глядя на Азаде, совсем крошечную по сравнению с его ростом – шесть футов и четыре дюйма, – Эрикки наполняло ощущение чуда.

Боги моих предков, благодарю вас за то, что вы дали мне эту женщину, думал он. Какое-то мгновение он не мог сообразить, на каком языке он это подумал. Он говорил на четырех языках: финском, шведском, русском и английском. Да какая разница? – сказал он себе, снова погружаясь в блаженное тепло и отпуская свое сознание плавать вместе с паром, который поднимался от камней, уложенных им с предельной аккуратностью. Ему доставляло огромное удовлетворение то, что эту сауну он построил сам – как и положено мужчине, – срубив и обтесав сосновые стволы, как его предки делали это веками.

Это было первое, что он сделал, когда получил назначение сюда четыре года назад: отобрал и повалил деревья. Остальные считали, что он сошел с ума. Он добродушно пожимал плечами: «Без сауны жизнь – ничто. Сначала ты строишь сауну, потом дом; без сауны дом не дом; вы, англичане, ничего не понимаете, то есть не понимаете про жизнь». Его подмывало рассказать им, что он и родился-то в сауне, как многие финны, – да почему бы и нет; если разобраться, это вполне разумно: сауна самое теплое место в доме, самое чистое, тихое, приятное. Им он этого так и не рассказал, только Азаде. Она поняла. О да, думал он с глубоким удовлетворением, она понимает все.

Снаружи на краю леса было тихо, на ночном небе – ни облачка, звезды ярко сияли, снег приглушал звук шагов. В полумиле от них проходила единственная дорога через горы. Дорога, извиваясь, выходила к Тебризу, до которого было десять миль, оттуда вела на северо-восток, к советской границе еще несколькими милями дальше. В юго-восточном направлении дорога петляла через горы и в конечном счете, пробежав триста пятьдесят миль, выводила к Тегерану.

База «Тебриз-1» служила домом для двух пилотов – второй сейчас был в отпуске в Англии, – двух механиков-англичан и иранцев: двух поваров, восьми поденных рабочих, радиоста и директора базы. За холмом лежала их деревня Абу-Мард, а в долине ниже стояла целлюлозная фабрика, принадлежавшая лесозаготовительной монополии «Иран лес», которую они обслуживали по контракту. Их 212-й доставлял лесорубов и оборудование в лес, помогал строить лагеря и прокладывать маршруты тех немногих дорог, что могли быть построены, потом обслуживали эти лагеря, доставляя сменные вахты лесорубов и оборудование и вывозя пострадавших на лесоповале. Для большинства лагерей 212-й был единственным связующим звеном с внешним миром, и к пилотам относились с большим почтением. Эрикки любил свою жизнь здесь и эти места, настолько похожие на Финляндию, что иногда ему казалось, будто он вернулся домой.

С сауной ему больше нечего было желать. Их домик загораживал спрятавшуюся позади него крошечную двухкомнатную избушку от других домиков, и построена она была согласно традициям, со мхом, проложенным между бревнами, чтобы хранить тепло. Топившаяся дровами печка, на которой разогревались камни, имела отличную тягу. Часть камней, самый верхний слой, он привез из Финляндии. Его дед вытащил их со дна озера, оттуда брали самые лучшие камни для саун, и отдал ему, когда Эрикки в последний раз был дома в отпуске полтора года назад. «Возьми их, сын мой, вместе с ними в твою сауну обязательно переберется добрый финский банный тонто – маленький коричневый эльф, дух сауны, – хотя зачем ты хочешь жениться на одной из этих иностранок, а не на девушке своего народа, я так и не понимаю».

– Когда ты увидишь ее, дедушка, то тоже станешь ее боготворить. У нее сине-зеленые глаза, темные волосы и...

– Если она подарит тебе много сыновей... что ж, посмотрим. Тебе, конечно, давно уже пора жениться, такому статному молодцу, как ты, но на иностранке? Ты говоришь, она учительница в школе?

– Она член Иранского учительского корпуса, это молодые люди, мужчины и женщины, которые добровольно работают на государство. Они едут в деревни и учат читать и писать деревенских жителей и их детей, но большей частью детей. Шах и шахиня основали этот корпус несколько лет назад, и Азаде вступила в него, когда ей был двадцать один год. Она родом из Тебриза, где я работаю, преподает в нашей наспех построенной школе. Я познакомился с ней семь месяцев и три дня назад. Ей тогда было двадцать четыре...

Эрикки засветился изнутри, вспоминая тот первый раз, когда он увидел ее: в аккуратной форме, волосы волнами сбегали на плечи, она сидела на лесной поляне в окружении ребятишек, потом улыбнулась ему, он прочел в ее глазах изумление – его размеры поразили ее – и тут же понял, что именно эту женщину ждал всю свою жизнь. Ему тогда было тридцать шесть. Ах, подумал он, лениво глядя на нее, в очередной раз благословляя лесного тонто, который в тот день направил его в ту часть леса. Всего три месяца еще, а потом два месяца отпуска. Будет здорово, что я смогу показать ей Суоми.

– Пора, Азаде, милая, – сказал он.

– Нет, Эрикки, еще нет, еще рано, – пробормотала она в полудреме, убаюканная теплом, но не алкоголем, потому что она не пила. – Пожалуйста, Эрикки, еще не...

– Тебе вредно слишком перегреваться, – твердо сказал он.

Между собой они всегда говорили по-английски, хотя она так же бегло говорила и по-русски. Ее мать была наполовину грузинкой, родом из приграничного района, где знать два языка было и полезно, и умно. Еще она знала турецкий, этот язык был наиболее употребительным в этой части Ирана, азербайджанский и, разумеется, фарси. Он, за исключением нескольких слов, не знал ни фарси, ни турецкого. Эрикки сел на скамье, отер с себя пот, чувствуя в душе полное умиротворение, потом наклонился вперед и поцеловал Азаде. Она ответила на его поцелуй и задрожала, когда его руки стали искать ее тело, а ее руки – его.

– Ты такой плохой, Эрикки, – сказала она и сладко потянулась.

– Готова?

– Да.

Она приникла к нему, когда он легко, как пушинку, поднял ее на руки и вышел с ней из сауны в предбанник, потом толкнул ногой дверь и вышел на морозный воздух. Она охнула на холоде и сжала зубы, когда он зачерпнул пригоршню снега и растер им ее тело, отчего ее кожа начала гореть, словно тысячи иголок кололи ее, но не больно. В считанные секунды она вся засветилась и внутри и снаружи. Вся зима ушла у нее на то, чтобы привыкнуть к растиранию снегом после горячей сауны. Теперь без него сауна уже была неполной. Быстро она сделала то же самое для него, потом радостно бросилась назад в тепло, оставив его барахтаться и кататься в снегу еще несколько секунд. Он не заметил группу мужчин и муллу, которые потрясенно наблюдали за ними с пригорка в пятидесяти шагах, полускрытые деревьями, которые росли вдоль тропы. Только закрывая за собой дверь, он увидел их. Ярость захлестнула его. Он с грохотом захлопнул дверь.

– Там какие-то люди из деревни. Они, должно быть, подсматривали за нами. Ведь в деревне знают, что сюда нельзя!

Она разозлилась не меньше его, и они торопливо оделись. Он натянул штаны, толстый свитер, меховые унты, схватил огромный топор и выскочил наружу. Люди стояли на том же месте, и он с ревом ринулся в их сторону, поднимая топор высоко над головой. Они бросились врассыпную. Потом один поднял автомат и выпустил короткую очередь в воздух; громкое эхо запрыгало по горам. Эрикки остановился как вкопанный, весь его гнев разом улетучился. Еще никогда ему не угрожали оружием, никогда ствол автомата не смотрел ему в живот.

– Поклади топор, – сказал человек на плохом английском, – а то убиваю.

Эрикки стоял в нерешительности. В этот миг подбежавшая Азаде кинулась между ними, отпихнув автомат в сторону, и закричала на турецком:

– Как вы смели прийти сюда! Как вы смели прийти с оружием! Вы кто, бандиты? Это наша земля, убирайтесь с нашей земли, или я отправлю вас за решетку! – Она закуталась в тяжелую шубу поверх платья, но сейчас буквально тряслась от ярости.

– Эта земля принадлежит народу, – сердито проговорил мулла, держась от нее подальше. – Покрой свои волосы, женщина, покрой св...

– Кто ты, мулла? Ты не из моей деревни! Кто ты?

– Меня зовут Махмуд, мулла мечети Хаджста в Тебризе. Я не один из твоих лакеев, – зло произнес он и тут же отпрыгнул в сторону, увернувшись от Эрикки, который бросился на него.

Человек с автоматом потерял равновесие, но другой, находившийся на безопасном расстоянии, щелкнул затвором своей винтовки:

– Клянусь Аллахом и Пророком, останови эту чужеземную свинью, или я отправлю вас обоих в ад, где вам и место!

– Эрикки, подожди! Оставь этих собак мне! – выкрикнула Азаде по-английски, потом прокричала им: – Что вам здесь нужно? Это наша земля – земля моего отца Абдолла-хана, хана рода Горгонов, родственника Каджаров, которые правили здесь веками. – Ее глаза уже привыкли к темноте, и она вглядывалась в незваных гостей. Их было десять человек, все молодые, все вооружены, все не из этих мест, все, за исключением одного, *каландара*, бродячего дервиша, – старшего в их деревне. – Каландар, как ты посмел прийти сюда!

– Простите, ваше высочество, – извиняясь, ответил тот, – но мулла сказал, что я должен отвести его сюда по этой тропе, а не по главной дороге, и поэто...

– Что тебе нужно, паразит? – спросила она, поворачиваясь к мулле.

– Говори с уважением, женщина, – ответил мулла с еще большей злобой. – Скоро власть будет у нас. В Коране есть закон, карающий наготу и распутство: побиение камнями и кнут.

– В Коране есть законы, карающие непрошеное появление на чужой земле, разбой, угрозы в адрес мирных людей и бунт против своего вождя и законного повелителя. Я тебе не одна из твоих запуганных неграмотных бедолаг! Я знаю, кто вы на самом деле и кем вы были всегда: паразитами, сидящими на шее деревень и простых людей. Что тебе нужно?

Со стороны базы к ним спешили люди с фонарями в руках. Их возглавляли два механика с мутными глазами, Диббл и Арберри, позади которых осторожно семенил Али Даяти. Все были заспанными, наспех одетыми и встревоженными.

– Что здесь происходит? – требовательно спросил Даяти, вглядываясь в них сквозь очки с толстыми линзами на носу. Его семья была под защитой ханов рода Горгонов и служила им много лет.

– Эти псы, – горячо заговорила Азаде, – прокрались в темно...

– Придержи язык, женщина! – сердито оборвал ее мулла и повернулся к Даяти. – Ты кто?

Когда Даяти увидел, что перед ним мулла, его поведение изменилось и он сразу же прекратил исполнение почтения.

– Я... я управляющий компанией «Иран лес» в этих краях, ваше превосходительство. Что случилось, пожалуйста, что я могу сделать для вас?

– Вертолет. На рассвете он мне нужен, чтобы облететь все лагеря.

– Простите, ваше превосходительство, машина разобрана на части для капитального ремонта. Это политика чужеземцев и...

Азаде сердито прервала его:

– Мулла, по какому праву ты осмелился прийти сюда среди ночи и...

– Имам Хомейни отдал прика...

– Имам? – переспросила она в шоке. – По какому праву ты называешь аятоллу Хомейни этим титулом?

– Он имам. Он приказал и...

– В каком месте Корана или шариата говорится, что аятолла может объявить себя имамом, может приказывать правоверным? Где гово...

– Разве ты не шиитка? – гневно спросил мулла, ощущая напряженное молчание, с которым слушали их его люди.

– Да, я шиитка, но не безграмотная дура, мулла! – Она произнесла это слово как ругательство. – Отвечай!

– Прошу вас, ваше высочество! – взмолился Даяти. – Пожалуйста, предоставьте это мне, пожалуйста, умоляю вас!

Но она разразилась гневными нападками, мулла столь же яростно отвечал ей, другие присоединились к спору, атмосфера стала быстро накаляться, пока Эрикки не поднял свой топор и не исторг из себя оглушительный рев ярости, взбешенный тем, что не понимал ни единого слова из того, что говорилось. Все разом замолчали, потом еще один человек щелкнул затвором своего автомата.

– Азаде, что нужно этому ублюдку? – спросил Эрикки, и она рассказала ему. – Даяти, скажи ему, что мой двести двенадцатый он не получит и чтобы убирался с нашей земли или я вызываю полицию.

– Пожалуйста, капитан, прошу вас, позвольте мне все уладить, капитан, – заговорил Даяти, потев от страха и торопясь закончить прежде, чем Азаде успеет прервать его. – Пожалуйста, ваше высочество, пожалуйста, уйдите сейчас. – Он повернулся к обоим механикам. – Все в порядке, вы можете возвращаться к себе и ложиться. Я все улажу.

Только тут Эрикки заметил, что Азаде все еще босая. Он подхватил ее на руки.

– Даяти, скажи этому ублюдку... – Эрикки вставил русское ругательство, – и всем остальным, что, если они еще раз придут сюда ночью, я им шеи посворачиваю, а если он или любой из них тронет хоть волос на голове моей жены, я за ним хоть в ад пролезу, если нужно будет. – Он зашагал прочь, огромный в своем гневе; оба механика последовали за ним.

Его остановил голос, заговоривший по-русски:

– Капитан Йокконен, может быть, вы согласитесь поговорить со мной через минуту-другую?

Эрикки оглянулся. Азаде у него на руках сжалась и напряглась. Говоривший стоял позади всех, рассмотреть его было трудно, по виду он не слишком отличался от остальных, одетый в неприметную куртку-парку.

– Хорошо, – сказал ему Эрикки по-русски, – но не входите в мой дом с автоматом или ножом. – Он ушел.

Мулла приблизился к Даяти, взгляд у него был каменным.

– Что там говорил этот чужеродный дьявол, а?

– Он сказал грубость, все чужеземцы грубы, ее высо... женщина тоже была груба.

Мулла сплюнул в снег:

– Пророк устанавливает законы и наказания против такого поведения, у народа есть законы против наследственного богатства и кражи земель, земля принадлежит народу. Скоро правильные законы и наказания будут управлять всеми нами, давно пора, и Иран пребудет в мире. – Он повернулся к остальным. – Голая в снегу! Выпачивая себя напоказ вопреки всем законам скромности. Блудница! Кто такие Горгоны, как не лакеи предателя-шаха и его пса Бахтияра, а? – Его взгляд вернулся к Даяти. – Что за лживые слова ты говоришь нам по поводу вертолета?

Стараясь не выдать своего страха, Даяти тут же принялся объяснять, что плановое техобслуживание после полутора тысяч часов полетов было правилом чужеземцев, навязанным

ему и распространявшимся на все вертолеты и официально закрепленным шахом и правительством.

– Незаконным правительством, – прервал его мулла.

– Конечно-конечно, незаконным, – тут же согласился Даяти.

Нервничая, он проводил муллу в ангар и включил свет; база имела свой небольшой автономный генератор. Двигатели 212-го были аккуратно разложены, деталь за деталью, согласно предписаниям.

– Я тут ни при чем, ваше превосходительство, чужеземцы делают что хотят. – Потом он торопливо добавил: – И хотя мы все знаем, что «Иран лес» принадлежит народу, шах забрал с собой все деньги. У меня нет никакой власти, чтобы распоряжаться ими, чужеземными дьяволами или их правилами. Я ничего не могу поделать.

– Когда машина будет готова к полетам? – спросил на чистом турецком человек, говоривший по-русски.

– Механики обещают, что через два дня, – ответил Даяти и начал молиться про себя в великом страхе, который, однако, изо всех сил старался не показать. Теперь ему было понятно, что эти люди принадлежали к левым моджахедам, последователям спонсируемой Советами теории о том, что ислам и марксизм совместимы. – Все в руках Бога. Два дня; чужеземные механики ждут какие-то запчасти, которые уже должны бы быть здесь.

– Что за запчасти?

Даяти, все так же нервничая, объяснил: какие-то мелкие детали для лопастей рулевого винта.

– Сколько часов наработал рулевой винт?

– Тысяча семьдесят три, – ответил Даяти, дрожащими пальцами полистав журнал.

– Бог с нами, – сказал человек, потом повернулся к мулле. – Мы спокойно можем использовать старый винт еще как минимум пятьдесят часов.

– Но срок службы винта... Сертификат летной годности недействителен, – не думая, проговорил Даяти. – Пилот не станет поднимать машину в воздух, потому что правила полетов требу...

– Правила Сатаны.

– Верно, – вмешался тот, который говорил по-русски, – некоторые из них. Но законы безопасности много значат для народа, и, что еще более важно, Бог заповедал правила в Коране для верблюдов и лошадей и как ухаживать за ними, и эти правила могут также применяться к самолетам и вертолетам, которые тоже являются даром Бога и тоже несут нас, чтобы исполнять Божий труд. Поэтому мы должны правильно заботиться о них. Ты не согласен, Махмуд?

– Конечно, – нетерпеливо бросил мулла и впился взглядом в Даяти, которого начала бить дрожь. – Я вернусь через два дня на рассвете. Пусть вертолет будет готов и пусть пилот будет готов исполнить Божий труд для народа. Я побываю в каждом лагере в горах. Там есть другие женщины?

– Только... только две жены рабочих и... моя жена.

– Носят ли они чадру и закрывают лицо?

– Конечно, – тут же ответил Даяти.

Закрывать лицо было против законов Ирана. Реза-шах запретил чадру и хиджаб в 1936 году и сделал их ношение вопросом личного выбора, а Мохаммед-шах в 1964-м дал женщинам дополнительные свободы.

– Хорошо. Напомни им, что Бог и народ все видят, даже в богомерзких владениях чужеземцев. – Махмуд круто повернулся и затопал прочь; остальные потянулись за ним.

Оставшись один, Даяти вытер лоб, благодаря судьбу за то, что он был одним из правых и что его жена теперь носила чадру, была послушна и поступала так, как поступала его мать, была скромна, а не носила джинсы, как ее высочество. Как мулла назвал ее прямо

в лицо? Да защитит его Господь, если Абдолла-хан услышит об этом... хотя, конечно, мулла прав и, конечно же, прав Хомейни, да охранит его Аллах.

В доме Эрикки. 23:23. Оба мужчины сидели за столом друг против друга в большой комнате. Когда этот человек постучал в дверь, Эрикки попросил Азаде уйти в спальню, но оставил дверь приоткрытой, чтобы она могла все слышать. Он дал ей свою винтовку, с которой ходил на охоту.

– Не бойся нажать на спусковой крючок. Если он войдет в спальню, я уже буду мертв, – сказал он.

Его *пукко* в ножнах торчал за поясом посередине спины. Пукко, нескладывающийся нож, был традиционным оружием всех финнов. Считалось, что мужчина, который не носит его, отгоняет удачу и накликает беду. В Финляндии закон запрещал носить его открыто – это могло рассматриваться как вызов. Но люди все равно носили его с собой, а уж в горы брали непременно. Нож Эрикки Йокконена размерами соответствовал фигуре хозяина.

– Что ж, капитан, прошу прощения за вторжение. – Человек был темноволосым, ростом около шести футов, с обветренным лицом и темными южнославянскими глазами – где-то в его родословной угадывалась монгольская кровь. – Меня зовут Федор Ракоци.

– Ракоци был венгерским революционером, – резко заметил Эрикки. – А ты, судя по акценту, грузин. Ракоци не грузинское имя. Как твое настоящее имя... и звание в КГБ?

– Это верно, – рассмеялся человек, – акцент у меня грузинский, и я русский из Грузии, из Тбилиси. Мой дед приехал из Венгрии, но он не был родственником этому революционеру, который в старые времена стал князем Трансильванским. Не был он и мусульманином, как мой отец и я. Ну вот, видишь, мы оба немного знаем свою историю, хвала Богу, – сказал он располагающим тоном. – Я инженер, работаю на ирано-советском газопроводе, живу сразу по ту сторону границы, в Астаре на берегу Каспия. И я за Иран, за Хомейни, да будет он благоденствен, и против шаха и против американцев.

Он был рад, что его заранее ознакомили с личным делом Эрикки. Часть его легенды была правдой. Он действительно приехал из Грузии, из Тбилиси, но мусульманином не был, и настоящая его фамилия была не Ракоци. В действительности его звали Игорь Мзитрюк, и он был капитаном КГБ, специалистом, прикрепленным к 116-й воздушно-десантной дивизии, которая была развернута на самой границе севернее Тебриза, – один из сотен тайных агентов, которые пробрались в Северный Иран в течение последних месяцев и теперь действовали там почти свободно. Ему было тридцать четыре года, кадровый офицер КГБ, как и его отец, он провел в Иранском Азербайджане полгода. Он хорошо говорил по-английски, свободно на фарси и по-турецки и, хотя сам пилотом не был, многое знал о советских армейских вертолетах непосредственной поддержки с поршневыми двигателями, которые были приписаны к его дивизии.

– Что же до моего звания, – добавил он самым мягким тоном, – то оно именуется «друг». Мы, русские, хорошие друзья финнов, так ведь?

– Да-да, это правда. Русские – да, только не члены партии. Святая матушка Россия была другом в прошлом, да, когда мы были Великим княжеством в ее составе. Советская Россия стала другом после семнадцатого года, когда мы получили независимость. Советская Россия – друг и сейчас. Да, сейчас. Но не в тридцать девятом. Не во время «зимней войны». Нет, тогда – нет.

– Как не были вы друзьями и в сорок первом, – резко произнес Ракоци. – В сорок первом мы объявили нам войну вместе с вонючими нацистами. Вы встали на их сторону против нас.

– Верно, но только затем, чтобы вернуть себе наши земли, нашу Карелию, которую вы у нас украли. Мы не пошли на Ленинград, как могли бы пойти. – Эрикки чувствовал серединой спины нож за поясом и был этому очень рад. – Ты вооружен?

– Нет, ты сказал приходить без оружия. Свой автомат я оставил у двери снаружи. Финки у меня нет, как нет и нужды ею пользоваться. Клянусь Аллахом, я друг!

– Хорошо. Человеку нужны друзья. – Эрикки наблюдал за гостем, ненавидя все, что тот олицетворял: Советскую Россию, которая без всякого повода вторглась в Финляндию в тридцать девятом, сразу же, как только Сталин подписал советско-германский Договор о ненападении. Маленькая финская армия сопротивлялась в одиночку. Она отбивала советские орды в течение ста дней «зимней войны», потом ее задавили числом. Отец Эрикки погиб, защищая Карелию, юго-восточную область страны, где род Йокконенов жил веками. Советская Россия тут же аннексировала эту область. И все финны немедленно покинули ее. Все до одного. Ни один не согласился остаться под советским флагом, так что финнов там не стало. Эрикки тогда было всего десять месяцев, тысячи людей погибли во время того переселения. Погибла его мать. Морозы в ту зиму были самыми жестокими, какие только помнили жившие тогда люди.

А в сорок пятом, думал Эрикки, сдерживая гнев, в сорок пятом Америка и Англия передали нас и отдали наши земли агрессору. Но мы не забыли. Как помнят эстонцы, латыши, литовцы, восточные немцы, чехи, венгры, болгары, югославы, румыны – список бесконечен. Настанет день, когда Советам придется заплатить по всем счетам, о да, однажды обязательно придет день расплаты с Советами – и самый большой счет предъявят русские, которые больше всех страдают от их плетей.

– Для грузина ты много знаешь про Финляндию, – спокойно заметил он.

– Финляндия важна для России. Разрядка между нами дает результаты, она надежна и служит уроком всему миру, доказывая, что антисоветская пропаганда американского империализма – миф.

Эрикки улыбнулся:

– Сейчас не время для политики, а? Уже поздно. Чего ты от меня хочешь?

– Дружбы.

– А-а, попросить ее легко, но, как ты наверняка знаешь, дать ее для финна непросто. – Эрикки дотянулся рукой до буфета, на котором стояла почти пустая бутылка водки и две стопки. – Ты шиит?

– Да, но не очень хороший, да простит меня Аллах. Я иногда пью водку, если ты об этом. Эрикки наполнил две рюмки:

– Твое здоровье! – (Они выпили.) – А теперь, пожалуйста, давай к делу.

– Бахтияра и его американских лакеев не сегодня завтра выкинут из Ирана. Скоро Иранский Азербайджан закипит, как котел, но тебе бояться нечего. Люди о тебе высокого мнения, как и о твоей жене и ее семье, и мы бы хотели, чтобы ты... чтобы ты помог принести мир в эти горы.

– Я просто пилот вертолета, который работает на британскую компанию по контракту с «Иран лес», и я вне политики. У нас, финнов, нет политики, разве ты забыл?

– Мы друзья, да. У нас общие интересы: установить мир во всем мире.

Огромный кулак Эрикки с грохотом обрушился на стол, неожиданность этого всплеска ярости заставила русского вздрогнуть. Бутылка опрокинулась, покатилась по столу и упала на пол.

– Я дважды вежливо просил тебя перейти к делу, – спокойно произнес Эрикки. – У тебя десять секунд.

– Очень хорошо, – процедил Ракоци сквозь зубы. – Нам требуются ваши услуги для доставки групп в лагерь в течение нескольких следующих дней. Мы...

– Что за группы?

– Муллы из Тебриза и их сторонники. Нам требу...

– Я получаю распоряжения от компании, не от мулл, не от революционеров и не от людей, которые приходят ночью и с оружием. Тебе это понятно?

– Вы обнаружите, что будет лучше, если вы научитесь понимать нас, капитан Йокконен. Как это обнаружат и Горгоны. Каждый из них, – со значением произнес Ракоци, и Эрикки почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. – «Иран лес» уже повержена и на нашей стороне. Они дадут вам необходимые распоряжения.

– Хорошо. В этом случае я подожду и посмотрю, что это будут за распоряжения. – Эрикки поднялся и выпрямился во весь свой огромный рост. – Спокойной ночи.

Русский тоже встал и уперся в него обозленным взглядом:

– Вы и ваша жена слишком умны, чтобы не понимать: без американцев и их вонючего ЦРУ Бахтияру конец. Этот сумасшедший выродок Картер перебросил американских морских пехотинцев и вертолеты в Турцию, послал американский военный флот в Персидский залив, оперативное соединение в составе атомного авианосца с кораблями сопровождения, морскими пехотинцами, самолетами с ядерным оружием на борту, целый военный флот и...

– Я этому не верю!

– Можешь поверить. Клянусь Богом, они, несомненно, пытаются развязать войну, а мы, конечно же, вынуждены отреагировать, мы должны противопоставить военным играм военные игры, потому что они, разумеется, станут использовать Иран против нас. Это полное безумие... нам не нужна атомная война... – Ракоци всем сердцем верил в то, что говорил, слова вылетали сами по себе.

Всего несколько часов назад его начальник сообщил ему, что все советские вооруженные силы в приграничном районе приведены в состояние повышенной боевой готовности – всего один шаг до полной – из-за приближающегося к Персидскому заливу авианосного флота и все базы ракет с ядерными боеголовками получили аналогичные приказы. Хуже всего, были отмечены массовые передвижения китайских войск вдоль всей пятитысячечильной границы с Китаем.

– Эта сука Картер с его долбаным Договором о дружбе с Китаем собирается стереть нас с лица земли при малейшей возможности.

– Что будет, то будет, – произнес Эрикки.

– Иншаллах, да, но зачем становиться псом на побегушках у американцев или у их столь же подлых союзников, англичан? Народ победит, мы победим. Помогите нам, и вы не пожалеете об этом, капитан. Нам лишь нужны ваши навыки на несколько дней...

Внезапно он замолчал. Стала слышна поступь приближавшегося бегом человека. В тот же миг нож оказался в руке Эрикки, с кошачьей быстротой он выскользнул из-за стола и встал между входной дверью и дверью в спальню. Входная дверь распахнулась.

– САВАК! – выдохнул человек с порога, потом повернулся и исчез.

Ракоци метнулся к двери, схватил свой автомат.

– Нам требуется ваша помощь, капитан. Не забудьте! – Он растворился в темноте.

Азаде вошла в комнату. Палец на спусковом крючке, лицо белое как мел.

– Что он там говорил про флот? Я не поняла.

Эрикки рассказал ей. Она была явно потрясена.

– Это значит, будет война, Эрикки.

– Да, если это случится. – Он надел свою парку. – Оставайся здесь.

Он вышел и закрыл дверь за собой. Теперь он видел свет приближающихся автомобильных фар, машины неслись по ухабистой грунтовой дороге, соединявшей базу с шоссе Тебриз – Тегеран. Когда его глаза привыкли к темноте, он различил две легковые машины и армейский грузовик. Через мгновение головная машина остановилась, и полицейские и солдаты, разворачиваясь веером, двинулись в ночную тьму. Командовавший ими офицер отдал честь:

– А-а, капитан Йокконен, добрый вечер. Мы слышали, здесь появились какие-то революционеры или коммунисты из Туде, нам докладывали об автоматной стрельбе, – сказал он на безукоризненном английском. – Ее высочество в порядке? Проблем нет?

– Нет, теперь нет, спасибо, полковник Мазарди. – Эрикки довольно хорошо знал его.

Полковник был двоюродным братом Азаде, начальником полиции в этом районе Тебриза. Но САВАК? Это что-то новое, беспокойно подумал он. Если он в САВАК, значит в САВАК, я ничего не хочу об этом знать.

– Входите.

Азаде была рада видеть родственника, она поблагодарила его за появление, и они рассказали ему, что произошло.

– Русский сказал, что его зовут Ракоци, Федор Ракоци? – спросил Мазарди.

– Да, но это была явная ложь, – ответил Эрикки. – Он должен быть из КГБ.

– И он так и не сказал вам, зачем им понадобилось облетать все лагеря?

– Нет.

Полковник на минуту задумался, потом вздохнул:

– Значит, мулле Махмуду захотелось полетать, а? Глупая это идея – так называемому служителю Бога отправляться в полет. Очень опасная, особенно для мусульманина-марксиста. Какое святотатство! Мне рассказывали, что, летая на вертолете, очень легко вывалиться из него. Наверное, нам нужно пойти навстречу его пожеланиям. – Полковник был высоким, очень красивым мужчиной на пятом десятке, его мундир выглядел безупречно. – Не волнуйтесь. Эти подстрекатели скоро вернутся в свои изъеденные вшами лачуги. Скоро Бахтияр отдаст нам приказ приструнить этих собак. И этот крикун Хомейни – мы быстро заткнем ему пасть. Французы должны были надеть на него намордник сразу же, как он у них появился. Эти безвольные дураки. Глупцы! Но с другой стороны, они всегда были слабаками, лезли всюду, выступали против нас. Французы всегда относились к Ирану с ревностью. – Он поднялся. – Дайте мне знать, когда ваш вертолет будет готов подняться в воздух. В любом случае мы вернемся сюда через два дня перед рассветом. Будем надеяться, что мулла и его друзья, особенно этот русский, возвратятся.

Полковник вышел. Эрикки поставил чайник – вскипятить воду для кофе. В задумчивости он сказал:

– Азаде, упакуй сумку с вещами на одну ночь.

Она непонимающе уставилась на него:

– Что?

– Мы возьмем машину и поедем в Тегеран. Выезд через несколько минут.

– Нам не нужно уезжать, Эрикки.

– Если бы вертолет был готов, мы бы воспользовались им, но мы не можем.

– Нет причин тревожиться, дорогой. Русские всегда зарились на Иранский Азербайджан и всегда будут зариться. Цари, Советы, нет никакой разницы. Им всегда хотелось заполучить Иран, а мы их сюда не пускали и не пустим. Незачем тревожиться из-за горстки фанатиков и одного русского, Эрикки.

Он взглянул на нее:

– Меня тревожит американская морская пехота в Турции, американское ударное авианосное соединение и то, почему КГБ считает, что «вы и ваша жена слишком умны», почему этот человек так нервничал, почему они столько знают обо мне и о тебе и почему им «требуются» мои услуги. Иди собирай сумку, дорогая, пока есть время.

**Суббота
10 февраля**

Глава 4

НА ВОЕННО-ВОЗДУШНОЙ БАЗЕ В КОВИССЕ. 03:32. Возглавляемая муллою Хусейном Ковисси орущая толпа напирала на запертые, залитые светом главные ворота и при-
мыкающую к ним часть забора из колючей проволоки, который опоясывал огромную базу по всему периметру. Ночь была темной, очень холодной, всюду лежал снег. Их собралось у ворот три или четыре тысячи человек, в большинстве своем молодежь, некоторые с оружием,

несколько молодых женщин в чадрах в самых первых рядах, присоединявших свои голоса к бушующему морю криков: Бог велик... Бог велик...

С внутренней стороны ворот лицом к толпе были расставлены взводы охраны из нервничающих солдат с автоматическими винтовками наготове, другие взводы стояли в резерве, все офицеры с револьверами в руках. Два танка «центурион» в боевой готовности ждали посередине дороги, урча двигателями; комендант гарнизона и группа офицеров стояли неподалеку. Позади них были видны грузовики, в которых сидели еще солдаты; зажженные фары машин были направлены на ворота и колючую проволоку – числом солдаты уступали толпе раз в двадцать-тридцать. Позади грузовиков стояли ангары, здания управления базы, казармы, офицерская столовая, повсюду толклись группки взволнованных военнослужащих, все наспех одетые, потому что толпа появилась каких-нибудь полчаса назад, требуя передать базу под ее контроль от имени аятоллы Хомейни.

Снова в громкоговорителях раздался голос коменданта гарнизона:

– Приказываю всем немедленно разойтись!

Голос был суровым и угрожающим, но его перекрывал монотонный рев толпы:

– Аллах-у акбаррр...

Ночь выдалась облачной, нельзя было разглядеть даже южные предгорья увенчанных снеговыми шапками гор Загрос, высившихся позади базы. База была основной штаб-квартирой «С-Г» в Южном Иране, здесь также располагались две эскадрильи F-4 иранских ВВС и, с введением военного положения, несколько «центурионов» и армейских подразделений. За забором с восточной стороны на сотни акров раскинулся гигантский нефтеперерабатывающий завод, его трубы дымили, из многих в ночное небо вырывались языки пламени, когда сжигался избыточный газ. Хотя весь завод бастовал и был закрыт, некоторые его участки были освещены: стачечный комитет разрешил минимальному штату европейцев и иранцев попытаться поддерживать завод, питающие его трубопроводы и складские резервуары в рабочем состоянии.

– Бог велик!.. – снова прокричал Хусейн.

Толпа тут же подхватила клич, и снова он проник в сознание и сердца солдат. Одним из стоявших в первой шеренге был Али Беведан, призывник, как и все остальные, такой же юный, как и все остальные, в недалеком прошлом деревенский парень, как и все остальные рядом с ним и по ту сторону колючей проволоки. Да, думал он, чувствуя, как от боли разламывается голова и сердце молотом стучит в висках, я на стороне Бога и готов принять мученическую смерть за веру и Пророка, да славится имя Его! О Аллах, позволь мне стать мучеником и попасть прямо в рай, как это обещано правоверным. Сделай так, чтобы моя кровь пролилась за ислам и Хомейни, а не в защиту злых прислужников шаха!

Живые слова Хомейни не смолкая стучали у него в ушах, слова с магнитофонной кассеты, которую мулла дал им послушать в мечети два дня назад: «...Солдаты, присоединяйтесь к своим братьям и сестрам, взявшимся за Божий труд, бегите из казарм со своим оружием, не подчиняйтесь незаконным приказам генералов, свергните незаконное правительство! Вершите Божий труд, Бог велик...»

Молодой солдат даже не осознавал, что кричит теперь вместе с толпой, не сводя глаз с муллы, который стоял по ту сторону ворот, на стороне Бога, снаружи, вцепившись пальцами в стальные прутья, ведя за собой тех, в ком видел своих братьев и сестер, пытаясь повалить тяжелые створки. Стоявшие рядом с Али солдаты, его братья, беспокойно зашевелились, не осмеливаясь произнести ни слова, рев толпы проникал и в их головы и сердца. Многие из стоявших по эту сторону ворот хотели бы их распахнуть. Многие бы так и сделали, если бы не офицеры и сержанты и неизбежное наказание, даже смерть, ожидавшее, как все знали, любого бунтовщика.

«На стороне Бога, на той стороне...»

Молодому солдату показалось, что его мозг взорвался от этих слов, и он уже не слышал сержанта, что-то закричавшего ему, не видел его, он видел только ворота, которые были закрыты на пути правоверных. Швырнув винтовку на асфальт, он побежал к воротам, до которых было ярдов пятьдесят. На какое-то мгновение над базой повисла полная тишина, все взгляды в ошеломлении приковались к нему.

Командир гарнизона полковник Мохаммед Пешади стоял рядом с головным танком, стройный сидящий мужчина в безупречно опрятном мундире. Он смотрел на юношу, вопящего: «Аллаххх-у акбаррр...» – единственный раздававшийся сейчас голос.

Когда юноша был в пяти шагах от ворот, полковник махнул рукой старшему сержанту рядом с ним.

– Убей его, – тихо сказал он.

Уши сержанта наполнял боевой клич молодого солдата, который уже вцепился в засовы на воротах. Одним плавным движением он выдернул автомат у ближайшего солдата, передернул затвор, на секунду прислонился к боку танка, поймал на мушку затылок юноши и выстрелил. Он видел, как лицо солдата взорвалось, забрызгав тех, кто стоял по ту сторону ворот. Потом тело обмякло и непристойно повисло на опутывавшей ворота колючей проволоке.

На миг тишина сделалась еще более глубокой. Потом, вся разом, с Хусейном впереди, толпа ринулась вперед – ревущее, бесчувственное, обезумевшее существо. Те, что были впереди, вцепились в колючую проволоку, не обращая внимания на шипы, распарывавшие им ладони. Теснимые задними рядами, они начали карабкаться вверх.

Где-то среди них застучал автомат. В этот момент полковник ткнул пальцем в офицера в танке.

Тут же из четырехдюймового орудия вырвался язык пламени. Наведенная поверх голов толпы пушка была заряжена холостым снарядом, но внезапность раздавшегося грохота заставила нападавших в панике отшатнуться от ворот. С полдюжины солдат, столь же ошарашенных, уронили свои винтовки, некоторые пустились бежать, многие из безоружных зевак, пришедших с толпой, бросились врассыпную. Второй танк выстрелил из своего орудия, наведенного ближе к земле, и второй язык пламени полыхнул ниже первого.

Толпа распалась. Мужчины и женщины ринулись прочь от ворот и забора, топча друг друга в суматохе. Головной танк снова выстрелил: опять язык пламени и опять этот разрывающий уши грохот, и толпа удвоила свои усилия, стремясь убраться подальше. Только мулла Хусейн остался у ворот. Он пьяно покачнулся, на мгновение ослепнув и оглохнув, потом его ладони поймали стойки ворот, и он вцепился в них мертвой хваткой. В тот же миг многие инстинктивно подались вперед, чтобы помочь ему: солдаты, сержанты и один офицер.

– Ни с места! – проревел полковник Пешади, он схватил микрофон на длинном шнуре и двинул кнопку переключателя на полную громкость. Его голос разорвал темноту ночи. – Всем солдатам стоять на месте! Оружие на предохранитель! ОРУЖИЕ НА ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ! Всем офицерам и сержантам взять своих людей под контроль! Сержант, за мной!

Еще не оправившись от потрясения, сержант догнал своего командира, двинувшегося в сторону ворот, и зашагал рядом с ним. Перед воротами с той стороны были разбросаны два-три десятка тел, затоптанных в давку. Основная масса людей остановилась шагах в ста от них и начала снова собираться воедино. Несколько человек, настроенных наиболее фанатично, двинулись назад к воротам, переходя на бег. Страсти быстро накалялись.

– СТОЯТЬ! ВСЕМ СТОЯТЬ И НЕ ДВИГАТЬСЯ!

На этот раз команде подчинились. Немедленно. Полковник чувствовал, как по спине сбегает пот, сердце бешено колотилось в груди. Бросив быстрый взгляд на труп, повисший на колючках, радуясь за него – разве юноша не принял смерть мученика с именем Бога на устах и потому разве он уже не был в раю? – он резко заговорил в микрофон:

– Вы трое... да, вы трое, помогите мулле. ЖИВО! – Тут же те люди, на которых он показал, бросились исполнять его приказание. Он гневно ткнул пальцем в нескольких солдат. – Вы! Открыть ворота! Вы, унесите тело!

Ему снова беспрекословно подчинились. За его спиной несколько групп солдат двинулись было вперед, и он прорычал:

– Я сказал, НИ С МЕСТА! ЛЮБОЙ, КТО ШЕВЕЛЬНЕТСЯ БЕЗ МОЕГО ПРИКАЗА, – МЕРТВЕЦ!

Все замерли. Все.

Пешади подождал секунду, почти вызывающе ожидая, не тронется ли кто с места. Никто не пошевелился. Тогда он оглянулся на Хусейна, которого хорошо знал.

– Мулла, – тихо произнес Пешади, – вы целы?

Теперь он стоял с ним рядом. Ворота были открыты. В нескольких шагах поодаль застыли, словно окаменев, три деревенских парня, которых он подозвал к мулле.

Голова Хусейна раскалывалась от чудовищной боли, в уши словно вколотили по гвоздю. Но он слышал и видел, и, хотя руки его были в крови от стальных колючек, он осознал, что невредим и еще не стал мучеником, которым надеялся стать, о чем неустанно молился.

– Я требую... – ослабевшим голосом проговорил он, – я требую передать эту... эту базу от имени Хомейни.

– Вы немедленно пройдете ко мне в кабинет, – прервал его полковник; его лицо и голос были мрачными. – И вы трое тоже, в качестве свидетелей. Мы будем говорить, мулла. Я буду слушать, а потом вы будете слушать. – Он опять включил громкоговоритель и объяснил, что последует дальше. – Он и я – мы будем говорить. Мы будем говорить мирно, а потом мулла вернется в мечеть, а вы все отправитесь по домам и будете молиться. Ворота останутся открытыми. Ворота будут охраняться моими солдатами и моими танками и, клянусь Богом и Пророком, да славится имя Его, если хоть один из вас ступит по эту их сторону или непрошеным полезет через забор, мои солдаты убьют его. Если больше двадцати человек из вас попытаются ворваться на мою базу, я поведу свои танки в ваши деревни и сожгу ваши дома вместе с вами в них! Да здравствует шах!

Он круто повернулся и зашагал прочь, мулла и три перепуганных деревенских парня медленно пошли за ним следом. Больше никто не шевельнулся.

На веранде офицерской столовой капитан Конрой Старк, старший среди работников «С-Г» на базе, протяжно выдохнул.

– Господь милосердный, – восхищенно пробормотал он, не обращаясь ни к кому конкретно, – вот это мужество!

05:21. Старк стоял у окна в офицерской столовой, наблюдая за зданием штаба Пешади на другой стороне улицы. Мулла еще не вышел. Здесь, в большой комнате офицерской столовой, было очень холодно. Фредди Эйр вжался глубже в кресло, плотнее запахиваясь в летнюю куртку, и посмотрел снизу вверх на рослого техасца, который тихонько покачивался на каблучках.

– Что скажешь? – спросил он устало, подавив зевок.

– Скажу, что через часок с небольшим совсем рассветет, старина, – рассеянно проговорил Старк.

Он все еще был в летной куртке и теплых летних унтах. Оба пилота расположились у крайнего окна в углу комнаты на втором этаже, откуда база была видна почти целиком. В разных местах комнаты сидело с дюжину иранских офицеров, которым тоже было приказано оставаться в готовности. Большинство из них спали в креслах, закутавшись в летные куртки или армейские шинели – отопление на базе было отключено уже несколько недель в целях эконо-

мии топлива. Усталые ординарцы, тоже в шинелях, убирали со стола остатки товарищеского ужина, прерванного появлением толпы.

– Я чувствую себя выжатым как лимон. А ты?

– Пока нет, но как так всегда получается, что мне постоянно выпадает дежурить в праздники и выходные, а, Фредди?

– Прерогатива бесстрашного командира, старина, – ответил Эйр, заместитель руководителя группы сотрудников «С-Г», бывший военный летчик, красивый мужчина двадцати восьми лет, с темно-синими, как терновые ягоды, глазами и оксфордским выговором. – Служит прекрасным примером для солдат.

Старк бросил взгляд в сторону главных ворот. Все без изменений: их по-прежнему усиленно охраняли. Снаружи около полутысячи деревенских жителей все еще не расходились, сбившись в тесную кучу, чтобы было теплее. Его взгляд опять вернулся к зданию штаба. Там тоже все без перемен. На верхнем этаже, где располагался кабинет Пешади, горел свет.

– Я бы месячное жалованье отдал за то, чтобы послушать да повстревать в их терки, Фредди.

– Что? Что означает это слово?

– Послушать, о чем говорят Пешади и этот мулла.

– О! – Фредди посмотрел в окно на штабное здание. – Я, знаешь ли, подумал, что нам конец, когда эти несчастные балбесы полезли на проволоку. Черт подери! Я уже готов был пятки смазать да двинуть к старушке Нелли, запустить мотор и помахать на прощание Кублай-хану и его монгольским ордам! – Он беззвучно хохотнул, представив себя бегущим к своему 212-му. – Конечно, – сухо добавил он, – тебя бы я дождался, Дюк. – Эту кличку они дали Старку, потому что он был из Техаса, как Джон Уэйн, был так же сложен, как Джон Уэйн, и так же красив.

– Спасибо, старина, – рассмеялся Старк. – Раз уж на то пошло, то, прорвись они внутрь, я бы впереди тебя улепетывал.

Его голубые глаза сощурились от широкой улыбки, техасский акцент был едва замечен. Старк опять повернулся к окну, скрывая свою тревогу. Это было уже третье столкновение базы с толпой, которой всякий раз предводительствовал мулла. Каждое последующее было серьезнее предыдущего. А сегодня – первая преднамеренная смерть. И что теперь? Эта смерть приведет к следующей, потом к следующей. Если бы не полковник Пешади, кто-нибудь еще победил бы к воротам и получил бы пулю, и сейчас там все было бы устлано трупами. О, Пешади победил бы – на этот раз. Но скоро он побеждать уже не сможет, если только не обломает муллу. Чтобы обуздать Хусейна, ему придется его убить. В тюрьму его не посадишь, толпа совсем взбеленится, если он его убьет, она тоже взбеленится, и если вышлет его отсюда, она взбеленится и в этом случае. Как ни крути, эту партию ему не выиграть. А что бы я сделал на его месте?

Не знаю.

Он оглядел комнату. Иранские офицеры, судя по виду, сильно не переживали. Он знал большинство из них в лицо, но близко ни с кем знаком не был. Хотя «С-Г» присутствовала на базе с того дня, когда она была построена лет восемь назад, у них было мало общих дел с армейскими и с личным составом эскадрилий. С тех пор как Старк был назначен старшим пилотом в прошлом году, он попытался расширить контакты работников «С-Г» с остальным контингентом базы, но безуспешно. Иранцы предпочитали держаться друг друга.

Да это и нормально, подумал он. Это их страна. Вот только они раздрают ее на части, а мы торчим прямо посерединке, а теперь и Мануэла тут. Он был вне себя от радости, когда увидел жену, которая прибыла с вертолетом пять дней назад – Мак-Ивер не доверил ее автомобильным дорогам, – хотя и немного разозлился, что она выклянчила себе местечко на одинокий рейс «Британских авиалиний», который проскользнул в Тегеран.

– Черт возьми, Мануэла, ты здесь в опасности!

– Не больше, чем в Тегеране, Конрой, милый. Иншаллах, – ответила она с лучезарной улыбкой.

– Но как ты уговорила Мака пустить тебя сюда?

– Я просто улыбнулась ему, сладкий мой, и пообещала отправиться первым же возможным рейсом назад в Англию. А пока, дорогой, пойдем в кровать.

Он улыбнулся про себя и предоставил мыслям течь свободно. Это был его третий двухгодичный срок в Иране и одиннадцатый год в компании «С-Г». Одиннадцать хороших лет, подумал он. Сначала Абердин и Северное море, потом Иран, Дубай и Эль-Шаргаз по ту сторону залива, потом опять Иран, где он тогда планировал остаться. Самые лучшие годы – здесь, подумал он. Но теперь больше нет. Иран изменился с 1973 года, когда шах увеличил цену на нефть в четыре раза, с одного до почти четырех американских долларов. Для Ирана это было так же, как для нас до Рождества Христова и после. До этого они были дружелюбными, всегда готовыми помочь людям, среди которых было приятно жить и с которыми было хорошо работать. После? Все более высокомерными, все больше раздувавшимися от постоянно насаждаемых шахом мыслей о «врожденном превосходстве иранцев» в силу их трехтысячелетней цивилизации, о том, как через двадцать лет Иран станет мировым лидером, реализовав свое божественное право, выйдет на пятое место в мире как индустриальная держава, станет единственным хранителем перекрестка всех путей между Востоком и Западом, будет иметь лучшую армию, лучший военно-морской флот, лучшие ВВС, больше танков, вертолетов, холодильников, заводов, телефонов, дорог, школ, банков, коммерческих предприятий, чем любая другая страна здесь, в центре мира. И, опираясь на все это, Иран под его руководством станет истинным арбитром между Востоком и Западом, подлинным фонтаном мудрости – его мудрости, – и весь остальной мир, затаив дыхание, будет внимать ей.

Старк вздохнул. С годами эта мысль стала ему предельно понятна, но он благословлял Мануэлу за то, что она согласилась вместе с ним очертя голову окунуться в иранский образ жизни, учить фарси, везде бывать, все видеть – новые достопримечательности, новые вкусы, новые запахи, тонкости персидского ковро ткачества, черная икра, вина, легенды, новые друзья, – а не проживать свою жизнь, как это делали многие из иностранных пилотов и инженеров в Иране, которые предпочитали оставлять свои семьи дома, два месяца работать, один отдыхать и сидеть на своих базах в выходные, экономя деньги и ожидая, когда наступит время отпуска и можно будет уехать домой – где бы этот дом ни был.

– Отныне наш дом здесь, – сказала она тогда. – Здесь мы и будем жить, я и ребятишки, – добавила она, тряхнув головой.

Он так любил этот ее жест, и черноту ее волос, и страстность ее испанской крови.

– Какие ребятишки? У нас пока никаких ребятишек нет, и с теми деньгами, которые я зарабатываю, мы их пока не можем себе позволить.

Старк улыбнулся. Этот разговор случился у них сразу после свадьбы десять лет назад. Он вернулся в Техас, чтобы жениться на ней, сразу же, как только его место в компании «С-Г» было гарантировано. Теперь у них было трое детей, два мальчика и девочка, и у него хватало денег на них всех, в обрез. Теперь? Что будет теперь? Моя работа здесь под угрозой, большинство наших иранских друзей уехали, там, где раньше было изобилие, теперь стоят закрытые магазины, там, где когда-то звучал только смех, теперь поселился страх.

Черт бы побрал Хомейни и этих проклятых мулл! – думал он. Он уж точно испортил замечательный образ жизни и замечательную страну. Надо бы, чтобы Мануэла забрала детей и уехала из Лондона, улетела домой в Лаббок, пока в Иране все не утрясется. Лаббок находился недалеко от Техасского выступа, в западной части штата, где его отец до сих пор держал семейное ранчо. Восемь тысяч акров земли, немного коров, немного лошадей, немного зерновых и овощей, достаточно, чтобы семья жила в достатке. Как бы я хотел, чтобы она была уже там,

хотя, опять же, письма оттуда идут неделями, да и по телефону не дозвониться. Черт бы побрал Хомейни, который так перепугал ее своими речами! Интересно, что он скажет Богу и что Бог скажет ему, когда они встретятся, а встретятся они обязательно.

Старк потянулся и откинулся на спинку кресла. Он увидел, что Эйр смотрит на него мутными глазами.

– Ты и в самом деле прилично нарезался.

– У меня был выходной, даже два выходных по сути, и я никак не планировал стычку с ордой. Вообще-то, я намеревался напиться до беспамятства. Мне так не хватает моей лучшей половины, храни ее Господь! В любом случае Хогманай для нас, шотландцев, очень важен и...

– Хогманай – это канун Нового года, а сегодня десятое февраля, и ты такой же шотландец, как я.

– Дюк, да будет тебе известно, что Эйры – древний клан, а я могу играть на волынке, старина. – Эйр широко зевнул. – Господи, как я устал! – Он глубже вжался в кресло, стараясь устроиться поудобнее, потом выглянул в окно, и в один миг всю его усталость как рукой сняло.

Из дверей штаба вышел иранский офицер и торопливо направился в их сторону. Он узнал майора Чангиза, заместителя командира базы.

Когда майор появился в комнате, лицо у него было напряженным.

– Всем офицерам прибыть к командиру в семь часов, – сказал он на фарси. – Всем офицерам. В восемь часов на плацу – полное построение личного состава всех армейских и военно-воздушных подразделений базы. Любой, кто не явится... любой, – мрачно добавил он, – за исключением больных, которым я заранее лично подпишу разрешение, может ожидать немедленного и строгого наказания. – Его взгляд заскользил по комнате, пока не нашел Старка. – Пожалуйста, следуйте за мной, капитан.

У Старка глухо стукнуло сердце.

– Зачем, майор? – спросил он на фарси.

– Командир вызывает вас к себе.

– Зачем я ему понадобился?

Майор пожал плечами и вышел.

– Наверное, стоит предупредить всех наших. И Мануэлу, – тихо сказал Старк Эйру.

– Понял, – ответил Эйр, потом пробормотал: – Господи Иисусе.

Шагая через улицу и вверх по лестнице, Старк чувствовал на себе взгляды со всех сторон, так давившие на него, будто они имели физический вес. Благодарение богу, я гражданский и работаю на британскую компанию, а не на армию США, как раньше, лихорадочно думал он. «Черт возьми!» – пробормотал он себе под нос, вспомнив год, проведенный им во Вьетнаме еще в те времена, когда никаких американских войск там не было, только несколько советников. Черт! И этот тупой, надраенный, как бляха, сукин сын капитан Ритман, приказавший выкрасить все вертолеты на нашей базе – базе, развернутой в глухих джунглях за миллион миль от чего угодно, – черт бы его подрал! – под звездно-полосатый флаг, самыми яркими красными, синими и белыми красками. «Да, черт меня возьми, от носа до хвоста! Пусть эти мартышки увидят, кто мы есть, и тогда они будут драпать, поджав хвосты, до самой растреклятой России!» Вьетконговцы могли нас разглядеть за пятьдесят миль, мою машину изрешетили как сито, пока я успел сгонять в ад и обратно, и мы потеряли три «хьюи» со всеми экипажами, пока этого ублюдка не перевели в Сайгон, с повышением перевели. Неудивительно, что мы проиграли эту чертову войну.

Он вошел в здание штаба, поднялся по ступеням, миновал трех остолбеневших селян, которых изгнали в приемную, и вошел в логово коменданта.

– Доброе утро, полковник, – осторожно произнес он по-английски.

– Доброе утро, капитан Старк. – Пешади перешел на фарси. – Позвольте познакомить вас с муллой Хусейном Ковисси.

– Мир вам, – сказал Старк на фарси, очень отчетливо воспринимая брызги крови молодого солдата, все еще пятнавшие белую чалму и черный халат иранца.

– Мир вам.

Старк протянул руку для рукопожатия, как предписывал обычай. Лишь в самый последний момент он увидел запекшиеся рваные раны на ладони муллы, оставленные там колючей проволокой. Старк сделал свое пожатие очень легким. Но и в этом случае он увидел, как по лицу муллы промелькнула боль.

– Извините, – сказал он по-английски.

Муллу просто в упор посмотрел на него, и Старк остро почувствовал его ненависть.

– Вы вызывали меня, полковник?

– Да. Прошу, садитесь. – Пешади указал на пустой стул напротив его стола.

Обстановка в кабинете была спартанской, чистота – безукоризненной. Единственным украшением служила фотография шаха и его жены Фарах в парадном облачении. Мулла сидел спиной к портрету. Старк опустился на стул лицом к нему и коменданту.

Пешади закурил и увидел, как неодобрительный взгляд Хусейна упал на сигарету, потом гневно уставился ему в лицо. Он так же прямо смотрел в лицо мулле. Коран запрещал курение – по некоторым его толкованиям. Они спорили с муллой на этот счет больше часа. Потом он сказал непререкаемым тоном:

– Курение в Иране не запрещено – пока. Я солдат. Я дал клятву выполнять приказы. Ира...

– Даже незаконные приказы.

– Повторяю: приказы его императорского величества шахиншаха Мохаммеда Пехлеви или его представителя премьер-министра Бахтияра все еще законны по законам Ирана. Иран еще не является исламским государством. Пока еще нет. Когда он таким станет, я буду исполнять приказы любого, кто возглавит исламское государство.

– Вы подчинитесь имаму Хомейни?

– Если аятолла Хомейни станет нашим законным правителем, то конечно. – Полковник благодушно кивал, но про себя думал: прежде чем этот день настанет, много, много будет пролито крови. – А мне, если меня выберут законным главой этого возможного исламского государства, мне вы будете подчиняться?

Хусейн не улыбнулся:

– Главой исламского государства будет имам, вихрь Аллаха, а после него другой аятолла, потом следующий.

Каменный, бескомпромиссный взгляд муллы по-прежнему обжигал его, и Пешади хотелось вбить муллу в землю по самую макушку, взять свои танки и раздавить всех, кто откажется подчиняться приказам шахиншаха, их Богом данного властелина. Да, подумал он, нашего богоданного правителя, который, как и его отец, поднялся против вас, мулл, и ваших тянущихся к власти рук, который обуздал ваш устаревший догматизм и привел Иран из глухого Средневековья к положенному ему по праву величию, который в одиночку, как бульдозер, сплотил ОПЕК, чтобы противостоять огромной власти иностранных нефтяных компаний, который вышвырнул русских из Азербайджана после Второй мировой войны и даже держал их на сворке, пока они лизали ему руки, как прирученные псы.

Клянусь Богом и Пророком, в ярости говорил он себе, глядя на Хусейна теми же немигающими глазами, что и тот на него, я не могу понять, почему эти блудливые муллы до сих пор не признают правды об этом выжившем из ума старике Хомейни, который лживо вопит со своего смертного одра, не поймут, что это Советы оплачивают его, кормят его, защищают его, чтобы он подталкивал их раздувать недовольство в крестьянах с целью развалить Иран и сделать его советским протекторатом.

Нам нужен лишь один-единственный приказ: немедленно покончить с мятежом!

Получив такой приказ – клянусь Богом! – в три дня я верну в Ковисс и все земли на сто миль в округе покой, мир и процветание; муллы с радостью вернутся в мечети, где им и место, правоверные будут молиться пять раз в день. Через месяц вооруженные силы сделают Иран таким, каким он был в прошлом году, и проблема Хомейни будет решена раз и навсегда. В течение минуты после получения такого приказа я арестовал бы его, публично обрил бы ему половину головы, раздел донага и прокатил по улицам в телеге с навозом. Я показал бы его народу таким, какой он есть: сломленным, разбитым стариком. Представь его неудачником, и все люди отвернутся от него и перестанут его слушать. Потом пришли бы обвинители от аятолл, которые обожают жизнь, любовь, власть, землю, разговоры, пришли бы обвинители от мулл и от народа, и вместе они бы его прикончили.

Так просто разобраться с Хомейни или с любым муллой – клянусь Аллахом! Будь моя воля, я бы еще месяцы назад приволок его сюда из Франции. Пешади попыхивал сигаретой и очень тщательно следил за тем, чтобы его мысли не проявились на его лице или в его глазах.

– Что ж, мулла. Капитан Старк здесь. – Потом он добавил, словно это не имело большого значения: – Вы можете говорить с ним на фарси или на английском, как пожелаете. Он говорит на фарси так же, как вы на английском. Бегло.

Мулла повернулся к Старку.

– Стало быть, – произнес он по-английски с американским акцентом, – вы из ЦРУ?

– Нет, – ответил Старк, тут же насторожившись. – Вы учились в Штатах?

– Я был там студентом, да, – кивнул Хусейн, потом из-за боли и усталости его нервы не выдержали, и он перешел на фарси, и его голос посуровел. – Зачем вам было учить фарси, если вы не шпионите за нами для ЦРУ? Или ваших нефтяных компаний, а?

– Ради собственного интереса, просто из интереса, – вежливо ответил Старк на фарси; он говорил правильно и почти без акцента. – Я гость в вашей стране, меня пригласило сюда ваше правительство, чтобы работать на ваше правительство в партнерстве с иранцами. Это признак вежливости, когда гости знакомятся с запретами и обычаями тех, кто их пригласил, учат их язык, особенно если страна им нравится и они надеются пробыть здесь гостями много лет. – Его голос стал резче. – И это не мои компании.

– Они американские. Вы американец. ЦРУ американское. Все наши проблемы пришли из Америки. Алчность шаха американская. Все наши проблемы пришли из Америки. Годы и годы американцы плевали на Иран.

– Чушь собачья! – отрезал Старк по-английски, разозлившись не меньше иранца и понимая, что единственный способ справиться с громилой – это самому начать размахивать кулаками. Немедленно. Он увидел, как иранец вспыхнул. Старк без страха посмотрел на него в ответ, давая паузе затянуться. Секунды шли. Он смотрел прямо в глаза мулле. Но не смог подчинить его своей воле. Стараясь выглядеть спокойным, несмотря на охватившую его тревогу, Старк перевел взгляд на Пешади, который ждал и смотрел на них, молча покуривая сигарету. – Что все это значит, полковник?

– Мулла попросил один из ваших вертолетов, чтобы посетить все нефтяные вышки в округе. Как вам известно, мы не планируем маршруты ваших полетов и не участвуем в вашей деятельности. Вы выделите для этого одного из ваших лучших пилотов. Сегодня начиная с полудня.

– Почему не взять один из ваших вертолетов? Возможно, я смог бы предоставить навига...

– Нет. Один из ваших вертолетов с вашими людьми. В полдень.

Старк повернулся к мулле:

– Извините, но я получаю приказы только от «Иран ойл», через нашего директора базы и их местного представителя Эсвандиари. Мы работаем по контракту с ними, и они являются нашим исклю...

– Вертолеты, на которых вы летаете, они иранские, – грубо оборвал его мулла, усталость и боль снова накатывали на него, он хотел закончить этот разговор. – Выделите один, как требуется.

– Они зарегистрированы как иранские, но являются собственностью компании «С-Г хеликоптерз» из Абердина.

– Зарегистрированы в Иране, летают в иранском небе, заправляются иранским горючим, получают разрешения на полеты от иранцев, обслуживают иранские вышки, качающие иранскую нефть, клянусь Богом! Они иранские! – Тонкие губы Хусейна искривились. – Эсвандиари выдаст необходимые предписания на проведение полетов к полудню. Сколько времени уйдет на то, чтобы облететь все ваши объекты?

После паузы Старк сказал:

– Время в воздухе, может быть, часов шесть. Сколько времени вы планируете проводить при каждой посадке?

Мулла взглянул на него:

– После этого я хочу пролететь вдоль трубопровода до Абадана и приземлиться там, где я укажу.

У Старка расширились глаза. Он кинул взгляд на полковника, но увидел, что тот по-прежнему с подчеркнутой сосредоточенностью разглядывает завитки дыма, поднимавшегося от его сигареты.

– С этим будет труднее, мулла. Нам необходимы разрешения. РЛС не работает, большая часть этого воздушного пространства контролируется авиадиспетчерской службой Киша, а она... э-э... подчинена военно-воздушным силам.

– Какие разрешения понадобятся, вы получите, – сказал Хусейн, заканчивая разговор, и обратил свой немигающий взгляд на Пешади. – Во имя Аллаха, я вернусь в полдень, если вы встанете на моем пути, заговорят ружья.

Старк чувствовал, как колотится его сердце, и мулла чувствовал, как колотится его сердце, то же самое чувствовал и Пешади. Только мулла был спокоен – ему не из-за чего было тревожиться, он был в руках Господа, вершил Божий труд, подчинялся приказам: «Давите на врага всеми способами. Будьте как вода, текущая с горы к дамбе. Напирайте на дамбу узурпатора-шаха, его лакеев, его солдат. Мы должны склонить их на свою сторону, склонить мужеством и кровью. Давите на них всеми возможными способами, вы вершите Божий труд...»

Ветер загремел оконной рамой, и невольно все трое бросили взгляд на окно и на ночь за окном. Ночь была все еще темной, звезды сверкали, но на востоке уже забрезжил рассвет, солнечный диск подкрался снизу к самому краю неба.

– Я вернусь в полдень, полковник Пешади, один или со многими. Вам решать. – Хусейн говорил тихо, но Старк ощутил скрытую в словах угрозу – или обещание – всем своим существом. – Но сейчас... сейчас настало время молитвы. – Хусейн заставил себя подняться на ноги, ладони горели от ран, боль в спине, голове и ушах по-прежнему была чудовищной. На миг ему показалось, что он потеряет сознание, но он поборол головокружение и боль и твердым шагом вышел из кабинета.

Пешади встал из-за стола.

– Вы сделаете, как он просит. Пожалуйста, – добавил он в виде великой уступки. – Это временное перемирие и временный компромисс, пока мы не получим заключительные распоряжения от законного правительства его императорского величества, когда мы положим конец всей этой ерунде. – Дрожащими руками он прикурил новую сигарету от окурка последней. – У вас проблем не возникнет. Он раздобудет все нужные разрешения, так что это будет обычный ВИП-полет. Самый обычный. Вы обязательно должны согласиться, потому что я, конечно же, не могу позволить, чтобы один из моих военных вертолетов обслуживал муллу, особенно Хусейна, который широко известен как подстрекатель и мятежник! Конечно же не могу! Это

был гениально тонкий ход с моей стороны, и вы не посмеете его разрушить. – Он злобно затушил сигарету, ткнув ею в переполненную пепельницу – воздух в кабинете был тяжелым от никотина, – и почти прокричал: – Вы слышали, что он сказал. В полдень! Один или со многими. Вы хотите, чтобы снова пролилась кровь? А?

– Разумеется, нет.

– Хорошо. Тогда делайте, что вам говорят! – Пешади, грохоча сапогами, вышел.

Нахмурившись, Старк подошел к окну. Мулла занял свое место рядом с воротами, воздел руки и, как каждый муэдзин с каждого минарета с каждым рассветом в исламе, призвал правоверных на первую молитву дня на освященном веками арабском языке:

– Спешите на молитву! Спешите к спасению! Молитва лучше сна! Нет Бога, кроме Аллаха...

Старк видел, как Пешади благочестиво занял свое место во главе всего личного состава базы, людей всех званий, которые послушно и с очевидной радостью вышли из казарм. Солдаты клали оружие на землю рядом с собой, крестьяне за воротами вели себя столь же благочестиво. Затем, следуя примеру муллы, они все повернулись в сторону Мекки и начали обязательные движения, поклоны, чтение шахады: «Нет (никакого) божества, кроме Бога, Мухаммад – посланник Бога...»

Когда молитва завершилась, наступила глубокая тишина. Все ждали. Потом мулла громко крикнул:

– Бог, Коран и Хомейни! – Он прошел через ворота и направился в сторону Ковисса. Толпа послушно последовала за ним.

Старк против воли поежился. Этот мулла так переполнен ненавистью, что она сочится через поры его кожи. И такая масса ненависти обязательно должна взорваться и похоронить под собой что-нибудь или кого-нибудь. Если я полечу с ним, это, возможно, сделает его ненависть еще сильнее. Если я назначу кого-нибудь или вызову добровольца, это будет нечестно, потому что это моя обязанность.

– Я должен лететь с ним, – пробормотал он. – Должен.

Глава 5

НЕДАЛЕКО ОТ БЕНДЕР-ЛЕНГЕ. 06:42. 212-й с двумя пилотами и полным комплектом из тринадцати пассажиров выполнял обычный рейс, направляясь в Ормузский пролив со своей базы «С-Г» в Бендер-Ленге. Он летел над спокойными водами залива в сторону разрабатываемого французами нефтяного месторождения Сирри. Солнце только что встало над горизонтом, обещая еще один ясный, безоблачный день, хотя легкий туман, обычное в заливе явление, снижал видимость до нескольких миль.

– Борт ЕР-НСТ, говорит центр радиолокационного контроля Киша, поверните на двести шестьдесят градусов.

Вертолет послушно поменял направление.

– Двести шестьдесят, высота тысяча, – ответил Эд Восси.

– Держитесь на тысяче. Доложите, когда будете над Сирри.

В отличие от большей части территории Ирана, радиолокационный контроль здесь работал исправно, станции располагались на островах Киш и Лаван и были укомплектованы отличными операторами из иранских ВВС, которые прошли подготовку в ВВС США, – оба конца Персидского залива имели одинаковое стратегическое значение и одинаково хорошо обслуживались.

– HST. – Эд Восс был американцем: тридцать два года, бывший военный летчик, здоровый и рослый, как полузащитник в американском футболе. – Радарщики сегодня что-то дерганые, а, Скрэг? – сказал он другому пилоту.

– Дерганые и есть. Наверное, геморрой замучил.

Впереди показался небольшой остров Сирри. Он был пустынным, голым, низменным, с короткой грунтовой взлетно-посадочной полосой, несколькими бараками для рабочих и скоплением огромных резервуаров для нефти, которая поступала сюда по трубам, проложенным по морскому дну от нефтяных платформ, разбросанных в заливе к западу от острова. Остров лежал примерно в шестидесяти милях от иранского побережья, у самой международной границы, которая проходила по Ормузскому проливу и отделяла иранские воды от вод Омана и Объединенных Арабских Эмиратов.

Прямо над резервуарами вертолет плавно завис, глядя носом на запад; их первая остановка была в нескольких милях отсюда на нефтяной платформе, которая называлась «Сирри-3». В настоящий момент на месторождении работали шесть платформ, оператором на всех шести был французский полугосударственный консорциум EPF, который разрабатывал это месторождение для «Иран ойл» под договоренность о будущих поставках нефти.

– Центр радиолокационного контроля Киш, HST над Сирри на высоте тысяча футов, – сказал Восс в подвесной микрофон.

– Понял вас, HST. Держитесь на тысяче, – тут же прозвучало в ответ. – Доложите перед посадкой. Впереди на десять часов воздушное движение на взлете, набирают высоту.

– Видим их. – Оба пилота проводили взглядом четыре истребителя, тесной группой забивавшиеся в высокое небо и направлявшиеся мимо них в сторону устья пролива.

– Торопятся, – произнес пилот постарше и шевельнулся на своем сиденье.

– И не говори. Стой! Черт, да ведь это F-15, ВВС США! – Восс был поражен. – Черт, я и не знал, что они бывают в этих краях. Ты видел их раньше, Скрэг?

– Нет, приятель, – ответил Скрэг Скрэггер, встревоженный не меньше напарника.

Он слегка подрегулировал громкость своих наушников. В свои шестьдесят три Скрэггер был старейшим пилотом в компании «С-Г», старшим пилотом базы в Бендер-Ленге, с сухим морщинистым лицом, очень худой, очень крепкий, с седеющими волосами и глубоко посаженными светло-голубыми австралийскими глазами, которые, казалось, постоянно высматривают что-то на горизонте. У него был интересный акцент.

– Хотел бы я знать, чего тут затевается. Радарщики чего-то нервничают, словно кенгуру с колючкой под хвостом, и это уже третья группа самолетов, которую мы встретили с тех пор, как поднялись в воздух, хотя и первая американская.

– Должно быть, какая-нибудь тактическая группа, Скрэг. Или, может, это истребители сопровождения, которые США послали в Саудовскую Аравию вместе с АВАКСами.

Скрэггер сидел слева, выполняя функции капитана-инструктора. Обычно для 212-х использовалась конфигурация с одним пилотом, который сидел справа, но Скрэггер распорядился, чтобы на этот вертолет поставили вдвоенное управление для тренировочных целей.

– Что ж, – сказал он со смешком, – пока нам не попадутся МиГи, можно особенно не переживать.

– Красные сюда технику не пошлют, как бы им ни хотелось заполучить пролив. – Восс говорил очень уверенно. Он был почти вдвое моложе Скрэггера и почти вдвое больше его размерами. – Не пошлют, покуда мы им говорим, что нечего им тут делать, и имеем самолеты, ударные группировки и волю, чтобы ими воспользоваться. – Он прищурился, высматривая что-то в тумане. – Эй, Скрэг, погляди-ка!

Громадный супертанкер был тяжело нагружен и сидел низко в воде, медленно пробираясь в сторону острова Ормоз. – Готов поспорить, это полумиллионник, а то и больше.

Несколько секунд они наблюдали за огромным судном. Шестьдесят процентов нефти свободного мира проходило через этот мелкий, узкий пролив между Ираном и Оманом – едва пятнадцать миль от берега до берега в том месте, где суда могли пройти. Двадцать миллионов баррелей в день. Каждый день.

– Как думаешь, Скрэг, когда-нибудь построят танкер в миллион тонн?

– Конечно. Конечно построят, если захотят, Эд. – (Корабль прошел под ними.) – Под флагом Либерии идет, – рассеянно обронил Скрэг.

– Ну и глаз у тебя!

– Это все от здорового образа жизни, парень.

Скрэггер бросил взгляд назад в салон. Все пассажиры сидели на своих местах: ремни пристегнуты, обязательные спасжилеты надеты, защитные наушники на ушах; одни читали, другие смотрели в иллюминаторы. Все нормально, подумал он. Да, показания приборов в норме, все шумы и звуки как должны быть, я в норме, и Эд тоже. Тогда почему я так нервничаю? – спросил он себя, поворачиваясь обратно.

Из-за ударной группировки, из-за радара на Кише, из-за пассажиров, из-за того, что у тебя сегодня день рождения, и больше всего из-за того, что ты в воздухе, а единственный способ остаться в живых, когда ты в воздухе, – это все время нервничать. Аминь. Он рассмеялся вслух.

– Ты это чего, Скрэг?

– Ничего, тебя вспомнил. Ты, стало быть, думаешь, что ты пилот, так?

– Ну, так, Скрэг, – осторожно проговорил Вossi.

– Ладно. «Сирри-3» видишь?

Вossi хмыкнул и показал на платформу вдалеке, едва различимую в тумане, чуть восточнее скопления резервуаров.

– Тогда закрой глаза, – с ухмылкой произнес Скрэггер.

– О-о, да ладно тебе, Скрэг. Я понимаю, контрольный полет и все такое, только, может, ты да...

– Беру управление на себя, – радостно сказал Скрэггер, и Вossi тут же убрал руки с рычагов. – А теперь закрой глаза, потому что это учебное задание.

С уверенным видом молодой человек в последний раз внимательно взглянул на платформу вдалеке, поправил наушники, снял черные очки и подчинился.

Скрэггер передал Вossi специально сделанные по его заказу защитные очки с темными круглыми линзами:

– Держи. Надень их, но глаз не открывай, пока я не скажу. Приготовься взять управление на себя.

Вossi надел очки и плавным движением, не открывая глаз, вытянул руки и ноги к органам управления, едва их коснувшись. Он знал, что Скрэггер это оценит.

– Ладно. Я готов, Скрэг.

– Принимай.

Вossi тут же овладел ручкой управления и педалями, твердо и без нажима, и остался доволен тем, что передача прошла гладко: машина даже не шелохнулась. Сейчас он летел только по слуху, стараясь уловить малейшие изменения в тоне работающего двигателя – понижения или повышения, – которые означали бы, что он забирает вверх или уходит вниз. Вот звук стал чуть-чуть другим. Он вовремя уловил изменение, почувствовав, почти до того, как это произошло, что тон стал выше, а значит, двигатели набирали обороты, и, значит, вертолет пошел вниз. Он скорректировал обороты и выровнял машину.

– Хорошо, приятель, – одобительно произнес Скрэггер. – А теперь открой глаза.

Вossi полагал, что на нем обычные тренировочные очки, ограничивавшие внешнюю видимость, но позволявшие видеть приборную панель. Он открыл глаза и очутился в кромеш-

ной тьме. Шок вызвал панику, его сосредоточенность мигом улетучилась, а вместе с ней и координация движений. На долю секунды он потерял всякую ориентацию, желудок куда-то провалился, когда он осознал, что сейчас так же провалится и вертолет. Но этого не произошло. Ручка управления осталась недвижима как скала в руках Скрэггера, которые Восси даже не почувствовал.

– Гос-с-споди! – выдохнул Восси, борясь с приступом дурноты, и машинально потянулся рукой к очкам, чтобы сорвать их.

– Не трогай очки! Эд, ситуация критическая: ты – пилот, единственный пилот на борту, и у тебя проблема: ты ни черта не видишь. Что ты будешь делать? Принимай управление! Давай! Ситуация критическая!

Восси почувствовал во рту вкус желчи и сплюнул, руки и ноги нервно подергивались. Он взял управление на себя. Передал ручку, едва не вскрикнул от ужаса, когда машина клюнула носом и понеслась вниз, потому что думал, что Скрэггер все еще подстраховывает его. Но тот не вмешивался. Восси скорректировал обороты, но сбросил слишком много, полностью дезориентированный. На этот раз Скрэггер поправил его ошибку.

– Успокойся, Эд! – приказал он. – Слушай чертов двигатель! Подстрой под него свои руки и ноги! – Потом добавил уже мягче: – Спокойнее, у тебя все получается, не дергайся. Проблюешься потом. У тебя внештатная ситуация: ты должен посадить машину и у тебя за спиной тринадцать пассажиров. Что до меня, то я здесь, рядом с тобой, но я не умею летать на этом чертовом вертолете. Итак, что ты будешь делать?

Восси восстановил координацию рук и ног, напряженно вслушиваясь в звук двигателей.

– Я ничего не вижу, но ты видишь?

– Верно.

– Значит, ты можешь говорить мне, как мне садиться.

– Правильно! – Голос Скрэггера звучал резко. – Конечно, тебе нужно будет задавать мне правильные вопросы... Центр радиолокационного контроля Киш, HST уходит с тысячи к «Сирри-3».

– Понял вас, HST.

Скрэггер заговорил, изменив голос:

– Меня теперь зовут Берт. Я подсобный рабочий с одной из платформ. Я ничего не смыслю в пилотировании, но могу читать показания приборов, если ты скажешь мне, куда надо смотреть.

Восси радостно окунулся в эту игру, задавая правильные вопросы. Берт заставлял его лазить по самым дальним закоулкам его знаний о пилотировании, органах управления, устройстве кабины, расположении приборов, вынуждая его задавать только те вопросы, которые был способен понять и на которые мог дать ответ самый обыкновенный работяга. Время от времени, когда вопросы Восси оказывались недостаточно точны, Берт впадал в истерику и начинал вопить:

– Господи, я не могу найти этот прибор. Который тут кружок со стрелкой нужен? Они все одинаковые, черт бы их подрал! Объясни еще раз, помедленнее только... О боже, мы все разобьемся...

Для Восси тьма питалась тьмой. Время растянулось, ни одна шкала, ни одна стрелка не возникала перед глазами, чтобы по-дружески его успокоить, не было ничего, кроме голоса, который загонял его к самым пределам сознания.

Когда они были на высоте пятьдесят футов на подлете к платформе и Берт выкрикивал информацию для посадки, Восси, холодея от ужаса в темноте, почувствовал, что его сейчас вырвет: крошечный пятачок посадочной площадки на нефтяной платформе неумолимо надвигался на него. Еще есть время, чтобы прервать посадку, прибавить мощности, убраться отсюда к черту и подождать на высоте, вот только как долго?

– Ты сейчас на высоте десять футов и в десяти ярдах от площадки, как ты и хотел. Восс тут же перевел вертолет в режим зависания; пот лил с него ручьями.

– Здорово, прямо над самым яблочком, точно как ты хотел.

Тьма сгустилась сильнее, чем прежде. Как и его страх. Восс забормотал молитву. Он начал понемногу сбрасывать мощность. Ему показалось, что прошла целая жизнь, потом еще одна и еще, а потом полозья шасси коснулись металла, и они сели. Какое-то мгновение он не мог в это поверить. Облегчение было таким огромным, что он едва не зарыдал от радости. Потом, откуда-то издалека, он услышал настоящий голос Скрэггера и почувствовал, что управление машиной у него забрали.

– Машина у меня, приятель! Ты чертовски хорошо справился, Эд! Десять баллов из десяти. Управление теперь у меня.

Эд Восс стащил с глаз очки. Его рубашка была насквозь мокрой от пота, лицо – белое как мел. Он обмяк на сиденье, почти не видя движения людей на работающей платформе, толстой веревочной сети, разложенной на посадочной площадке, составлявшей в диаметре едва тридцать ярдов. Боже милосердный, я сел, мы сели, и мы все целы и невредимы.

Скрэггер перевел двигатели на холостой ход, глушить их не имело смысла: остановка была короткой. Он мурлыкал себе под нос «Вальсирующую Матильду»⁹, что бывало с ним, только когда он был очень доволен. Парень справился прекрасно, думал он, летает на пять. Но вот как быстро он придет в себя? Всегда важно это знать – и еще не тонка ли у него кишка, – когда ты летишь с кем-то на пару.

Он повернулся и показал большой палец человеку, сидевшему в салоне на переднем сиденье сбоку, одному из французских инженеров, которому нужно было проверить электронасосное оборудование, установленное на этой платформе. Остальные пассажиры терпеливо ждали. Четверо из них были японцами – гости французских чиновников и инженеров из компании EPF. Скрэггер ощущал беспокойство, перевоза японцев; его тянуло к воспоминаниям о днях, проведенных им на войне, о потерях австралийцев во время боевых действий в Тихом океане и о тысячах военнопленных, умерших в японских концентрационных лагерях и на строительстве железной дороги в Бирме. Скорее убитых, чем умерших, мрачно отметил он про себя, потом переключил внимание на разгрузку.

Инженер-француз открыл дверцу и теперь помогал рабочим-иранцам выгружать упаковочные ящики из грузового люка. Жаркий и влажный воздух на палубе отнимал силы и был пропитан парами нефти. В кабине было, по обыкновению, удушающе жарко, влажность высокая, но Скрэггер не ощущал никакого дискомфорта. Двигатели ровно работали на холостом ходу, их звук ласкал ему слух. Краем глаза он взглянул на Восс, тот все еще бесформенной грудой сидел в своем кресле, забросив руки за голову, приходя в себя.

Он хороший парень, подумал Скрэггер. Тут его внимание привлек громкий голос, раздававшийся в салоне за его спиной. Голос принадлежал Жоржу де Плесси, старшему среди французских чиновников и региональному директору EPF. Он сидел на подлокотнике одного из кресел салона и читал очередную из своих нескончаемых лекций, на этот раз – японцам. Уж лучше им, чем мне, усмехнулся про себя Скрэггер. Де Плесси он знал уже три года, и француз ему нравился – французской провизией, которую тот поставлял, и качеством своей игры в бридж, который оба они очень любили, но никак не своими разговорами. Нефтяники все одинаковы, нефть – это единственное, что они знают, и единственное, что они хотят знать, и, насколько это касается их, все остальное человечество существует на земле для того, чтобы потреблять ее и платить за нее безумные деньги, пока мы не отдадим концы, да и в этом случае большинство крематориев все равно работают на мазуте. Черт побери! Цены на нефть взлетели до четырнадцати долларов восьмидесяти центов за баррель, а ведь еще пару лет назад

⁹ Популярнейшая в Австралии песня, своего рода народный гимн страны.

она продавалась по четыре восемьдесят, а за несколько лет до этого – по доллару восемьдесят. Дьявольщина, да это же бандиты с большой дороги, вся их чертова шайка, и ОПЕК, и «семь сестер», и даже североморская нефть!

– Все эти платформы стоят на опорах, которые уходят в глубь до самого дна, – говорил де Плесси. – Все французского производства и эксплуатируются французами, каждая обслуживает одну скважину...

Он был в униформе цвета хаки, песочного цвета волосы редкой каймой обрамляли сверху сожженное солнцем лицо. Остальные французы оживленно болтали и о чем-то спорили между собой – и это все, чем они тут занимаются, подумал Скрэггер, помимо того, чтобы есть, пить вино да забираться под юбки любой девахе, не сказав при этом даже простого «извините за беспокойство». Совсем как этот старый хрен Жан-Люк, первый кочет среди них всех! И все же у них всех есть индивидуальность, у всех до единого – совсем не как у этих других сукиных детей. Японцы как на подбор были все низкорослые, худые и очень аккуратные с виду, все одеты одинаково: белые рубашки с коротким рукавом, темные галстуки, темные брюки и темные ботинки, у всех одинаковые цифровые часы и черные очки; единственное различие – возраст. Как сардины в банке, подумал Скрэггер.

– ...Море здесь, как и во всем заливе, очень мелкое, мсье Касиги, – говорил де Плесси. – Глубина здесь всего около ста футов, и нефть залегает неглубоко, на какой-то тысяче футов. В этой части месторождения, которое мы называем «Сирри-3», у нас шесть скважин, все они соединены трубопроводами и качают нефть прямо в нефтехранилища на острове Сирри. Емкость каждого резервуара три миллиона баррелей, и все они сейчас заполнены.

– А причал для танкеров на Сирри, мсье де Плесси? – поинтересовался Касиги, сидящий руководитель японской группы; он выговаривал английские слова четко и аккуратно. – Я его не видел, когда мы пролетали над островом.

– На данный момент мы грузимся в море. Строительство причала запланировано на следующий год. А до тех пор с загрузкой ваших танкеров среднего размера проблем не возникнет, мсье Касиги. Мы гарантируем быстрое обслуживание, быструю загрузку. В конце концов, мы же французы. Завтра сами увидите. Ваш «Рикомару» не задерживается?

– Нет. Танкер будет здесь завтра в полдень. Каковы конечные запасы нефти на этом месторождении?

– Они безграничны, – со смехом ответил француз. – Сейчас мы добываем лишь семьдесят пять тысяч баррелей в день, но, mon Dieu, под морским дном целое озеро нефти.

– Ваше превосходительство капитан! – У бокового окна со стороны Скрэггера появилась сияющая физиономия молодого Абдуллы Турика, одного из пожарных на платформе. – Я очень хорошо, очень-очень хорошо. Вы?

– Отлично, мой юный друг. Как дела?

– Я доволен вас видеть, ваше превосходительство капитан.

Примерно год назад база Скрэггера в Бендер-Ленге получила по радио сообщение, что на одной из платформ требуется экстренная эвакуация. Сообщение поступило посреди ненастной ночи, директор-иранец говорил, что у одного из пожарных, видимо, прорвался аппендикс и не могли бы они прилететь как можно скорее после рассвета, – ночные полеты в Иране были запрещены, за исключением чрезвычайных ситуаций. Скрэггер в ту ночь был дежурным по базе и вылетел сразу же – немедленные вылеты, даже в условиях минимальной видимости, были политикой компании и частью особых услуг, которые она предоставляла. Он забрал молодого человека с платформы, доставил его напрямую в иранский военно-морской госпиталь в Бендер-Аббасе и уговорил тамошних врачей заняться им. Если бы не Скрэггер, пареньек бы умер.

С тех самых пор этот юноша всякий раз выходил к вертолету, чтобы его поприветствовать, а раз в месяц на базу привозили свежую козлятину, как Скрэггер ни пытался это прекра-

тить, понимая, сколько это стоило. Однажды он посетил деревню недалеко от Бендер-Ленге, откуда молодой иранец был родом. Самая обычная деревня: никаких санитарных удобств, никакого электричества, земляные полы в домах, глинобитные стены. В Иране за городской чертой жизнь была примитивной, но и в этом случае жилось тут лучше, чем в деревнях других государств Персидского залива. Семья Абдуллы была похожа на все остальные семьи, ничем не лучше и не хуже. Много детей, роящиеся мухи, несколько коз и кур, несколько акров поросшей кустарником земли, а скоро, сказал отец семейства, однажды в скором времени у нас будет своя школа, ваше превосходительство летчик, и свой водопровод, а когда-нибудь – электричество, и да, это правда, что нам живется гораздо лучше, потому что есть работа от нашей нефти, которую эксплуатируют чужеземцы. Хвала Аллаху, что Он дал нам нефть! Хвала Аллаху, что мой сын Абдулла выжил! На то была воля Бога, чтобы он выжил, воля Бога убедила его превосходительство летчика взять на себя столько трудов и хлопот. Благодарение Богу!

– Как дела, Абдулла? – повторил Скрэггер; юноша ему нравился, он был современным, не как его отец.

– Хорошо. – Абдулла подошел ближе, почти просунул лицо в кабину. – Кап’тан, – запинаясь, произнес он уже без улыбки и так тихо, что Скрэггеру пришлось податься вперед, чтобы услышать его. – Скоро большая беда... Коммунист Туде, моджахеды, может, федаины. Стрелять и взрывать... может, корабль в Сирри. Опасность. Пожалуйста, очень, не скажи ничего, кто тебе говорит, да? – Он опять нацепил на лицо улыбку и громко воскликнул: – Счастливых посадок и прилетай опять скоро, ага! – Он махнул рукой и, пряча свой страх, вернулся к остальным.

– Конечно-конечно, Абдулла, – пробормотал Скрэггер.

Несколько иранцев стояли неподалеку, глядя на вертолет, но это было делом обычным. Пилотов ценили, потому что они были единственным связующим звеном при эвакуации пострадавших. Он увидел, как начальник посадочной площадки поднял два больших пальца, давая ему добро на взлет. Скрэггер машинально обернулся и проверил еще раз, все ли надежно закреплено и все ли пассажиры на своих местах.

– Мне повести машину, Эд?

– Да, конечно, Скрэг.

Поднявшись на тысячу футов, Скрэггер выровнял вертолет и взял курс на «Сирри-1», где должны были высадиться остальные пассажиры. Он был очень встревожен. Черт подери! – думал он. Одна бомба могла бы утопить остров Сирри в заливе. Впервые до него дошли слухи о возможных беспорядках. Нефтепромысел Сирри не подвергся ни единой забастовке, которые привели к закрытию всех остальных месторождений, главным образом, по мнению иностранных специалистов, в силу того, что французы предоставили убежище Хомейни.

Саботаж? Япошка как будто говорил о танкере, который должен прийти завтра? Точно говорил. Что же делать? Ничего в данный момент, просто отложить Абдуллу на потом. Сейчас, когда ты в полете, не время об этом думать.

Скрэггер посмотрел на Восси. Эд сработал хорошо, очень хорошо, лучше, чем... чем кто? Он мысленно перебрал всех пилотов, которых помог подготовить за эти годы. Сотни человек. Сам он летал с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать. Королевские австралийские ВВС в семнадцать лет в 33-м году, «спитфайры» в 39-м и погоны капитана авиации, потом, в 45-м, он пересел на вертолеты, Корея в 49-м, затем, после двадцати лет службы, отставка, все в том же капитанском чине, все с тем же вспыльчивым характером и всего лишь тридцати семи лет от роду. Он рассмеялся. В военной авиации у него всегда были плохие отношения с начальством.

– Ради всего святого, Скрэггер, ну зачем, зачем ты полез к вице-маршалу авиации?¹⁰ На этот раз тебе крышка...

¹⁰ Соответствует званию генерал-майора в сухопутных силах.

– Но, господин полковник, англичашка первый начал, этот сукин сын заявил, что все мы, австралийцы, воры, на запястьях у нас кандалные отметины и произошли мы все от эзков!

– Вон как! Эти проклятые англичане все одинаковы, Скрэг, хотя в твоём случае он, наверное, был прав: твоя семья в наших краях испокон века обитает, только все равно в звании тебя опять понизили, и, если ты не исправишься, я тебя вообще навсегда от полетов отстраню!

Но так и не отстранил. Да и как отстранить? Два Креста Военно-воздушных сил, два креста «За летные боевые заслуги», шестнадцать сбитых самолетов и втрое больше боевых вылетов, которые он совершал с радостью, как и все в Королевских ВВС Австралии. И до сих пор летает, а больше ему в целом мире ничего не надо; все так же старается быть лучшим и самым надежным пилотом и все так же мечтает выжить со всеми пассажирами после аварийной посадки. Если летаешь на вертолетах, то поломок оборудования избежать никак невозможно, подумал он, понимая, что ему очень, очень сильно везло. В отличие от других пилотов, ничем не хуже его, чье везение закончилось. Без везения хорошим пилотом быть нельзя.

Скрэггер снова посмотрел на Восси, радуясь, что не было войны – самого главного испытательного полигона для летчика. Не хотелось бы мне потерять юного Эдда, он один из лучших в «С-Г». Так, с кем лучше его тебе доводилось летать? С Чарли Петтикином, конечно, но ему, с другой стороны, иначе и не положено: буш-пилот, к тому же воевал и в каких только перестрелках не побывал. То же самое Том Лочарт. Подлый Дункан Мак-Ивер до сих пор лучший из всех, хотя уже и не летает, чтоб он провалился со своими ежеквартальными медосмотрами, – хотя и я был бы так же безжалостен и так же осторожен с ним, если бы сам сидел на земле, а он бы летал туда-сюда в шестьдесят три года, словно зеленый курсантик. Бедолага.

Скрэггер передернулся. Если Управление гражданской авиации протащит свои новые правила, касающиеся возраста и обязательного выхода на пенсию, мне конец. В тот день, когда меня отстранят от полетов, я направлюсь напрямик к воротам рая, тут и думать нечего.

«Сирри-1» оставался еще далеко впереди. Уже с год или больше того он садился там три раза в неделю. И все равно он планировал свой заход на посадку так, словно делал это в первый раз. «Безопасность случайной не бывает, ее надо готовить». Сегодня мы аккуратно и мягко зайдем по низкой траектории...

– Скрэг...

– Да, сын мой!

– Ты меня перепугал до полусмерти.

Скрэггер хохотнул:

– Ты сам себя перепугал до полусмерти, это тебе урок номер один. Что еще ты усвоил?

– Полагаю, как чертовски легко удариться в панику, каким себя чувствуешь одиноким, беспомощным и как нужно ценить свои глаза. – Восси выпаливал слова почти скороговоркой. – Думаю, я понял, насколько я смертен, черт возьми! Скрэг, мне было страшно... так страшно...

– Когда это случилось со мной, я обделался прямо в штаны.

– А?

– Я тогда летел из Кувейта на 47G2, еще в старые времена, в шестидесятые годы. – (47G2 был маленьким трехместным вертолетом с кабиной, похожей на мыльный пузырь, и поршневым двигателем Белла, сейчас это главная рабочая лошадка для дорожной и обычной полиции.) – Чартер был заказан для врача и инженера из «ЭксТекс». Им нужно было добраться до оазиса за Вафрой, где произошел несчастный случай – какой-то бедолага попал ногой под бур. В общем, летим мы без дверей, как обычно, на дворе лето, жара градусов под пятьдесят и сухо, для человека и вертолета так погано, как только может быть погано в пустыне, – хуже, чем в австралийской глубинке, и намного. Но нам посулили двойную оплату и премию, так что мой старый приятель Форсайт записал меня добровольцем. Для пустыни денек выдался еще не самым худшим, Эд, хотя ветер жег, как раскаленная железка, налетал порывами и подличал, по обыкновению, знаешь, то вдруг завихрится и песок поднимет в пылевую тучу, то

смерч закрутит. Я был на высоте примерно триста футов, заходил на посадку, когда мы попали в пылевую тучу – пылинки такие мелкие, что и не разглядишь. Как эта пыль забралась ко мне под очки, ума не приложу, только вот в один момент у нас все нормально, а в следующий – все начали кашлять и плевать, а мне оба глаза так засыпало, что я ослеп начисто, как Костыль Пит в мультике про Микки-Мауса.

– Да брось ты!

– Нет, честно. Богом клянусь! Ни хрена не вижу, глаз открыть не могу, а пилот я один, и два пассажира на борту!

– Господи, Скрэг! Сразу оба глаза?

– Оба глаза, и нас мотало по всему небушку к чертям собачьим, пока я машину кое-как не выровнял, а сердце назад за грудь не вернулось. Док глаза мне прочистить не может, и каждый раз, когда пытается или я пытаюсь, нас кидает так, что мы чуть кверху брюхом не переворачиваемся. Ты же знаешь, как с этими G2 трудно. Они, вслед за мной, тоже в панику, а толку от этого никакого. Тогда-то я и сообразил, что наш единственный шанс – посадить машину вслепую. Ты говорил, тебе было страшно, что ж, когда наши полозья опустились на песок, у меня в мочевом пузыре не оставалось ни капли, ни единой капелюшечки.

– Господи, Скрэг, так ты и в самом деле его посадил? Совсем как сегодня, только взаправду, слепой от пыли на оба глаза? Без вранья?

– Я заставил их все мне говорить, так же как с тобой сегодня... по крайней мере, врач мне говорил, тот, второй бедолага грохнулся в обморок. – Рассказывая, Скрэггер ни на секунду не выпускал из глаз платформу, на которую они должны были садиться. – Как она, на твой взгляд? – спросил он.

– Пара пустяков.

«Сирри-1» лежала прямо по курсу, посадочная площадка раскинулась над водой. Они могли разглядеть начальника посадочной площадки и обязательную команду пожарных, выстроившуюся рядом. «Колдун»¹¹ надулся наполовину и не шевелился.

Обычно Скрэггер доложил бы в центр радиолокационного контроля и начал постепенно снижаться. Вместо этого он сказал:

– Сегодня мы останемся сверху, приятель, зайдем под большим углом и опустим машину вниз.

– Зачем это, Скрэг?

– Так, для разнообразия.

Восси нахмурился, но промолчал. Он еще раз пробежался взглядом по шкалам приборов, высматривая неожиданные показания. Ничего не обнаружил. За исключением некоторой странности в поведении старика.

Когда они заняли нужную позицию высоко над платформой, Скрэггер щелкнул передатчиком:

– HST вызывает центр радиолокационного контроля Киш, ухожу с тысячи к «Сирри-1».

– Вас понял, HST. Доложите, когда будете готовы к взлету.

– HST.

Они приготовились к заходу на посадку под крутым углом, который обычно использовался, когда место посадки было окружено высокими зданиями или деревьями. Скрэггер сбросил точно необходимое количество мощности. Вертолет начал плавно опускаться, безукоризненно управляемый пилотом. Девятьсот футов, восемьсот, семьсот, пятьсот... четыреста... триста... Вибрацию в органах управления оба пилота почувствовали одновременно.

– Господи! – охнул Восси.

¹¹ Ветроуказатель.

Однако Скрэггер уже круто качнул машину носом вниз и вдавил рычаг управления общим шагом винта в пол. Вертолет тут же и очень быстро полетел вниз. Двести футов, сто пятьдесят, сто... вибрация усиливалась. Глаза Восси прыгали со шкалы на шкалу, на посадочную площадку, опять на приборы. Он напрягся и застыл на своем сиденье, мозг истошно вопил: рулевой винт вышел из строя или коробка передач рулевого винта...

Посадочная площадка неслась им навстречу, люди внизу в панике бросились врассыпную, пассажиры замерли, испуганные неожиданной крутизной снижения, Восси вцепился руками в край сиденья, чтобы удержаться. Теперь вибрировала вся приборная панель, тон двигателей поменялся. В любую секунду Восси ждал, что рулевой винт откажет полностью, и тогда им конец. Альтиметр показывал шестьдесят футов... пятьдесят... сорок... тридцать... двадцать, и его руки потянулись, чтобы схватить ручку управления и начать выравнивание, но Скрэггер опередил его на долю секунды, перевел двигатели на полную мощность и идеально выровнял машину перед посадкой. На секунду вертолет, казалось, застыл неподвижно в трех футах над площадкой под оглушительный вой двигателей, потом опустился, ударившись, но не слишком сильно, рядом с наружным краем круга, юзом протатился вперед и остановился в шести футах от центра.

Скрэггер выругался себе под нос.

– Господи, Скрэг! – Восси едва мог говорить. – Это было идеально.

– О нет, ничего подобного, я промахнулся на шесть футов. – С усилием Скрэггер отлепил руки от рычагов управления. – Заглуши двигатель, Эд, и как можно быстрее! – Скрэггер открыл дверцу со своей стороны, быстро выскользнул наружу, прошел назад к дверце салона, не обращая внимания на хлеставшие его воздушные потоки от винта, и открыл ее. – На секундочку задержитесь на своих местах! – прокричал он поверх ослабевающего воя реактивных двигателей; его спина покрылась потом от облегчения, когда он увидел, что все сидят пристегнутые и никто не пострадал.

Пассажиры послушно остались в своих креслах, лица у двух из них были нездорового серого цвета. Четыре японца бесстрастно смотрели на него. До чего же невозмутимый народ, черт их возьми! – подумал он.

– Mon Dieu, Скрэг! – выкрикнул де Плесси. – Что случилось?

– Не знаю, думаю, рулевой винт... Как только лопасти остановятся, мы тут же...

– Черт бы тебя побрал, Восси, что за игры ты тут затеял! – Это был Гафари, иранский начальник посадочной площадки, его перекошенное от ярости лицо тряслось рядом с окном пилота. – Как ты посмел выполнять учебные упражнения на этой платформе? Я доложу, что ты использовал опасные приемы пилотирования!

Скрэггер круто повернулся:

– Машину пилотировал я, а не капитан Восси! – Разом огромное облегчение, которое Скрэггер испытал оттого, что безопасно посадил машину, смешалось с его давней неприязнью к этому человеку, и он потерял контроль над собой. – Вали отсюда, Гафари, вали немедленно, или я тебя отделаю раз и навсегда! – Его руки сжались в кулаки, и он был готов это сделать. – ВАЛИ ОТСЮДА!

Остальные в ужасе наблюдали за этой сценой. Восси побледнел. Гафари, выше ростом и тяжелее, чем Скрэггер, поколебался мгновение, потом затряс кулаком у лица Скрэггера, поливая его проклятиями на фарси, потом крикнул по-английски, желая его спровоцировать:

– Чужеземная свинья! Как ты смеешь браниться на меня, угрожать мне! Да я добьюсь, чтобы тебя отстранили от полетов за опасное пилотирование и выкинули вон из Ирана. Вы, собаки, возомнили, что наше небо принадлежит вам...

Скрэггер метнулся вперед, но перед ним неожиданно вырос Восси и своим огромным торсом остановил его.

– Эй, старина, ну надо же, как бывает? Эй, ты уж извини, Скрэг, – безмятежно произнес он, – только нам бы лучше взглянуть на рулевой винт. Скрэг, эй, Скрэг, старина, рулевой винт, а?

Прошло несколько секунд, прежде чем взгляд Скрэггера очистился. Сердце колотилось в груди, он видел, что все на него смотрят. Огромным усилием он подавил в себе гнев.

– Ты... ты прав, Эд. Да. – Он повернулся к Гафари. – У нас... э-э... у нас возникла аварийная ситуация.

Рот Гафари начал издевательски кривиться, и ярость снова заклокотала в Скрэггере, но на этот раз он справился с ней.

Они прошли к хвосту. Вокруг уже собралась толпа работников нефтяной платформы, европейцев и иранцев. Рулевой винт остановился. Одна из его лопастей была дюйма на четыре короче, разлом торчал острым концом. Когда Восс потрогал главный подшипник, оказалось, что тот болтается совершенно свободно – огромная сила биения, вызванного разбалансировкой лопастей винта, разрушила его. За спиной Восси один из пассажиров подбежал к краю платформы, и его буквально вывернуло наизнанку.

– Господи, – пробормотал Восс, – да я его двумя пальцами могу сорвать.

Гафари нарушил молчание своим ревом:

– Очевидный недосмотр при обслуживании, поставивший под угрозу жи...

– Замолчите, Гафари! – сердито оборвал его де Плесси. – *Merde!* Мы все живы, и мы все обязаны жизнью капитану Скрэггеру. Никто не мог этого предвидеть, стандарты компании «С-Г» самые высокие в Иране.

– Я доложу об этом происшествии, мистер де Плесси, и...

– Да, пожалуйста, доложите и помните, что я буду с огромной похвалой отзываться о мастерстве нашего пилота. – Разгневанный де Плесси выглядел впечатляюще. Гафари он терпеть не мог, считая его подстрекателем, который в один момент открыто выступал за Хомейни и подталкивал рабочих к забастовке, при условии, что поблизости не было поддерживающих шаха военных или полицейских, а в другой – раболепствовал перед шахскими властями и наказывал рабочих за малейшую провинность. Чужеземная свинья, вон как? – Не забывайте также, что это совместное франко-иранское предприятие, а Франция не... как бы это выразиться... Франция не осталась недружелюбной к Ирану в тяжелый для вашей страны час.

– Тогда вы должны настоять, чтобы Сирри обслуживали только французы, а не старики! Я немедленно доложу об этом происшествии. – Гафари повернулся и зашагал прочь.

Прежде чем Скрэггер смог сказать или сделать что-нибудь, де Плесси положил руки ему на плечи и поцеловал в обе щеки, а потом с той же сердечностью пожал ему руку:

– Спасибо, *mon cher ami!*

Раздались громкие приветственные крики французов, которые поздравили друг друга, а потом обступили Скрэггера и по очереди торжественно его обняли. Затем вперед выступил Касиги.

– *Домо*¹², – произнес он официальным тоном, и, к еще большему смущению Скрэггера, все четыре японца разом поклонились ему, вызвав новый взрыв приветствий со стороны французов и многочисленные похлопывания по спине.

– Спасибо, капитан, – торжественно сказал Касиги. – Да, мы понимаем и благодарим вас. – Он улыбнулся и протянул ему свою визитку, держа ее обеими руками и сопровождая все это еще одним легким поклоном. – Ёси Касиги, компания «Тода шиппинг индастриз». Благодарю вас.

– Да ничего такого страшного, мистер... э-э... мистер Касиги, – ответил Скрэггер, стараясь преодолеть смущение; гнев у него прошел, и он полностью овладел собой, хотя и пообещал

¹² Спасибо (*яп.*).

себе, что как-нибудь отловит Гафари одного на берегу. – Мы... э-э... у нас есть все необходимое, чтобы держаться на воде, и места было полно, так что мы могли сесть и на воду. Это наша работа – наша работа безопасно посадить машину. И Эд тоже. – Он широко улыбнулся Воссси, понимая, что, вклинившись между ним и иранцем, молодой человек спас его от потасовки, из которой он вряд ли вышел бы победителем. – Капитан Воссси сделал бы то же самое. Это было не слишком опасно... Я просто не хотел, чтобы вы промокли, вода здесь приятная и теплая, правда никогда не знаешь про всякие там «челюсти»...

Напряженность исчезла, и все они рассмеялись, хотя и немного нервно: воды залива и устья рек, в него впадавших, кишели акулами. Теплая вода и изобилие пищевых отходов и канализационных вод, которые страны Персидского залива тысячелетиями сбрасывали в него, привлекали рыб всех форм и видов, особенно акул. И поскольку все пищевые отходы и продукты жизнедеятельности с нефтяных платформ сбрасывались прямо в море, акулы обычно держались поблизости.

– Вам доводилось видеть здесь крупные экземпляры, капитан?

– А как же. У берегов острова Харк, например, живет здоровая акула-молот. Я работал на тамошней базе пару лет, и она мне попадалась на глаза... ну, раз или два каждые несколько месяцев. В ней было футов двадцать пять, может, тридцать. Гигантских скатов я видел много, но из крупных акул – только ее.

Де Плесси передернулся:

– Merde на всех акул! Меня на Сирри одна чуть не сцапала, а я, как вы это говорите, просто балакался у берега. Но акула ринулась на меня прямо по мелководью, причем с такой скоростью, что аж выбросилась на берег. Было в ней футов восемь. Мы всадили в нее шесть пуль, но она продолжала биться и все пыталась до нас добраться. Умирала несколько часов, да и потом ни один из нас не рискнул к ней приблизиться. Фуф, акулы! – Он оглянулся на сломанную лопасть. – Я, скажем, очень рад, что оказался на платформе.

Все согласились. Французы заговорили между собой, жестикулируя, потом двое пошли вытаскивать из вертолета какие-то корзины с крышками, а третий отправился помогать человеку у ограждения, которого все еще рвало. Рабочие разошлись. Японцы ждали и смотрели.

Воссси суеверно коснулся лопасти:

– На удачу, а, Скрэг?

– Почему бы и нет? Если и ты, и пассажиры остались целы, значит посадка прошла нормально.

– Почему лопасть обломилась? – спросил де Плесси.

– Не знаю, дружище, – ответил Скрэггер. – У «Сирри-3» пролетала стая мелких морских птиц, по-моему крачек. Одна из них могла попасть в винт и создать точку концентрации напряжения. Я совершенно ничего не почувствовал, но, с другой стороны, это никак и не ощущается. Я знаю, что винт был в идеальном состоянии сегодня утром, потому что мы оба его проверяли – обычная процедура. – Он пожал плечами. – Форс-мажор.

– Oui. Espère de son! Я, скажем, не люблю быть в такой близости от форс-мажора. – Нахмурившись, он посмотрел на посадочную площадку. – Сможет двести шестой или «алуэтт» вывезти нас отсюда партиями?

– Мы пошлем за другим двести двенадцатым, а нашу птичку припаркуем вон там. – Скрэггер показал на внутреннюю часть площадки рядом с высоко торчащей работающей буровой вышкой. – В багажном отделении у нас есть колеса, так что большого труда это не составит и у вас задержки не будет.

– Хорошо. Хорошо, тогда я вас оставляю. Пойдемте со мной, – важно обратился де Плесси к остальным пассажирам. – Думаю, нам всем не помешает чашка кофе и бокал холодного шабли.

– Я полагал, что на всех платформах действует сухой закон, – сказал Касиги.

Брови де Плесси взлетели вверх.

– Так и есть, мсье. Разумеется. Для иранцев и нефранцузов. Конечно. Но наши платформы французские, и на них действует Гражданский кодекс Наполеона. – Он добавил с величественным видом: – Нам следует отпраздновать наше благополучное прибытие, и сегодня вы гости милой Франции, поэтому мы можем вести себя цивилизованно и немного изменить правилам. Для чего же еще и существуют правила, как не для того, чтобы им изменять? Разумеется. Прошу вас, потом мы начнем осмотр и проведем брифинг.

Все последовали за ним, кроме Касиги.

– А вы, капитан? – спросил он. – Чем вы займетесь?

– Мы будем ждать. Вертолет доставит сюда запчасти и механиков, – ответил Скрэггер, чувствуя себя не в своей тарелке: ему не нравилось быть в такой тесной компании с японцами, он никак не мог погасить в себе воспоминания о стольких друзьях, погибших на войне такими молодыми, тогда как он до сих пор жив-здоров, и постоянный, неотвязчивый вопрос: почему они, а не я? – Мы подождем, пока вертолет не отремонтируют, потом отправимся домой. Почему вы спрашиваете?

– Когда это произойдет?

– До захода солнца. А что?

Касиги бросил взгляд через плечо на сломанную лопасть:

– С вашего разрешения, я бы хотел вернуться с вами.

– Это... это капитану Восси решать. Официально он капитан этого рейса.

Касиги повернулся к Восси. Молодой пилот знал, что Скрэггер недолюбливает японцев, но понять этой неприязни не мог. Сегодня перед самым взлетом он сказал:

– Черт, Скрэг, Вторая мировая закончилась миллион лет назад. Япония теперь наш союзник, единственный большой союзник, который у нас есть в Азии.

Но Скрэггер сказал тогда:

– Оставь ты эту тему, Эд.

И Восси ее оставил.

– Вам... э-э... лучше будет вернуться вместе с остальными, мистер Касиги, никто не знает, сколько времени мы тут пробудем.

– Вертолеты заставляют меня нервничать. Я бы предпочел полететь с вами, если вы не возражаете. – Касиги опять повернулся к Скрэггеру, каменный взгляд темных глаз на многое повидавшем лице. – Ситуация была очень опасной. У вас почти не было времени, и все же вы авторотировали на высоте едва в триста футов, чтобы идеально сесть на это мушиное пятно. Это невероятное мастерство. Единственное, чего я не понимаю: почему вы были под крутым углом, почему заходили на посадку сверху, под большим углом? – Он перехватил взгляд, который Восси бросил на Скрэггера. Ага, подумал он, ты задаешь себе тот же вопрос. – В такой день, как сегодня, для этого нет никаких причин, не так ли?

Скрэггер в упор смотрел на него, встревоженный еще больше:

– Вы летаете на вертолете?

– Нет, но я провел в них достаточно времени, чтобы знать, когда ситуация по-настоящему опасна. Мой бизнес – это танкеры, следовательно нефтяные промыслы здесь, в заливе, в Ираке, в Ливии, на Аляске – повсюду. Даже в Австралии.

Касиги дал поднявшейся волне ненависти прокатиться над ним. Он привык к ней. Он знал ее причину, потому что вел теперь большие дела в Австралии, очень большие дела. Часть этой ненависти заслуженна, подумал он. Часть. Ну да ладно, австралийцы изменятся, им придется измениться. В конце концов, нам принадлежит значительная часть их сырьевых ресурсов на много лет вперед, а скоро будет принадлежать еще больше. Любопытно, что экономическими методами нам так легко удастся добиться того, чего мы не смогли добиться методами военными.

– Пожалуйста, почему вы сегодня решили заходить на посадку под большим углом? При обычном заходе на посадку мы бы сейчас все были под водой, на самом дне. Так почему?

Скрэггер пожал плечами, ему хотелось прекратить этот разговор.

– Командир, – спросил Восси, – почему?

– Повезло.

Губы Касиги сложились в полуулыбку.

– Если вы позволите, я бы хотел вернуться с вами. Жизнь за жизнь, капитан. Пожалуйста, сохраните мою визитку. Может быть, однажды я смогу быть вам полезен. – Он вежливо поклонился и зашагал прочь.

11:56

– Взрывчатка на Сирри, Скрэг? – Де Плесси был потрясен.

– Возможно, – ответил Скрэггер так же тихо.

Они стояли на дальнем краю платформы, далеко от всех, и Скрэггер только что сообщил де Плесси то, что прошептал ему Абдулла.

Второй 212-й уже давно прибыл и ожидал, когда де Плесси даст команду заводить двигатель, чтобы отвезти его и его группу на Сирри, где они должны были обедать. Механики уже разобрали большую часть хвоста на скрэггеровском 212-м и с головой ушли в ремонт. Восси внимательно наблюдал за их работой. Новый винт и коробка передач уже были установлены.

Через секунду де Плесси беспомощно произнес:

– Взрывчатка может быть где угодно, в любом месте. Даже небольшое ее количество способно вывести из строя всю насосную систему. Мадонна, это был бы идеальный ход, чтобы отнять у Бахтияра – или Хомейни – последние шансы вернуться к нормальной жизни.

– Да. Но будьте осторожны, используя эту информацию. И ради всех святых, держите ее при себе.

– Разумеется. Этот человек подошел к вам на «Сирри-3»?

– В Бендер-Ленге.

– Да? Тогда почему вы не сказали мне об этом сегодня утром?

– Времени не было. – Скрэггер огляделся, чтобы убедиться, что их по-прежнему никто не слышит. – Что бы вы ни предприняли, будьте осторожны. Этим фанатикам ровным счетом наплевать на все, человеческая жизнь для них не стоит и пенса, и, если они узнают об утечке информации, о том, что кто-то настучал... трупы будут плавать по всему заливу отсюда до Ормуза.

– Согласен. – Де Плесси был сильно встревожен. – Вы кому-нибудь говорили?

– Нет, приятель.

– Моп Діеу, что мне делать? Служба безопасности... Да какая служба безопасности может быть у нас в Иране? Хотим мы этого или нет, мы в их власти. – Помолчав, он добавил: – Спасибо вам, уже второе за сегодня. Должен сказать, я ожидал серьезного саботажа на Харке и в Абадане – левым на руку добавить побольше хаоса, – но никак не думал, что они и сюда доберутся.

Он задумчиво облокотился на перила, глядя вниз на море, лениво плескавшееся у опор платформы. Кругами ходили акулы, подбывая плавающие в море отбросы. Теперь нам угрожают террористы. Хранилища и насосные станции Сирри – хорошая мишень для диверсии. А если на Сирри что-нибудь произойдет, мы потеряем годы тщательного планирования, годы поставок нефти, в которой Франция отчаянно нуждается. Нефти, которую нам, возможно, придется покупать у этих вонючих англичан с их вонючими месторождениями в Северном море – как они смеют быть такими везучими со своим миллионом тремястами тысячами баррелей в день, да еще прибавлять добычи!

Почему нефти нет около наших берегов или у Корсики? Эти растреклятые англичане с их двуличным, двоедушным подходом к жизни! Прав был де Голль, что не пускал их в Европу, а теперь, когда мы, по доброте сердечной, их приняли, хотя все мы знаем, что они лживые ублюдки, они и думать не думают делиться своей удачей с нами, своим партнером. Они только притворяются, что в ЕЭС они вместе с нами. Они всегда были и будут против нас. Великий Шарль был прав на их счет, но как же невероятно он ошибся с Алжиром! Если бы Алжир до сих пор был нашим, нашей землей и потому с нашей нефтью, мы были бы богаты, довольны, а Британия, Германия и все остальные вылизывали бы нам пятки.

Тем временем что мне делать?

Отправляйся на Сирри и пообедай. После обеда ты лучше соображаешь. Благодарение Богу, мы все еще можем снабжаться через разумные, цивилизованные Дубай, Шарджу и Эль-Шаргаз. Каждый день из Франции свежий бри, камамбер, бурсен, свежий чеснок и масло и настоящее вино, без которого мы с тем же успехом просто могли бы отдать здесь Богу душу. Ну почти с тем же, осторожно добавил он и тут заметил, что Скрэггер внимательно на него смотрит.

– Да, *mon brave*?¹³

– Я говорю, что вы собираетесь предпринять?

– Распоряжусь провести учебную тревогу для охраны, – ответил он величаво. – Похоже, я забыл пункт 56/976 нашего первоначального франко-иранского контракта, который гласит, что каждые шесть месяцев в течение нескольких дней безопасность предприятий должна проверяться на предмет всех и всяческих проникновений посторонних лиц для... э-э... к вящей славе Франции и... э-э... Ирана! – Чистые глаза де Плесси просияли от красоты этой уловки. – Да. Разумеется, мои подчиненные забыли напомнить мне об этом, но теперь мы все дружно впряжемся в эту работу с подлинно французским энтузиазмом. Везде: на Сирри, на платформах, на берегу, даже в Бендер-Ленге! Кретины! Как они смеют думать, что им удастся саботировать то, во что вложены годы труда. – Он огляделся по сторонам. Рядом по-прежнему никого не было. Остальные члены группы собрались возле второго 212-го. – Мне придется рассказать все Касиги из-за его танкера, – тихо проговорил он. – Возможно, это и есть их цель.

– А ему можно доверять? Я имею в виду, сделать все без лишнего шума.

– Да. Иначе нельзя, *mon ami*. Нам придется его предупредить, да, нам придется это сделать. – Де Плесси почувствовал, как в животе у него заворчал. Боже, подумал он, всполошившись не на шутку, надеюсь, это просто голод и меня не ожидает разлитие желчи, хотя после всего, что я сегодня пережил, это было бы неудивительно. Сначала у нас едва не случилась авария, потом наш лучший пилот едва не подрался с этим мешком навоза Гафари, а теперь еще и революция стучится в двери. – Касиги спрашивал, нельзя ли ему полететь с вами. Когда вы будете готовы?

– До захода солнца, но ему совсем не обязательно нас ждать, он может вернуться с вами.

Де Плесси нахмурился:

– Я понимаю, почему вы не любите японцев. Я, скажем, до сих пор не выношу немцев. Но мы должны быть практичными. Он хороший клиент, и раз уж он попросил, я был бы вам признателен, если бы вы... если бы вы... э-э... попросили Восси его отвезти, *mon cher ami*. Да, теперь мы близкие друзья, вы спасли наши жизни, и мы вместе пережили форс-мажор! И он один из наших очень хороших клиентов, – твердо добавил он. – Очень хороших. Благодарю вас, *mon ami*. Я оставлю его на Сирри. Когда вы будете готовы, то сможете забрать его оттуда. Расскажите ему все, что вы рассказали мне. Отлично, значит, решено, и, будьте уверены, я расскажу о вашем мастерстве властям и самому лорду Гэваллану в самых лестных выражениях. – Он вновь просиял. – Ну, мы полетели, я увижу вас завтра.

¹³ Мой храбрец (*фр.*).

Скрэггер посмотрел ему вслед. Выругался про себя. Де Плесси был самым главным, так что поделаться Скрэггер ничего не мог и позже днем весь путь до Сирри просидел в салоне вертолета, потев и ненавидя быть пассажиром.

– Господи, Скрэг! – ошеломленно вскинулся Восси, когда Скрэггер сказал ему, что полетит сзади. – Пассажиром? С тобой все в порядке? Ты уверен, ч...

– Просто хочу посмотреть, на что это похоже, – раздраженно ответил Скрэггер. – Заталкивай свою задницу на капитанское сиденье, забирай этого гада с Сирри и сажай машину в Бендер-Ленге словно перышко, черт подери, а не то я тебе такого напишу в отчете...

Касиги ждал на вертолетной площадке. Укрыться от солнца было негде, ему было жарко, донимала пыль. Песчаные дюны тянулись за его спиной до трубопровода и комплекса нефтехранилищ, грязно-бурые от пыли. Скрэггер смотрел на песчаных дьяволов – небольшие песчаные смерчи, – танцующих над землей, и благодарил судьбу за то, что он мог летать и не должен был работать в таком месте. Да, вертолеты – это всегда много шума, постоянная вибрация, и никогда не знаешь, что они выкинут, думал он, и да, я скучаю по полетам в высоком небе, в самолете, один на один с целым небом, пикирования и перевороты, то падаешь камнем, как орел, то вновь взмываешь ввысь, но полет – это всегда полет, и я до сих пор терпеть не могу сидеть в этом чертовом пассажирском салоне. Ради всех святых, здесь лететь еще хуже, чем в обычном самолете! Он ненавидел летать, не управляя машиной, и никогда в этом случае не чувствовал себя в безопасности; и это лишь добавило ему дискомфорта, когда он махнул рукой Касиги, чтобы тот сел рядом с ним, и с грохотом захлопнул за ним дверцу. Оба механика дремали в сиденьях напротив, их белые комбинезоны были покрыты пятнами пота.

Когда они поднялись в воздух, Скрэггер наклонился поближе к Касиги:

– Иначе как в спешке рассказать не получится, поэтому слушайте: возможно, что Сирри, одна из платформ или, может, даже ваш корабль подвергнется террористическому нападению. Де Плесси попросил меня предупредить вас.

Воздух со свистом вырвался изо рта Касиги.

– Когда? – спросил он, перекрывая сильный шум в салоне.

– Не знаю. Де Плесси тоже не знает. Но это более чем возможно.

– Как? Как они намерены осуществить диверсию?

– Понятия не имею. Оружие или взрывчатка, может быть, бомба с часовым механизмом. Так что вам лучше усилить охрану.

– Она и так оптимальна, – тут же ответил Касиги и увидел, как в глазах Скрэггера промелькнула злость. Какое-то мгновение он не мог понять почему, потом вспомнил, что он сказал секунду назад. – А, извините, капитан, я и не думал хвастаться. Просто у нас всегда очень высокие стандарты в этой области, а в этих водах мои корабли ведут себя... – Он едва не сказал «как на войне», но вовремя спохватился, сдерживая раздражение, которое у него вызывала чувствительность собеседника. – В этих водах все ведут себя более чем осторожно. Пожалуйста, извините меня.

– Де Плесси хотел, чтобы вы были в курсе. И еще чтобы вы держали эту информацию при себе и не привлекали в помощь иранцев.

– Понимаю. Я буду надежно оберегать вашу информацию. Еще раз спасибо.

Касиги увидел, как Скрэггер коротко кивнул, затем откинулся на спинку сиденья. Большая часть японца тоже хотела коротко кивнуть в ответ и все на этом закончить, но, поскольку австралиец спас жизнь его спутникам и ему самому, позволив им таким образом и дальше послужить своей компании и своему лидеру Хиро Тоде, он чувствовал, что его долг – попробовать залечить вражду.

– Капитан, – произнес он так тихо, как только мог, чтобы шум двигателей не заглушил его слова, – я понимаю, почему австралийцы ненавидят нас, японцев, и приношу извинения за

все сингапурские Чанги, все бирманские железные дороги и все злодеяния. Могу лишь сказать вам правду: все это широко преподается в наших школах и не забывается. Нашему народу стыдно, что эти вещи имели место.

Это правда, зло подумал он. Совершение этих злодеяний было глупостью, даже хотя эти дураки и не понимали, что творят злодеяния, – в конце концов, враги были трусами, большинство из них, и, как овцы, сдавались в плен десятками тысяч, утратив свои права человека, согласно бусидо, нашему кодексу, который гласит, что для солдата нет большего бесчестия, чем сдаться врагу. Несколько ошибок, совершенных горсткой садистов, кучкой необразованных крестьян, служивших охранниками в лагерях, большинство из которых к тому же были тупыми пожирателями чеснока, корейцами, – и все японцы обречены страдать вечно. Это позор Японии. И еще один, самый глубокий позор из всех заключался в том, что наш верховный военачальник не выполнил своего долга и поэтому принудил императора к позору, которым было прекращение войны.

– Прошу принять мои извинения за всех нас.

Скрэггер не мигая смотрел на него. После паузы он просто сказал:

– Извините, но я не могу. С одной стороны, мой бывший партнер Форсайт был первым, кто вступил в Чанги; он так никогда и не оправился от того, что там увидел; с другой – слишком многие из моих друзей, не только военнопленные, лишились жизни. Слишком многие. Я не могу забыть. И более того, я не хочу. Не хочу, потому что, если бы я забыл, это было бы для них последним предательством. Мы предали их в дни мира – какого мира? Мы предали их всех, так я думаю. Извините, но так я чувствую.

– Я понимаю. И все же между нами может быть мир, между вами и мной. Нет?

– Может быть. Может быть, со временем.

А-а, время, подумал Касиги, погружаясь в свои мысли. Сегодня я снова был на грани смерти. Сколько времени у нас осталось, у тебя, у меня? Разве время не иллюзия, а вся жизнь не иллюзия внутри иллюзии? А смерть? Предсмертное стихотворение его почитаемого предка-самурая выразило все это совершенно:

Что – облака,
Если не оправдание?
Что – наша жизнь,
Если не бегство от смерти?

Этим предком был Ябу Касиги, даймё Идзу, и болван, и сторонник Ёси Торанаги, первого и величайшего из сёгунов клана Торанага, которые, от отца к сыну, правили Японией с 1603 по 1871 год, когда император Мэйдзи наконец уничтожил сёгунат и поставил вне закона весь класс самураев. Но Ябу Касиги в их роду помнили не за его верность своему повелителю и не за мужество, проявленное в битве, – как помнили его знаменитого племянника Оми Касиги, который сражался за Торанагу в великой битве при Сэкигахаре: Оми оторвало руку, но он продолжил вести солдат за собой в атаку, которая сломила сопротивление противника.

О нет, Ябу предал Торанагу, или попытался его предать, поэтому Торанага приказал ему совершить сэппуку – ритуальное самоубийство посредством вспарывания живота. Ябу почитали за каллиграфию его предсмертного стихотворения и за его мужество во время совершения сэппуку. В тот день, стоя на коленях перед собравшимися самураями, он с презрением отверг услуги второго самурая, который должен был стоять позади него с длинным мечом, чтобы быстро прервать его мучения, отрубив ему голову и таким образом избавив от позора, которым считался крик боли. Ябу взял короткий меч, глубоко вонзил его себе в живот, потом неторопливо совершил четыре режущих движения, самое трудное сэппуку из всех – поперек,

вниз, снова поперек и вверх, – потом вынул руками собственные кишки и умер не сразу, так и не издав ни звука.

Касиги передернулся, представив себя на его месте, он знал, что таким мужеством он не обладал. Современная война – ничто по сравнению с теми днями, когда твой повелитель мог по своей прихоти приказать тебе умереть таким образом.

Он увидел, что Скрэггер наблюдает за ним.

– Я тоже был на войне, – непроизвольно признался он. – Авиация. Я летал на «зеро» в Китае, Малайе и Индонезии. И в Новой Гвинее. Мужество на войне не такое, как... как мужество в одиночку... я хочу сказать, не в бою, не правда ли?

– Я не понимаю.

Я много лет не думал о своей войне, размышлял Касиги, и внезапная волна страха прокатилась по нему; он вспомнил свой постоянный ужас перед тем, что он умрет или останется калек, – ужас, который поглощал его целиком, совсем как сегодня, когда он был уверен, что все они погибнут, и вместе со своими спутниками оцепенел от страха. Да, и сегодня мы все поступили так же, как поступали все те годы на войне: вспоминали свое наследие в Стране Богов, проглатывали свой ужас, как нас этому учили в детстве, притворялись спокойными, изображали гармонию, чтобы не опозорить себя перед другими, вылетали ради императора на задания против врага и выполняли их как можно лучше, а потом, когда он сказал, что мы должны сложить оружие, мы сложили его с благодарностью, как бы стыдно нам ни было.

Для некоторых этот стыд оказался невыносим, и они убили себя древним способом, с честью. Потерял ли я честь, потому что не последовал их примеру? Нет и еще раз нет. Я подчинился императору, который приказал нам вынести невыносимое, потом поступил работать в фирму моего двоюродного брата, как то было predetermined, и служил ему преданно, приумножая славу Японии. Из руин Иокогамы я помог выстроить транспортную компанию «Тода» и сделать ее одной из величайших фирм Японии, строящую огромные корабли, изобретшую супертанкеры, которые становились больше год от года – скоро на стапелях будет заложен первый миллионник. Теперь наши суда повсюду. Они доставляют в Японию сырье и вывозят готовую продукцию. Мы, японцы, по праву считаемся чудом света. Но мы так уязвимы – мы должны иметь нефть, или мы погибнем.

В одном из иллюминаторов он заметил танкер, который, дымя трубой, двигался вглубь залива, другой направлялся в Ормузский пролив. Мост продолжает работать, подумал он. Как минимум один танкер на каждые сто миль отсюда до самой Японии, день за днем, чтобы питать наши заводы, без которых мы умрем с голоду. Все члены ОПЕК знают это, они только туже затягивают удавку и злорадствуют. Как сегодня. Сегодня мне понадобилась вся моя воля, чтобы сохранять внешнее спокойствие на переговорах с этим... этим гнусным французом, от которого разит чесноком и этой тошнотворной, вонючей, полужидкой блевотиной, которую называют бри, когда он нахально потребовал два доллара восемьдесят центов сверх и без того чудовищной цены в четырнадцать восемьдесят за баррель, а я, потомок древнего самурайского рода, вынужден был торговаться с ним, как какой-нибудь гонконгский китаёза.

– Но, мсье де Плесси, вы, безусловно, должны понимать, что по этой цене плюс фрахт и...

– Извините, мсье, но у меня инструкции. Как мы договорились, три миллиона баррелей нефти из Сирии предлагаются вам первым. У нас уже запросили котировки «ЭксТекс» и еще четыре крупнейшие компании. Если вы хотите отказаться...

– Нет, но контракт специально оговаривает «текущую цену ОПЕК», и мы...

– Да, но вы, конечно, знаете, что все поставщики – члены ОПЕК взимают дополнительную комиссию. Не забывайте, что саудовцы планируют снизить добычу в этом месяце, что на прошлой неделе все крупнейшие нефтяные компании распорядились провести новую широкую волну форс-мажорных сокращений поставок, что Ливия тоже сокращает свою добычу. «Бритиш петролеум» увеличила у себя сокращение до сорока пяти процентов...

Касиги хотелось зареветь от ярости, когда он вспомнил, как в конечном счете согласился при условии, что все три миллиона баррелей будут отпущены по той же цене, на что француз сладко улыбнулся и сказал:

– Разумеется, при условии, что вы погрузите их за семь дней.

Однако оба знали, что это невозможно. Знали они и то, что румынская государственная делегация находилась в эти дни в Кувейте, добиваясь поставки трех миллионов тонн сырой нефти, не говоря уже о трех миллионах баррелей, чтобы сбалансировать потерю иранской нефти, которая поступала к ним по ирано-советскому трубопроводу. И что были другие покупатели, десятки покупателей, ждавших, чтобы перехватить его опцион на нефть Сирри, да и все его другие опционы: на нефть, сжиженный природный газ, нефть и прочую нефтехимическую продукцию.

– Очень хорошо, семнадцать шестьдесят за баррель, – благодушно кивнул Касиги, но про себя поклялся, что найдет способ свести счета.

– Только для этого одного танкера, мсье.

– Конечно, для этого танкера, – еще любезнее произнес он.

А теперь этот австралийский пилот нашептывает мне, что и этот танкер может оказаться в опасности. Станный он старик, слишком стар, чтобы летать, и при этом такой мастер, столько знает и умеет, так открыт и так глуп. Глупо быть таким открытым, потому что ты таким образом отдаешь себя во власть другого человека.

Он посмотрел на Скрэггера:

– Вы говорили, что, возможно, со временем между нами может быть мир. Сегодня время у нас обоих едва не вышло, если бы не ваше мастерство и ваше везение, хотя мы называем это кармой. Я и правда не знаю, сколько времени нам отпущено. Может быть, мой корабль завтра взорвет. Я буду на борту. – Он пожал плечами. – Карма. Но давайте будем друзьями, только вы и я... Я не думаю, что мы предадим наших боевых товарищей, ваших и моих. – Он протянул руку. – Прошу вас.

Скрэггер посмотрел на протянутую руку. Касиги усилием воли заставил себя ждать. Потом Скрэггер уступил, полукивнул и крепко пожал руку японца:

– Хорошо, приятель, давай попробуем.

В этот момент он увидел, что Восси повернулся к нему и подзывает его. Скрэггер тут же прошел в кабину:

– Да, Эд.

– Экстренная эвакуация, Скрэг, запрос с «Сирри-3». Один человек из палубной команды упал за борт...

Они тут же полетели туда. Тело плавало в воде рядом с опорами платформы. Его подняли наверх на лебедке. Акулы уже потрудились над ногами, одна рука отсутствовала. Тело покрывали огромные синяки, лицо было непонятным образом обезображено. Это был Абдулла Турик.

Глава 6

НЕПОДАЛЕКУ ОТ БЕНДЕР-ДЕЙЛЕМА. 16:52. Тени становились длиннее. Землю за дорогой покрывали кустарники, а за ними каменистые предгорья поднимались к горам, увенчанным снеговыми шапками, – северному участку гор Загрос. По эту сторону дороги, вдоль речушки и болот, протянувшихся на несколько миль до самого порта, лежал один из нефтепроводов, которые крест-накрест пересекали всю эту местность. Стальные трубы диаметром двадцать дюймов лежали на бетонной эстакаде, которая вела вниз, в дренажную трубу под дорогой, потом уходили под землю. Примерно в миле к востоку лежала деревня – бедная, пыльная, землистого цвета, с домами из кустарных глиняных кирпичей, – и с той стороны приближался небольшой автомобиль. Машина, старая и разбитая, двигалась медленно; мотор, впрочем, звучал почти как новый, слишком новый для такого кузова.

В машине сидели четыре иранца, молодые, чисто выбритые и одетые лучше, чем обычно, хотя все были в пятнах пота и сильно нервничали. Рядом с дренажной трубой автомобиль остановился. Молодой человек в очках, сидевший на переднем сиденье, вышел из машины и притворился, что справляет малую нужду у обочины, пока его глаза внимательно осматривали все вокруг.

– Все чисто, – сказал он.

Тут же два молодых человека с заднего сиденья быстро выбрались из машины и, держа с двух сторон грубую тяжелую сумку, нырнули вниз по земляной насыпи в трубу. Молодой человек в очках застегнул пуговицы на штанах, потом неспешно прошел к багажнику и открыл его. Из-под куска рваного брезента выглядывал короткий ствол чехословацкого пистолета-пулемета. Молодой человек почувствовал себя немного спокойнее.

Водитель вышел, расстегнул штаны и направил в канаву мощную струю.

– Я тоже хотел, Масхуд, да не смог, – проговорил молодой человек в очках, завидуя своему товарищу, вытер пот с лица и поправил очки.

– А у меня перед экзаменами никогда не получается, – ответил Масхуд и рассмеялся. – Дай Бог, университет скоро снова откроется.

– Бог! Бог – это опиум для народных масс, – произнес молодой человек в очках с сухой непреложностью, потом перевел взгляд на дорогу.

Она была по-прежнему пуста в обе стороны, насколько хватало глаз. В нескольких милях к югу солнце отражалось в водах залива. Парень закурил сигарету. Пальцы его дрожали. Время тянулось очень медленно. Кругом роились мухи, от их жужжания тишина казалась еще более глубокой. Вдруг он заметил облако пыли на дороге, по ту сторону деревни.

– Смотри!

Оба прищурились, вглядываясь в даль.

– Это фуры... или грузовики, армейские грузовики? – встревоженно спросил Масхуд, потом подбежал к краю дренажной трубы и крикнул: – Эй, вы, там, давайте быстрее! Что-то едет в нашу сторону!

– Хорошо, – отозвался голос снизу.

– Мы почти закончили, – добавил второй.

Два парня внизу открыли сумку и уже укладывали плоские пакеты взрывчатки тут и там вдоль сварного шва стальной трубы нефтепровода. Труба была одета в чехол из просмоленной холстины для защиты от ржавления.

– Али, давай сюда взрыватель и шнур, – сдавленно приказал тот, что был постарше.

Они оба здорово перепачкались, по грязной коже сбегали ручейки пота.

– Держи. – Али – его мокрая от пота рубашка прилипла к спине – осторожно протянул ему взрыватель. – А ты уверен, что знаешь, как это делается, Биджан?

– Мы же столько часов изучали брошюру. Даже отрабатывали это на практике с закрытыми глазами, помнишь? – Биджан натянуто улыбнулся. – Мы как Роберт Джордан из «По ком звонит колокол». Точь-в-точь как он.

Его напарник поежился:

– Надеюсь, колокол звонит не по нам.

– Даже если и по нам, какая разница? Партия выстоит, и народные массы победят. – Биджан непослушными пальцами неуклюже притиснул хрупкий глицериновый детонатор к одному из взрывпакетов, подсоединил рядом конец запального шнура и навалил сверху оставшиеся пакеты, чтобы он держался.

Сверху снова раздался голос Масхуда, еще более настойчивый:

– Скорей! Это... Нам кажется, это армейские грузовики с солдатами!

На миг оба юноши внизу застыли словно парализованные, потом размотали шнур, спотыкаясь друг о друга от испуга. Они не заметили, как конец шнура, укрепленный рядом с детонатором, выскользнул. Отмерив десять футов шнура на земле, они подожгли дальний конец и бросились бежать. Биджан оглянулся, чтобы все проверить, увидел, что с их конца шнур уверенно искрит и дымится, и тут с ужасом заметил, что второй конец шнура безвольно болтается вдоль края эстакады. Он метнулся назад, дрожащими руками впихнул шнур поближе к взрывателю, поскользнулся и задел взрыватель, который ударился о бетон.

Нитроглицерин взорвался, пакет с взрывчаткой рядом с ним сдетонировал, потом еще один и еще, потом взорвались все остальные, разорвав Биджана на куски вместе с двадцатью футами трубопровода, разнеся свод дренажной трубы, перевернув машину, убив двух из оставшихся парней и оторвав ногу третьему.

Из трубы потоком хлынула нефть. Сотни баррелей в минуту. Нефть должна была загореться, но не загорелась: взрывчатка была заложена и подорвана слишком неумело. Когда два армейских грузовика опасливо остановились в ста ярдах, нефтяное озеро уже достигло реки. Более легкие фракции, летучие, легко испаряющиеся, поплыли по поверхности, тяжелая сырая нефть начала впитываться в берега реки, в болотистую почву, отравляя всю местность вокруг, делая ее крайне опасной.

В двух угнанных грузовиках находилось около двух десятков «зеленых повязок» Хомейни, большинство из них с бородой, остальные небритые – крестьяне, несколько рабочих с нефтяных промыслов, обученный в ООП командир и мулла, – все вооружены, все в поту, грязи и крови после схватки, несколько раненых, капитан полиции в мундире, еще живой, связанный и с кляпом во рту, валялся на полу кузова. Они только что атаковали и захватили полицейский участок к северу отсюда и теперь направлялись в Бендер-Дейлем, чтобы продолжать войну там. Их задача состояла в том, чтобы помочь другим группам установить контроль над гражданским аэропортом в нескольких милях к югу.

Возглавляемые муллой, они подошли к краю взорванной трубы. Несколько секунд смотрели на хлещущую нефть, потом их внимание привлек протяжный стон. Сбросив с плеч автоматы, они осторожно приблизились к перевернутой машине. Юноша с оторванной ногой лежал наполовину придавленный ею и быстро умирал. Мухи поднимались роем, садились и опять поднимались, повсюду кровь и обрывки человеческих внутренностей.

– Кто ты? – спросил мулла, грубо встряхнув молодого человека. – Зачем сделал это?

Юноша открыл глаза. Без очков все вокруг размыло, как в тумане. Он слепо пошарил возле себя, пытаясь их отыскать. Тут страх смерти поглотил его. Он попробовал произнести слова шахады, но изо рта вырвался лишь вопль ужаса. Кровь поднялась к горлу, он начал давиться ею.

– На все воля Бога, – сказал мулла, отворачиваясь.

Он заметил в грязи разбитые очки и поднял их. Одна линза треснула, другая вылетела из оправы.

– Зачем им понадобилось это делать? – спросил один из «зеленых повязок». – У нас ведь нет приказа взрывать трубопроводы. Сейчас нет.

– Должно быть, они коммунисты или эта исламско-марксистская падаль. – Мулла швырнул очки на дорогу. Лицо его было в синяках, длинный халат в нескольких местах разорван, и он очень хотел есть. – По виду студенты. Пусть Аллах убьет всех своих врагов так же быстро.

– Эй, поглядите-ка сюда! – крикнул другой боец. Он обыскивал машину и нашел три пистолета-пулемета и несколько гранат. – Все чехословацкое. Только левые бывают так хорошо вооружены. Эти собаки и вправду враги.

– Хвала Аллаху! Хорошо, это оружие нам пригодится. Грузовики смогут объехать эту яму сбоку?

– Да, без труда, хвала Аллаху, – отозвался его водитель, плотный бородатый иранец. Он был рабочим на одном из нефтяных месторождений и кое-что знал о нефтепроводах. – Нам лучше сообщить об этом взрыве, – нервно добавил он. – Вся эта местность теперь может взлететь на воздух. Я мог бы позвонить на насосную станцию, если мы найдем где-нибудь работающий телефон, или передать сообщение, тогда они смогут остановить утечку. Нам лучше потопиться. Здесь сейчас смертельно опасно, и нефть быстро зальет все кругом ниже по течению.

– На все воля Бога. – Мулла смотрел на разливающуюся нефть. – Все равно будет неправильно попусту терять богатства, которые Бог послал нам. Хорошо, мы постараемся позвонить из аэропорта.

Из булькающего горла юноши вырвался еще один крик о помощи. Они оставили его умирать.

АЭРОПОРТ БЕНДЕР-ДЕЙЛЕМА. 17:30. Гражданский аэропорт не охранялся, был заброшен и не работал, за исключением представительства компании «С-Г», которое перебралось сюда несколько недель назад с острова Харк. Аэропорт имел две короткие взлетно-посадочные полосы, маленькую диспетчерскую вышку, несколько ангаров, двухэтажное административное здание, несколько жилых бараков, а теперь еще и несколько современных трейлеров – собственность «С-Г» – в качестве временного пристанища для сотрудников и головного офиса. Он ничем не отличался от десятков других гражданских аэропортов, которые шах понастроил для местных авиалиний, обслуживавших весь Иран. «У нас будут аэропорты и современное обслуживание», – объявил шах, и его распоряжение было выполнено. Но с тех пор как шесть месяцев назад начались беспорядки и на всех местных авиалиниях были объявлены забастовки, самолеты по всему Ирану перестали летать и аэропорты закрылись. Наземный персонал и сотрудники администрации исчезли. Большинство самолетов оставили под открытым небом, без обслуживания и ухода. Из трех двухмоторных турбореактивных самолетов, припаркованных на площадке перед зданием аэропорта, два стояли на спущенных шинах, у одного было разбито стекло кабины пилота. Керосин из всех топливных баков слили воры. Самолеты имели вид грязный, почти заброшенный. И печальный.

Разительным контрастом на их фоне смотрелись пять сверкающих вертолетов «С-Г» – три 212-х и два 206-х, – выстроившихся идеально ровной шеренгой; они проходили свою ежедневную помывку и последний осмотр за день.

Капитан Рудигер Луц, старший пилот, перешел к последней машине и осмотрел ее так же тщательно, как и все предыдущие.

– Очень хорошо, – наконец произнес он. – Можете убирать их назад.

Он смотрел, как механики и наземные работники-иранцы покатали вертолеты назад в ангары, которые так же сверкали чистотой. Он знал, что многие сотрудники за его спиной смеялись над ним из-за его пристрастия к чистоте и порядку, но это не имело значения до тех пор, пока они выполняли его приказы. Это наша самая большая проблема, думал он. Как добиться, чтобы они подчинялись, как нам функционировать в военной обстановке, когда нами управляют не армейские правила, когда мы просто гражданские лица, оказавшиеся в самой гуще войны, хочет Дункан Мак-Ивер открыто признать это или нет.

Сегодня утром Дюк Старк из Ковисса передал по высокочастотной связи краткую информацию от Мак-Ивера в Тегеране о слухах про нападение на тегеранский аэропорт и восстание на одной из авиабаз в тех краях. Из-за расстояния и гор Бендер-Дейлем не мог напрямую говорить с Тегераном или со своими другими базами, только с Ковиссом. Встревоженный Луц собрал всех работавших у него иностранцев – четырех пилотов и семь механиков, из которых семеро были англичанами, двое американцами, один немцем и один французом, – в таком месте, где их не смогут подслушать, и рассказал последние новости.

– Дело не столько в том, что Дюк говорил, а в том, как он это говорил. Все время называл меня Рудигер, хотя всю жизнь звал просто Руди. Голос у него был какой-то встревоженный.

– Быть встревоженным на Дюка не похоже, если только дерьмо действительно не попало в вентилятор, – обеспокоенно произнес Джон Тайрер, американец и заместитель Руди. – Думаешь, у него проблемы? Думаешь, нам стоит слетать поглядеть, что там в Ковиссе?

– Возможно. Но мы подождем, пока я не поговорю с ним сегодня вечером.

– Я лично думаю, что нам лучше подготовиться к полугочному отлету, Руди, – с уверенностью сказал механик Фаулер Джойнс. – Да. Если старина Дюк нервничает, нам лучше быть готовыми смазать пятки, свалить отсюда.

– Ты с ума сошел, Фаулер! У нас тут в жизни не было никаких неприятностей, – возразил ему Тайрер. – Весь этот район более-менее спокоен, полиция и войска здесь дисциплинированные и держат все под контролем. Черт, да у нас тут пять баз ВВС в радиусе двадцати миль, а это все элита и целиком за шаха. Скоро обязательно будет выступление лоялистов, какой-нибудь переворот.

– А ты когда-нибудь оказывался посреди переворота? Они же, черт бы их побрал, стрелять будут друг в друга, а из меня вояка никакой!

– Хорошо, скажем, тут начнется серьезная заваруха, что вы предлагаете?

Они обсудили разные варианты и возможности. По земле, по воздуху, по морю. До границы с Ираком едва сотня миль, и до Кувейта легко добраться через залив.

– Предупредят нас заранее, и время у нас будет. – Руди говорил уверенным тоном. – Мак-Ивер узнает, если готовится переворот.

– Послушай, сынок, – сказал Фаулер более кисло, чем обычно. – Я знаю компании. Это то же, что твои чертовы генералы! Если действительно запахнет жареным, про нас никто и не вспомнит и останемся мы тут одни-одинешеньки, так что нам лучше выработать план. Я не хочу, чтобы мне башку отстрелили за шаха, Хомейни или даже за господа бога Гэваллана. Я говорю, если что, драпать нам надо, уносить ноги!

– Черт подери, Фаулер! – вскинулся один из пилотов-англичан. – Ты что, предлагаешь нам угнать один из наших собственных вертолетов? Да нас за это навсегда от полетов отстранят!

– Может, так оно и лучше, чем в рай стучаться!

– Нас могут сбить, черт подери! У нас никак не получится... Ты же знаешь, как контролируются все наши полеты и какой тут радар дерганный... Черт, еще хуже, чем в Бендер-Ленге! Мы в воздух не можем подняться, не спросив разрешения завести двигатели...

В конце концов Руди попросил их представить ему чрезвычайные предложения на случай, если понадобится срочная эвакуация по суше, по воздуху или по морю, и оставил их спорить дальше.

Весь день он в тревоге размышлял, что ему делать, что стряслось в Ковиссе и в Тегеране. Как старший пилот, он отвечал за свою команду, а также за дюжину иранских рабочих и Джахана, его радиста, которым он не платил зарплату уже полтора месяца, и за все вертолеты и запчасти к ним. Нам чертовски повезло, что мы выбрались с Харка практически без потерь, думал он, чувствуя, как сжимается желудок. Перевод представительства прошел гладко: все их машины, все важные запчасти и кое-какие из их транспортных средств перевезли сюда в течение четырех дней, не нарушив их плотного графика контрактных полетов и экстренных эвакуаций.

Выбраться с Харка было легко, потому что все хотели отсюда уехать. И как можно быстрее. Даже до начала беспорядков Харк был непопулярной базой, где нечего было делать, кроме как работать и ждать отпуска в Тегеране или дома. Когда начались проблемы, все знали, что для революционеров Харк – главная мишень. Там было много массовых беспорядков, немного стрельбы. Недавно среди бунтующего населения стали замечать все больше повязок ИООП, и командующий вооруженными силами на острове пригрозил, что расстреляет каждого крестьянина на Харке, если беспорядки не прекратятся. С тех пор как они оставили остров несколько недель назад, на Харке было тихо, зловеще тихо.

И обстановка во время перевода базы не была по-настоящему чрезвычайной, напомнил он себе. Как же нам быть, если она такой станет? На прошлой неделе он летал в Ковисс, чтобы

забрать кое-какие специальные запчасти, и спросил Старка, как он намерен действовать в Ковиссе, если ситуация серьезно накалится.

– Так же, как и ты, Руди. Постараюсь действовать в рамках правил компании, от которых в этом случае толку нет, – ответил высокий техасец. – У нас тут есть пара преимуществ: почти все наши ребята раньше служили в том или ином качестве, так что какая-то командная цепочка есть... Только, черт меня возьми, можно сколько угодно планировать и все равно ночами не спать, потому что, когда дерьмо ударит в вентилятор, все будет, как всегда бывает: одни расклеятся, другие – нет, и никогда заранее нельзя сказать, кто как себя проявит и даже как ты сам на все отреагируешь.

Руди не был на такой войне, где стреляют, хотя его служба в германской армии в 1950-х проходила на границе с Восточной Германией, а в Западной Германии ты никогда не забывал о стене, железном занавесе и всех твоих братьях и сестрах по ту сторону и о нависших в ожидании советских легионах и легионах их сателлитов с десятками тысяч танков и ракет позади них – все в каких-то шагах от тебя. И всегда помнил о немецких фанатиках по обе стороны границы, которые боготворят своего мессию Ленина, и о тысячах шпионов, выедающих нам кишки.

Печально.

Сколько их из моего родного города?

Он родился в небольшом городке под Плауэном, недалеко от чехословацкой границы, который теперь находился в Восточной Германии. В 1945-м ему было двенадцать, его брату – шестнадцать, и тот уже находился в армии. Годы войны были для него и его младшей сестры и матери не слишком суровыми. Еды в сельской местности хватало. Но в 45-м им пришлось бежать, спасаясь от советских орд, и они взяли с собой лишь то, что могли унести, присоединившись к огромным массам немцев, бежавших на запад: два миллиона из Пруссии, еще два с севера, четыре из центральной части, еще два с юга, вместе с миллионами чехов, поляков, венгров, австрийцев, болгар – людей со всей Европы, голодных, перепуганных, борющихся за то, чтобы остаться в живых.

Да, остаться в живых, подумал он.

В пути, продрогший, усталый, почти сломленный, он помнил, как ходил с матерью на мусорную свалку где-то под Нюрнбергом. Запомнилась изуродованная войной земля, города, лежавшие в руинах. Мать отчаянно хотела найти на свалке чайник. Их собственный украли предыдущей ночью, новый купить было невозможно, даже если бы у них были деньги. «У нас должен быть чайник, чтобы кипятить воду, иначе мы умрем! – восклицала она. – Мы заболеем тифом или дизентерией, как другие. Нам не выжить без кипяченой воды». Поэтому он отправился с ней, в слезах, убежденный, что это пустая трата времени, но чайник они действительно нашли. Он был старый и помятый, носик погнут, ручка болтается, но крышка была при нем, и он не протекал. Теперь этот чайник, чистый и сверкающий, стоял на почетном месте на каминной полке в кухне их сельского дома под Фрайбург-им-Брайсгау, где жили его жена, сыновья и мать. И раз в год, в ночь перед Новым годом, мама готовила чай на воде, вскипяченной в этом чайнике. И если он был дома, они вместе улыбались, она и он. «Если верить достаточно сильно, сын мой, и пытаться, – каждый раз произносила она шепотом, – ты обязательно найдешь свой чайник. Никогда не забывай, это ты нашел его, а не я».

Внезапно раздались тревожные крики. Руди круто обернулся и увидел, как три армейских грузовика ворвались в ворота, один понесся к диспетчерской вышке, другие – к его ангарам. Грузовики, визжа тормозами, остановились, и революционеры с зелеными повязками попрыгали из кузовов и рассыпались по всей базе, двое побежали в его сторону с автоматами наперевес, крича что-то на фарси, которого он не понимал, остальные начали сгонять его людей в один из ангаров. Холодея от ужаса, Руди поднял руки; сердце бешено колотилось в груди

от внезапности этого нападения. Два человека с зелеными повязками, бородатые и потные от смеси страха и возбуждения, ткнули стволы своих автоматов ему в лицо, и Руди отшатнулся.

– Я безоружен, – выдохнул он. – Что вам нужно? А?

Ни один из них ему не ответил, оба просто продолжали держать его под прицелом. За их спиной ему было видно, как его людей выгоняли из жилых трейлеров и собирали на бетонированной площадке перед ангарами. Другие из нападавших забирались в вертолеты и выпрыгивали из них, обыскивая машины, грубо копаясь внутри. Луц заметил, как один из них вышвыривает аккуратно скатанные спасжилеты из карманов на сиденьях. Вспыхнувшая ярость пересилила страх. Прежде чем он успел сообразить, что делает, он отпихнул стволы автоматов в сторону и бросился к машинам. Секунду казалось, что оба иранца сейчас выстрелят, но они просто побежали за ним следом, догнали и рывком развернули к себе лицом. Один поднял автомат, чтобы ударить его прикладом в лицо.

– Отставить!

Иранец замер.

Человеку, выкрикнувшему эту команду по-английски, было тридцать с небольшим. Это был крупный мужчина в грубой одежде, с зеленой повязкой на рукаве, с короткой бородой, черными вьющимися волосами и темными глазами.

– Кто здесь главный?

– Я! – Руди высвободился от державших его повстанцев. – Что вы здесь делаете? Что вам нужно?

– Мы берем аэропорт под свой контроль во имя ислама и революции. – Человек говорил с акцентом. – Сколько здесь солдат, сотрудников аэропорта?

– Ни одного. Никаких солдат... Из диспетчеров тоже никого, здесь никого нет, кроме нас, – ответил Руди, стараясь отдышаться.

– Нет солдат? – В голосе иранца появились опасные нотки.

– Нет, ни одного. У нас тут были патрули с тех пор, как мы сюда прибыли несколько недель назад. Они появляются время от времени. Но постоянно здесь не находятся. И военных самолетов и вертолетов тоже нет. – Руди ткнул пальцем в направлении ангара. – Скажите этим... этим людям, чтобы они бережнее обращались с моими вертолетами, от этих машин зависят жизни людей, не только наши, но и иранцев.

Человек обернулся и увидел, что там творилось. Он прокричал еще одну команду, обругав своих людей. Они без всякой опаски заорали на него в ответ, потом помедлили минуту и вылезли из машин в сгущающиеся сумерки, оставив за собой хаос.

– Пожалуйста, извините их, – сказал мужчина. – Мое имя Затаки. Я возглавляю комитет Абадана. С Божьей помощью мы теперь управляем Бендер-Дейлемом.

В животе у Руди творилась кутерьма. Его команда экспатриантов и иранских рабочих стояла, замерев, рядом с низеньким административным зданием в окружении направленных на них автоматов.

– Мы работаем на британскую компан...

– Да, мы знаем о «С-Г хеликоптерз». – Затаки повернулся и прокричал еще один приказ; с явной неохотой несколько человек из его группы направились к воротам и начали занимать оборонительные позиции. Он опять обернулся к Руди. – Ваше имя?

– Капитан Луц.

– Вам нечего бояться, капитан Луц, ни вам, ни вашим людям. У вас здесь есть оружие?

– Нет, за исключением легких пистолетов системы Вери, они входят в летный комплект. Сигнальные пистолеты, для подачи сигнала в случае аварии.

– Принесите их. – Затаки повернулся, подошел поближе к группе сотрудников «С-Г» и встал там, изучая их лица.

Руди видел, как напуганы его иранцы, повара, наземные рабочие, слесари, Джахан и Йемени, менеджер из «Иран ойл».

– Это все мои люди, – произнес он, стараясь, чтобы его голос звучал твердо. – Все они – работники «С-Г».

Затаки взглянул на него, потом подошел вплотную, и Руди пришлось напрячь всю свою волю, чтобы опять не отшатнуться.

– Вы знаете, что такое «Моджахедин аль-хальк»? Федаины? Туде? – тихо спросил иранец; Затаки был мощнее Руди и вооружен автоматом.

– Да.

– Хорошо.

Затаки продолжил внимательно изучать иранцев. Одного за другим. Молчание нарастало. Внезапно он ткнул пальцем в одного из них, слесаря. Человек осел под его взглядом, потом сломя голову бросился бежать, что-то крича на фарси. Его быстро схватили, и после нескольких ударов он потерял сознание.

– Комитет будет судить его и приговорит во имя Аллаха. – Затаки бросил взгляд на Руди. – Капитан, – сказал он, и его губы сложились в жесткую улыбку, – я просил вас принести ваши пистолеты Вери.

– Они в сейфе, под надежным замком, – ответил Руди так же жестко, совсем не чувствуя в себе храбрости. – Вы можете забрать их, когда пожелаете. Вертолету они придаются только на время полета. Я... я хочу, чтобы этого человека освободили!

Без предупреждения Затаки развернул автомат и ударил Руди прикладом по голове, но Руди среагировал молниеносно: одной рукой он перехватил автомат, отведя его в сторону, вырвал его из рук иранца и, прежде чем автомат успел упасть на землю, натренированным ребром ладони рубанул Затаки по незащищенному горлу, однако в последнее мгновение остановил смертельный удар, едва коснувшись кожи иранца. Руди отступил назад, совершенно не представляя, что ему теперь делать. Все автоматы были наведены на него.

Тишина сгустилась. Его люди оцепенели от ужаса. Затаки сверлил Руди взглядом, полным ярости. Тени вытянулись, легкий ветерок играл «колдуном», издавая негромкое потрескивание.

– Поднимите автомат!

В еще более пронзительном безмолвии Руди услышал в голосе иранца угрозу и обещание и понял, что его жизнь – жизнь каждого из них – висит на волоске.

– Фаулер, выполняйте! – приказал он, молясь про себя, что сделал правильный выбор.

Фаулер медленно выступил вперед.

– Есть, сэр, так точно, иду! – Ему показалось, что двадцать шагов, которые он проделал, заняли очень много времени, но никто его не остановил, а один из иранцев даже шагнул в сторону, пропуская его. Он поднял автомат, привычным движением поставил его на предохранитель и аккуратно протянул Затаки прикладом вперед. – Он не погнулся и... э-э... совсем как новый, сынок.

Иранец взял автомат и толкнул предохранитель вниз; щелчок прозвучал для всех как удар грома.

– Вы разбираетесь в оружии?

– Да... да, вообще-то. Мы... все механики были... мы все проходили курсы в ВВС... в Королевских военно-воздушных силах то есть, – произнес Фаулер, глядя Затаки в глаза, и подумал: «Какого дьявола я тут делаю, корчу храбреца перед этим вонючим отродьем левой титьки базарной шлюхи?» – Можно нам разойтись? Мы же гражданские, сынок, не солдаты там какие, прошу прощения. Нейтралитет у нас.

Затаки дернул большим пальцем в сторону группы:

– Возвращайтесь на место. – Потом он повернулся к Руди. – Где вы научились карате?

– В армии. В немецкой армии.

– А-а, немецкой. Вы немец? Немцы хорошо относились к Ирану. Не то что британцы или американцы. Кто здесь ваши пилоты, их имена и национальности?

Руди поколебался, потом показал пальцем:

– Капитан Дюбуа, француз, капитаны Тайрер, Блок и Форсайт, англичане.

– Американцев нет?

Руди опять почувствовал, как его желудок куда-то провалился. Джон Тайрер был американцем и имел фальшивое удостоверение личности. В этот момент его ухо уловило звук приближающегося вертолета, он узнал характерное «транк-транк» 206-го и непроизвольно посмотрел на небо вместе со всеми остальными. Затем один из «зеленых повязок» крикнул что-то и вытянул руку вверх, остальные бросились занимать оборонительные позиции, все разбежались, кроме экспатриантов. Они узнали маркировку на борту.

– Все в ангар! – приказал Затаки, когда вертолет появился над летным полем на высоте тысяча футов и начал кружить. – Один из ваших?

– Да. Но не с этой базы. – Руди прикрылся от заходящего солнца; сердце забилось чаще, когда он разобрал маркировку. – Это ЕР-НХТ из Ковисса, с нашей базы в Ковиссе.

– Что ему нужно?

– Очевидно, сесть.

– Узнайте, кто на борту. И без фокусов.

Они вместе прошли к аппарату УВЧ-связи в его кабинете.

– НХТ, вы меня слышите?

– НХТ, слышу вас хорошо. Говорит капитан Старк из Ковисса. – Пауза, потом: – Капитан Луц?

– Да, это капитан Луц, капитан Старк, – сказал Руди, поняв по официальности обращения, что на борту наверняка находятся враждебные лица, так же как и Старк теперь поймет, что здесь тоже не все в порядке.

– Прошу разрешения на посадку. У меня кончается топливо, и требуется дозаправка. Я получил разрешение абаданского центра радиолокационного контроля.

Руди бросил взгляд на Затаки.

– Спросите, кто на борту? – произнес иранец.

– Кто у вас на борту?

Пауза.

– Четыре пассажира. А в чем проблема?

Руди ждал. Затаки не знал, что делать. Любая из военных баз могла их сейчас прослушивать.

– Разрешайте посадку... рядом с ангаром.

– Посадку разрешаю, НХТ. Сажайте машину рядом с восточным ангаром.

– НХТ.

Затаки наклонился вперед и выключил рацию:

– Впредь радиосвязью вы будете пользоваться только с разрешения.

– Мы должны передавать регулярные сообщения на радары Абадана и Киша. Мой радист работает у нас в тече...

Кровь бросилась в лицо Затаки, и он заорал:

– До дальнейших распоряжений радиосвязью пользоваться только в присутствии одного из нас! И никаких взлетов или посадок без нашего разрешения. Вы за это отвечаете. – Его ярость улетучилась так же быстро, как и возникла. Он поднял автомат. Предохранитель был все еще снят. – Если бы вы не остановили удар, то сломали бы мне шею, проломили горло и я бы умер. Так?

– Так, – помолчав, кивнул Руди.

– Почему вы остановились?

– Я... я никого раньше не убивал. Не хотел начинать.

– Я убил многих. Исполняя труд Божий. Многих, хвала Богу. Многих. И убью еще многих врагов ислама с Божьей помощью. – Затаки шелкнул предохранителем. – То, что удар был остановлен, всего лишь воля Бога. Не больше. Я не могу возвратить вам того человека. Он иранец, это Иран, он враг Ирана и ислама.

Они наблюдали из ангара, как 206-й опускается на площадку. На борту было четыре пассажира. Все гражданские, все вооружены автоматами. Переднее сиденье занимал мулла, и натянутые нервы Затаки немного ослабли, но не его гнев. Едва вертолет коснулся бетона, его революционеры выскочили из укрытий и, с автоматами наготове, окружили его.

Муллу Хусейн выбрался из машины. Его лицо посуровело, когда он увидел враждебность Затаки.

– Мир вам. Я Хусейн Ковисси из ковисского комитета.

– Добро пожаловать на мой участок, во имя Бога, мулла, – ответил Затаки, его лицо еще больше помрачнело. – Я полковник Затаки из абаданского комитета. Мы правим в этой местности и не одобряем, когда люди ставят себя между нами и Богом.

– Сунниты и шииты – братья. Ислам есть ислам, – сказал Хусейн. – Мы благодарны нашим братьям на абаданских нефтепромыслах за их поддержку. Давайте отойдем и поговорим. Наша исламская революция еще не одержала победу.

Затаки натянуто кивнул, отозвал своих людей и махнул рукой мулле, чтобы тот последовал за ним туда, где их не могут услышать.

В ту же секунду Руди торопливо подбежал под вращающийся винт.

– Руди, что, черт возьми, происходит?! – спросил Старк из кабины.

Он заканчивал остановку двигателя, чувствуя, как ноют плечи.

Руди рассказал ему.

– А у тебя?

Так же быстро Старк сообщил о том, что произошло ночью на базе и в кабинете полковника Пешади.

– Мулла и эти головорезы вернулись в полдень, и их чуть удар не хватил, когда я отказался брать на борт вооруженных людей. Да, брат, думаю, пусть меня прикончат, но вооруженных людей я не повезу. Это делает нас сообщниками революционеров, а революции этой еще очень далеко до победы: по дороге сюда мы видели сотни солдат и блокпостов на дорогах. – Тяжелым взглядом он окинул базу и группки «зеленых повязок» тут и там; остальные члены команды все еще стояли под охраной возле своих трейлеров, слесарь-иранец все так же лежал без сознания. – Сволочи! – произнес он, вылез из кабины, потянулся, размял затекшие плечи и почувствовал себя лучше. – В конце концов мы пришли к компромиссу. Автоматы они оставили при себе, но я собрал их магазины и сложил в багажном отде... – Он замолчал.

К ним приближался высокий мулла Хусейн. Лопасты винта теперь лениво пробегали над их головами, замедляя свое вращение.

– Капитан, пожалуйста, ключ от багажного отделения, – сказал Хусейн.

Старк передал ему ключ:

– Нам не хватит времени, чтобы вернуться в Ковисс, и не хватит времени, чтобы долететь до Абадана.

– Вы разве не можете летать ночью?

– Могу, но это против ваших правил. Вы надевали наушники, вы слышали, как здесь работает радар. Мы едва успеем подняться в воздух, как нас со всех сторон облепят военные вертолеты и самолеты. Я заправлюсь, и мы переночуем здесь. По крайней мере, я переночую. Если вам нужно в город, вы всегда можете взять машину у своих здешних приятелей.

Хусейн вспыхнул.

– Времени у тебя совсем мало осталось, американец, – сказал он на фарси. – У тебя и всех твоих империалистических паразитов.

– На все воля Бога, мулла, на все воля Бога. Я буду готов к отлету после первой молитвы. После нее я улетаю, с вами или без вас.

– Ты доставишь меня в Абадан, подождешь там, а потом вернешься в Ковисс, как нужно мне и как приказал полковник Пешади!

Старк резко бросил, переходя на английский:

– Если вы будете готовы лететь после первой молитвы! Только мне Пешади ничего не приказывал. Я не подчиняюсь его приказам или вашим. «Иран ойл» попросила меня перевезти вас на этом чартерном рейсе. Мне нужно будет дозаправиться на пути назад.

– Очень хорошо, – раздраженно ответил Хусейн, – мы вылетаем на рассвете. Что касается дозаправки... – Он подумал секунду. – Мы сделаем это на Харке.

И Руди, и Старк в ошеломлении уставились на него.

– Как мы сможем получить разрешение для перелета на Харк? Харк лоялен... э-э... все еще под контролем ВВС. Вы только добьетесь, что нам головы снесут.

Хусейн лишь взглянул на них:

– Вы будете ждать здесь, пока комитет не примет решение. Через час я хочу связаться с Ковиссом по ВЧ. – Он, негодуя, зашагал прочь.

– Эти сукины дети слишком хорошо организованы, Руди, – тихо произнес Старк. – Мы по уши в дерьме – и без весла.

Руди почувствовал, как у него слабеют ноги.

– Нам нужно сорганизоваться, подготовиться свалить отсюда к чертовой матери.

– Займемся этим после ужина. Ты в порядке?

– Я думал, мне конец. Они собираются прикончить всех нас, Дюк.

– Не думаю. По какой-то причине мы для них очень важные персоны. Они нуждаются в нас, именно поэтому Хусейн уступил. Как и твой Затаки. Они могут крепко нас потрянуть при случае, чтобы мы не вольничали, но по крайней мере на ближайшее время мы для них почему-то очень важны. – Старк еще раз попытался прогнать ноющую боль и усталость в спине и плечах. – Эх, сейчас бы к Эрикки в его сауну. – (Они оба обернулись, услышав торжествующую пальбу: несколько «зеленых повязок» стояли, задрав автоматы в воздух.) – Эти сукины дети совсем рехнулись. Из того, что мне удалось подслушать, ясно, что эта операция – часть всеобщего восстания против вооруженных сил. Оружие против оружия. Как у вас тут радиоприем? Би-би-си или «Голос Америки»?

– Между неустойчивым и очень плохим, их глушат день и ночь. Радио «Свободный Иран», понятное дело, как всегда, проходит громко, без помех. – (Это была советская радиостанция, развернутая сразу по ту сторону границы, в Баку на берегу Каспийского моря.) – И «Радио Москвы», как всегда, звучит так, будто разместилось у тебя в саду на заднем дворе.

Глава 7

НЕДАЛЕКО ОТ ТЕБРИЗА. 18:05. В заснеженных горах далеко на севере, рядом с советской границей, 206-й Петтикина быстро перевалил через возвышенность, продолжая подниматься на перевал. Вертолет скользил над верхушками деревьев, следуя извивам дороги вниз.

– «Тебриз-1», вас вызывает НФС из Тегерана. Как слышите? – повторил он уже в который раз.

Опять молчание. Быстро темнело, предвечернее солнце пряталось за плотной серой, тяжелой от снега завесой облаков, раскинувшейся всего в нескольких стах футов над его головой. Петтикин еще раз попытался вызвать базу. Он чувствовал глубокую усталость, его лицо покрывали кровоподтеки, донимала тупая боль от полученных ударов. Ему было неудобно нажимать на кнопку радиопередачи в перчатках, под которыми к тому же мучительно саднили ободранные до крови костяшки пальцев.

– «Тебриз-1», НФС из Тегерана. Как слышите меня?

Снова никакого ответа, но это его особо не тревожило. Связь в горах всегда была плохой, его здесь никто не ждал, и ни у Эрикки Йокконена, ни у начальника базы не было никаких причин устанавливать радиовахту. Дорога ползла вверх, поэтому облачное покрывало опуска-

лось ему на голову, но Петтикин с облегчением увидел, что вершина перевала была все еще свободна от облаков, а по ту сторону дорога убегала вниз, и там, в полумиле от вершины, лежала база.

Сегодня утром дорога до небольшой военной базы Хале-Морги, неподалеку от тегеранского международного аэропорта, заняла у него гораздо больше времени, чем он думал. И хотя из квартиры он вышел еще до рассвета, Петтикин добрался туда, когда холодное солнце уже довольно высоко поднялось в грязном, сером от дыма небе. Ему много раз приходилось сворачивать и двигаться в объезд. Столкновения на улицах все еще продолжались, и многие дороги были перекрыты, некоторые обстоятельно, с настоящими баррикадами, другие, таких было больше, наспех перегорожены обгоревшими остовами машин или автобусов. Множество тел валялось на покрытых снегом тротуарах и дорогах, он видел массу раненых, дважды сердитые полицейские заворачивали его обратно. Но он не отступал, выбирая еще более длинные объездные маршруты. Когда Петтикин добрался до места, то с удивлением обнаружил, что ворота, которые вели на тот участок базы, где располагалась их летная школа, были открыты и никем не охранялись. Обычно там всегда стояли часовые из солдат ВВС. Он въехал и поставил машину в безопасном месте у ангара «С-Г», но не увидел никого из обязательной минимальной команды механиков или дежурного наземного персонала.

День выдался холодным и ясным, и Петтикин был одет для полетов в зимнее время. Снег покрывал летное поле и большую часть взлетно-посадочной полосы. Ожидая, пока кто-нибудь появится, он проверил стоявший в ангаре 206-й, на котором собирался лететь. Машина была в полном порядке. Запасные части для Тебриза – рулевой винт и два гидравлических насоса – находились в багажном отделении. Баки были полные, что давало ему от двух с половиной до трех часов в воздухе – от двухсот до трехсот миль, в зависимости от ветра, высоты и используемой мощности. Ему все равно придется дозаправляться на маршруте. План полета предписывал ему сделать это в Бендер-Энзили, порте на Каспийском побережье. Без особых усилий он выкатил 206-й на площадку перед ангаром. В следующий миг вокруг начался настоящий ад, и он едва не очутился в гуще сражения.

Грузовики с солдатами на полной скорости ворвались в ворота и помчались через поле под градом пуль со стороны основной части базы, где располагались ангары, казармы и административные здания. Другие грузовики понеслись по дороге вдоль периметра базы, стреляя на ходу, потом к ним присоединился гусеничный бронетранспортер «Брен», изрыгая огонь из своих пулеметов. Ошеломленный Петтикин с ужасом узнал на касках эмблему «Бессмертных» и разглядел их погоны. Следом за ними появились бронированные автобусы с военизированной полицией и еще какими-то людьми, которые рассредоточились на его стороне базы, оцепив ее. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, четверо из них схватили его и потащили к одному из автобусов, что-то крича на фарси.

– Ради всего святого, да не говорю я на фарси! – кричал он им в ответ, стараясь вырваться из их рук.

Тогда один из них ударил его кулаком в живот, и он рыгнул, вырвался на свободу и ударил своего обидчика в лицо. Другой тут же выхватил пистолет и выстрелил. Пуля пробила ворот его парки и с жутким взвизгом срикошетила от автобуса, оставив после себя крупинки горящего кордита. Петтикин замер. Кто-то наотмашь хлестнул его по губам, остальные принялись осыпать его ударами и пинками. В этот момент рядом появился полицейский.

– Американец? Ты американец? – зло спросил он на плохом английском.

– Англичанин, – выдохнул Петтикин. Его рот был полон крови, он пытался вырваться от иранцев, прижавших его к капоту автобуса. – Я из вертолетной компании «С-Г», и это моя...

– Американец! Диверсант! – Полицейский сунул пистолет в лицо Петтикину, и тот увидел, как палец напрягся на курке. – Мы в САВАК знаем, вы, американцы, – причина всех наших бед!

Тут сквозь марево обуявшего его ужаса Петтикин услышал голос, прокричавший что-то на фарси, и почувствовал, как державшие его железные руки ослабли. Не веря своим глазам, он увидел возникшего перед ними молодого британского капитана-десантника в защитном комбинезоне и красном берете и двух невысоких тяжеловооруженных солдат с восточными лицами, с гранатами на портупее, рюкзаками за спиной. Капитан с безмятежным видом подбрасывал в левой руке гранату, словно это был апельсин; чека гранаты была на месте. На пояском ремне у капитана висел револьвер и странной формы нож в ножнах. Внезапно он прекратил играть гранатой и показал сначала на Петтикина, потом на 206-й, сердито заорал на полицейских на фарси, повелительно махнул рукой и отдал Петтикину честь.

– Черт подери, смотрите на них поосторожнее, капитан Петтикин! – быстро произнес он с приятным шотландским выговором, потом сбил руку полицейского с руки Петтикина.

Один из полицейских начал было поднимать автомат, но остановился, увидев, как капитан выдернул из гранаты чеку, продолжая удерживать скобу на месте. В тот же миг два его солдата щелкнули затворами автоматических винтовок, держа их небрежно, но наготове. Тот из двоих, что был постарше, широко улыбнулся и проверил, легко ли вынимается нож из ножен.

– Ваша вертушка готова к взлету?

– Д-да... да, готова, – промямлил Петтикин.

– Заводите ее, и как можно быстрее. Дверцы оставьте открытыми, а когда будете готовы взлетать, дайте мне знак, покажите большой палец, и мы все к вам заберемся. Приготовьтесь уходить отсюда низко и быстро. Давайте! Тензинг, пойдешь с ним. – Офицер ткнул большим пальцем в вертолет, стоявший от них в пятидесяти шагах, повернулся назад, опять перешел на фарси, обругал полицейских и приказал им убираться на другую сторону базы, где перестрелка стала чуть менее ожесточенной.

Солдат, которого он назвал Тензингом, зашагал рядом с Петтикином, все еще не вполне пришедшим в себя.

– Пожалуйста, быстрее, сахиб, – сказал Тензинг и прислонился к одной из дверец, держа винтовку наготове.

Петтикин в понуканиях не нуждался.

Мимо пронеслись еще какие-то бронированные машины, но не обратили на них никакого внимания, как и группы полицейских и солдат, с отчаянной поспешностью пытавшихся закрепиться на базе и удержать ее против толпы, приближение которой они уже могли слышать. За их спиной офицер полиции сердито спорил с десантником-британцем, остальные нервно поглядывали через плечо туда, откуда доносился нарастающий гул «Аллаху-у-у-у акбарrrrr!». К этому гулу теперь примешивались частая стрельба и взрывы. В двухстах шагах от забора на окружавшей базу дороге передние ряды толпы подожгли припаркованную машину, и та взорвалась.

Двигатели вертолета ожили, и этот звук привел полицейского в ярость, но в этот момент фаланга вооруженных молодых людей в гражданском ворвалась в ворота с противоположной стороны. Кто-то крикнул: «Моджахеды!» Тут же все по эту сторону базы сконцентрировалось, чтобы их перехватить, и открыли огонь. Воспользовавшись этим как отвлекающим маневром, капитан и второй солдат бросились бежать к вертолету, запрыгнули в него, Петтикин дал полный газ и понесся в нескольких дюймах над травой, принял в сторону, увернувшись от горящего грузовика, и, пьяно раскачиваясь, поднялся в небо. Капитана качнуло, он едва не выронил гранату, попробовал вставить чеку, промахнулся из-за резкого крена, который заложил Петтикин, уходя из-под огня. Десантник сидел на переднем сиденье, отчаянно стараясь удержаться. Он открыл дверцу и аккуратно выбросил гранату за борт, проводив ее взглядом.

Она разорвалась, никому не причинив вреда.

– Славненько, – произнес британец, захлопнул дверцу, пристегнул ремень безопасности, проверил, все ли в порядке у его двух солдат, и показал Петтикину большой палец.

Петтикин едва его заметил. Как только они выбрались за пределы Тегерана, он посадил машину среди редкого кустарника, подальше от дорог и деревень, и осмотрел ее, отыскивая повреждения от пуль. Ничего не обнаружив, он с облегчением вздохнул.

– Господи, не знаю, как вас и благодарить, капитан, – произнес он, протягивая руку; голова у него раскалывалась. – Поначалу я вообще принял вас за чертов мираж. Капитан?..

– Росс. Это сержант Тензинг и капрал Гуэнг.

Петтикин пожал руки и поблагодарил сержанта и капрала, низкорослых, с улыбочивыми лицами, но при этом крепких и ловких. Тензинг был старше своего напарника, ему было лет пятьдесят с небольшим.

– Мне вас небо послало, вас всех.

Росс улыбнулся; зубы на его загорелом лице блеснули ослепительной белизной.

– Я не слишком хорошо себе представлял, как нам удастся выбраться из этой передраги. Не очень-то благовидно это бы смотрелось: прикончить полицейских, любых полицейских, если уж на то пошло, даже САВАК.

– Согласен. – Петтикин ни у кого в жизни не видел таких голубых глаз; он прикинул, что капитану лет тридцать. – Что за чертовщина творилась там на базе?

– Часть личного состава ВВС взбунтовалась, и с ними несколько офицеров, лоялисты примчались наводить порядок. Мы слышали, что сторонники Хомейни и левые подтягивались, чтобы помочь бунтовщикам.

– Ну и каша! Спасибо вам от всего сердца. А откуда вам известно мое имя?

– Мы... э-э... прослышали о выданном вам разрешении на полет в Тебриз через Бендер-Энзили и хотели попросить, чтобы вы нас туда подбросили. Мы сильно задержались и уже думали, что вас не застанем... Нам пришлось сделать черт-те какой крюк, чуть не сгинули. Однако вот мы здесь.

– Благодарение Богу за это. Вы гуркхи?

– Просто... э-э... случайные ребята, так сказать.

Петтикин кивнул с задумчивым видом. Он обратил внимание, что ни у одного из них не было погон или знаков отличия, только капитанские звездочки у Росса и их красные береты.

– А каким образом случайные ребята могут прослышать о планах полетов?

– Даже и не знаю, – безмятежно обронил Росс. – Я просто подчиняюсь приказам. – Он огляделся. Местность вокруг была ровная, каменистая, открытая, на земле лежал снег, и было холодно. – Может, нам стоит двинуться дальше? Мы тут как на ладони.

Петтикин забрался в кабину:

– А что в Тебризе?

– Вообще-то, нам бы высадиться, немного не долетая Бендер-Энзили, если вы не возражаете.

– Конечно. – Петтикин механически начал процедуру подготовки к взлету. – А что там творится?

– Давайте скажем так: нам нужно повидать одного человека насчет собаки.

Петтикин рассмеялся: молодой капитан ему нравился.

– Собак тут везде полно! Что ж, Бендер-Энзили так Бендер-Энзили, и я брошу приставать с расспросами.

– Извините, но вы знаете, как это бывает. Я бы также был вам благодарен, если бы вы забыли, как меня зовут и что мы были у вас на борту.

– А если меня спросят... власти? Наш отлет провожала глазами целая толпа народу.

– Имени я вам не назвал. Просто приказал лететь. – Росс ухмыльнулся. – Прибегнув к грязным угрозам!

– Хорошо. Но вашего имени я не забуду.

Петтикин посадил машину в нескольких милях от порта Бендер-Энзили. Росс сам выбрал место приземления по карте, которую носил с собой. Это был пляж с песчаными дюнами, на приличном удалении от любых деревень; голубые воды Каспийского моря лежали спокойным покрывалом, пестрея рыбацкими суденышками; огромные кучевые облака громоздились в солнечном небе. Здесь местность была почти тропической, воздух влажный, полный насекомых, и – никакого снега, хотя на горах Эльбурс по ту сторону Тегерана лежали тяжелые снеговые шапки. Посадка без разрешения была серьезным нарушением правил, но Петтикин дважды вызывал аэропорт Бендер-Энзили, где он должен был дозаправиться, и ни разу не получил ответа, поэтому он подумал, что особой бедой ему это не грозит: он всегда мог сослаться на аварийную ситуацию.

– Удачи вам, и еще раз спасибо, – сказал он, пожимая им руки. – Если вам когда-нибудь понадобится услуга, любая услуга, я в вашем распоряжении.

Они быстро выбрались из вертолета, закинули за спину свои рюкзаки и направились в дюны. Больше он их никогда не видел.

– «Тебриз-1», вы слышите меня?

Петтикин беспокойно кружил на положенных семистах футах, потом спустился ниже. Никаких признаков жизни – и нигде ни огонька. Испытывая странную тревогу, Петтикин посадил вертолет у ангара. Он остался в машине, готовый в любую секунду снова подняться в воздух, не зная, чего ожидать: новость о бунте военнослужащих в Тегеране, особенно в ВВС, считавшихся элитными войсками, глубоко встревожила его. Но к вертолету никто не подошел. Ничего не произошло. Скрепя сердце Петтикин очень тщательно зафиксировал органы управления и выбрался из кабины, оставив двигатели на ходу. Это было крайне рискованно и против правил – крайне рискованно, потому что, если фиксаторы ослабнут, вертолет мог крутануться на земле и стать неуправляемым.

Но я не хочу, чтобы меня застали врасплох, угрюмо подумал он, еще раз проверил блокировку и быстро зашагал к офису, хрустя снегом. Внутри никого не оказалось, в ангарах – пусто, не считая выпотрошенного 212-го, в жилых трейлерах тоже ни души и никаких признаков человеческого присутствия или следов борьбы. Немного успокоившись, он торопливо обошел весь лагерь. На столе в домике, где жил Эрикки Йокконен, Петтикин обнаружил пустую бутылку из-под водки. Полная бутылка стояла в холодильнике. Ему ужасно хотелось выпить, но алкоголь и полеты никак не сочетались. Петтикин также нашел в холодильнике воду в бутылках, немного иранского хлеба и вяленую ветчину. Он благодарно припал к бутылке с водой. Поем потом, когда все здесь кругом осмотрю, решил он.

В спальне он увидел, что кровать заправлена, но один ботинок лежал рядом с ней, а другой – в углу. Постепенно его глаза отыскивали другие признаки того, что дом был покинут в спешке. Осмотр других трейлеров дал ему новые подсказки. Никаких транспортных средств на базе он не обнаружил, и красный «рейнджровер» Эрикки тоже исчез. Было ясно, что люди торопливо уходили с базы. Но почему?

Петтикин оценивающе посмотрел на небо. Ветер усилился, и он слышал его завывания в заснеженном лесу поверх приглушенного ворчания работавших на холостом ходу двигателей. Холод забирался под его летнюю куртку, в утепленные штаны, в летние ботинки. Тело мучительно ныло, требуя горячего душа – еще лучше сауны Эрикки, – еды, постели, горячего грога и восьмичасового сна. Ветер пока не проблема, подумал он, но дневного света, чтобы дозаправиться и вернуться через перевал вниз, в долину, у меня осталось не больше часа. Или мне остаться на ночь здесь?

Петтикин не был лесным человеком, не был человеком гор. Он знал пустыню и буш, джунгли, вельд и мертвые земли Саудовской Аравии. Безбрежные равнинные просторы никогда его не смущали. А вот холод беспокоил. И снег. Сначала дозаправка, решил он.

Но топлива на базе он не нашел. Ни капли. Сорокагаллонных бочек на складе полно, но все до одной пустые. Ладно, подумал он, борясь с паникой. На сто пятьдесят миль до Бендер-Энзили у меня в баках топлива хватит. Оттуда я мог бы добраться до аэропорта Тебриза или попробовать умыкнуть немного топлива со склада «ЭксТекс» в Ардебиле, но это, черт подери, слишком близко к советской границе.

Он снова посмотрел на небо. Черт! Я могу заночевать либо здесь, либо где-нибудь по пути. Так где же?

Здесь. Это будет безопаснее.

Петтикин заглушил двигатели и откатил свой 206-й в ангар, заперев дверцу вертолета. Тишина навалилась, стала оглушительной. Он помедлил мгновение, потом вышел, закрыв дверь ангара за собой. Ботинки захрустели по снегу. Петтикин направился к трейлеру Эрикки; ветер сердито дергал его за куртку и штаны. На полпути он вдруг остановился и ощутил в животе холодный ком. Ему показалось, что он чувствует на себе чей-то взгляд. Петтикин повернулся кругом, вглядываясь и вслушиваясь в лес, в здания базы. «Колдун» танцевал и дергался под порывами ветра, который трепал верхушки деревьев, поскрипывал стволами, с воем носился по лесу, и Петтикин вдруг вспомнил, как Том Лочарт, сидя у костра в горах Загрос, куда они иногда ездили кататься на лыжах, рассказывал канадскую легенду о Вендиге, злом духе леса, рожденном на крыльях дикого ветра. Вендиге прячется в верхушках деревьев, воет, ждет, как бы захватить тебя врасплох, потом вдруг камнем обрушивается вниз, и ты впадаешь в ужас и бросаешься бежать, но убежать никак не получается, ты чувствуешь спиной его ледяное дыхание и бежишь, несешься, все удлиняя шаги, пока твои ноги не превращаются в кровавые культы, и тут Вендиге хватает тебя, уносит на верхушки деревьев, и ты умираешь.

Петтикин вздрогнул всем телом, остро чувствуя свое одиночество. Любопытно, я никогда не думал об этом раньше, но я почти никогда не бываю один. Всегда есть кто-нибудь рядом: механик, или пилот, или друг, или Дженни, или Мак, или Клэр в былые дни.

Он продолжал напряженно вглядываться в лес. Где-то вдалеке залаяли собаки. Ощущение, что там, за темными ветвями, кто-то есть, было сильным и никак не проходило. Сделав над собой усилие, Петтикин прогнал от себя тревогу, вернулся к вертолету и отыскал легкий пистолет Вери. Шагая к дому Эрикки, он, не пряча, сжимал короткоствольный, огромного калибра пистолет в руке и чувствовал себя теперь гораздо спокойнее. И ощутил еще большую радость, когда запер на задвижку дверь трейлера и задернул занавески.

Ночь опустилась быстро. С наступлением темноты звери вышли на охоту.

ТЕГЕРАН. 19:05. Мак-Ивер шагал по пустынному, усаженному деревьями жилому бульвару, усталый и голодный. Ни один фонарь на бульваре не горел, и он продвигался в полутьме с большой осторожностью; у стен богатых домов по обе стороны дороги намело небольшие сугробы. Издалека холодный ветер донес звуки стрельбы и раскатистое «Аллаху-у-у акбаррр». Мак-Ивер повернул за угол и едва не врезался в танк «центурион», заехавший гусеницей на половину тротуара. Яркий свет фонаря ударил в лицо, на секунду ослепив его. Из засады выдвинулись солдаты.

– Кто вы, ага? – спросил молодой офицер на хорошем английском. – Что вы здесь делаете?

– Я капитан... Я капитан Мак-Ивер, Дункан... Дункан Мак-Ивер, я иду домой из своего офиса, и... моя квартира на другой стороне парка, за следующим углом.

– Документы, пожалуйста.

Мак-Ивер осторожно залез рукой в нагрудный карман. Рядом с удостоверением личности он нащупал две фотографии, одна – шаха, другая – Хомейни, но после всех слухов о мятежах, которые он слышал сегодня, ему было трудно решить, какую из них выбрать, поэтому он не стал доставать ни ту ни другую. Офицер, светя себе фонариком, внимательно ознакомился с его удостоверением. Теперь, когда глаза Мак-Ивера немного привыкли к темноте, он заметил

усталость на лице иранца, небритую щетину на щеках и мятый мундир. Другие солдаты молча наблюдали за ними. Ни один из них не курил, что показалось Мак-Иверу странным. «Центурион» возвышался над ними, зловещий, словно готовый прыгнуть вперед.

– Благодарю вас. – Офицер вернул ему изрядно потертую карточку удостоверения. Снова послышалась стрельба, на этот раз ближе. Солдаты ждали, всматриваясь в ночь. – Вам лучше не выходить из дому после наступления темноты, ага. Спокойной ночи.

– Да, спасибо. Спокойной ночи. – Мак-Ивер с благодарностью продолжил свой путь, гадая про себя, кто были эти люди: лоялисты или мятежники.

Господи, если одни части взбунтуются, а другие останутся верными шаху, начнется такое, что чертям тошно станет! Он снова повернул, дорога и парк за углом были также погружены в темноту и пустынности, хотя не так давно в это время здесь всегда было многолюдно и очень светло, не только от фонарей, но и от света, струившегося из окон зданий. Слуги, люди, дети – все с радостными лицами, смеются, спешат, торопятся туда и сюда. Вот этого мне не хватает больше всего, подумал он. Смеха. Интересно, вернутся ли к нам эти времена когда-нибудь снова?

День у него вышел безрадостный: телефоны не работали, радиосвязь с Ковиссом была плохой, а с другими базами ему вообще не удалось связаться. Снова никто из сотрудников офиса не появился на работе, и это еще больше разозлило его. Несколько раз он пытался отправить телекс Гэваллану, но так и не дождался соединения.

– Завтра все наладится, – вслух произнес он и ускорил шаг: пустынные улицы действовали на нервы.

В их доме было пять этажей, и они занимали один из пентхаусов. Лестницу освещала тусклая лампа, электричество опять подавали с половинным напряжением, лифт не работал уже несколько месяцев. Мак-Ивер тяжело двинулся вверх по ступеням, скудность освещения делала подъем еще более угрюмым. Но, войдя в квартиру, он увидел, что свечи уже ярко горят, и настроение у него поднялось.

– Привет, Дженни! – крикнул он, запер за собой дверь и пристроил на крюк свою старую офицерскую зимнюю шинель. – Наливай!

– Дункан! Я в столовой, зайди на минутку.

Он прошел по коридору, остановился в дверях и разинул рот от удивления. На обеденном столе громоздилась дюжина иранских блюд и вазы с фруктами; свечи повсюду. Дженни лучезарно улыбалась ему. И так же лучезарно улыбалась Шахразада.

– Господь благословенный! Шахразада, это твоя работа? Как же я рад тебя видеть, ко...

– О, я тоже рада тебя видеть, Мак, ты молодеешь с каждым днем, вы оба молодеете, вы уж извините меня за вторжение, – искрящейся, радостной скороговоркой выпалила Шахразада, – но я вспомнила, что вчера у вас была годовщина свадьбы, а это как раз за пять дней до моего дня рождения, а я помню, как ты любишь *хореш* из ягнятины, и праздничный *поло*, и другую всякую всячину, вот мы их и принесли, Хасан, Дэва и я, и еще свечки. – Росточку в ней было чуть больше пяти футов и трех дюймов – тот тип персидской красавицы, который Омар Хайям обессмертил в своих стихах. Она поднялась с кресла. – Ну вот, ты вернулся, и я побежала.

– Погоди, погоди минутку, а почему ты не останешься с нами, не поужинаешь и...

– Ой, я не могу, хотя мне очень бы хотелось. Отец сегодня устраивает прием, и я должна там быть. Это просто маленький подарок, и я оставляю Хасана, чтобы он прислуживал за столом, а потом все убрал, и я так надеюсь, что вы проведете чудный вечер! Хасан! Дэва! – громко позвала она, потом обняла Дженни и Мак-Ивера и побежала к двери, где двое слуг уже ждали ее.

Один распахнул перед ней шубу. Она скользнула в нее, потом набросила сверху темную чадру, послала Дженни еще один воздушный поцелуй и заторопилась прочь в сопровождении

второго слуги. Хасан, высокий иранец тридцати лет, в белой длинной рубаше, черных штанах и с широкой улыбкой на лице, запер за ней дверь.

– Прикажете подавать ужин, мадам? – обратился он к Дженни на фарси.

– Да, пожалуйста, через десять минут, – ответила она со счастливой улыбкой. – Но сначала господин выпьет виски.

Хасан тут же подошел к буфету, налил виски, принес воды, поклонился и оставил их.

– Бог мой, Джен, совсем как в старые времена, – с широкой ухмылкой произнес Мак-Ивер.

– Да. Забавно, правда? Ведь всего несколько месяцев прошло, а? – (До этого у них в доме жила чета слуг: жена – образцовый шеф-повар, изумительно готовившая европейские и иранские блюда, что компенсировало беспечное отлынивание от работы под предлогом болезни, характерное для ее мужа, которого Мак-Ивер окрестил Али-Бабой. Оба они внезапно исчезли, как и почти все слуги в домах иностранцев. Ни объяснений, ни записки.) – Как думаешь, Дункан, у них все в порядке?

– Ну конечно. Али-Баба тот еще жулик, у него уж точно в кубышке припрятано столько, что им надолго хватит. Паула улетела?

– Нет, она остается еще на одну ночь. А Ноггер – нет. Они отправились поужинать с кем-то из ее итальянского экипажа. – Дженни выгнула брови дугой. – Он полагает, что она созрела, метит ей между ног, наш Ноггер. Надеюсь, он ошибается. Паула мне нравится. – Из кухни до них донеслось звяканье посуды, с которой возился Хасан. – Ах, в целом свете нет звуков милее для моих ушей!

Мак-Ивер улыбнулся ей в ответ и поднял бокал:

– Хвала Создателю за Шахразаду и за то, что не будет возни с грязной посудой!

– Это самое приятное. – Дженни вздохнула. – Такая славная девушка, такая заботливая. Том такой счастливчик. Шахразада говорит, он должен прилететь завтра.

– Надеюсь. У него должна быть для нас почта.

– Ты дозволился до Энди?

– Нет, так и не дозволился пока. – Мак-Ивер решил ничего не говорить про танк. – Как думаешь, ты могла бы позаимствовать Хасана или кого-нибудь из других ее слуг на пару дней в неделю? Это здорово бы тебе помогло.

– Я не стану просить ее, ты сам знаешь, как теперь обстоят дела.

– Наверное, ты права, черт побери! Как это все меня достало!

Сейчас иностранцам практически невозможно было найти прислугу, какие бы деньги они ни предлагали. Всего лишь несколько месяцев назад было так легко отыскать прекрасных, заботливых слуг, после чего, с их помощью и благодаря нескольким словам на фарси, ведение домашнего хозяйства превращалось в радость, походы по магазинам – в легкие прогулки.

– Это едва ли не самое славное, что было в Иране, – сказала Дженни. – Такая огромная получалась разница: все муки житья в такой чужой стране пропадали разом.

– Ты все еще считаешь ее чужой? После стольких лет?

– Больше, чем когда-либо. Вся эта доброта, вежливость у тех немногих иранцев, с которыми мы встречались... Мне всегда казалось, что это все было лишь на поверхности, что именно сейчас их подлинные чувства вырвались наружу. Я, конечно, не имею в виду всех и каждого, не говорю о наших друзьях: взять Ануш, например. Я мало кого знаю, кто был бы милее и добрее ее. – (Ануш была женой генерала Валика, старшего из их иранских партнеров.) – Большинство жен чувствовали то же самое, Дункан, – добавила она, погруженная в воспоминания. – Может быть, именно поэтому экспатрианты здесь всегда держатся друг друга: эти групповые выезды на теннис, катание на лыжах, прогулки под парусом, уик-энды на Каспийском море – и слуги, которые носят корзины с едой и посудой на пикниках и убирают за нами. Думаю, мы жили как в раю, но теперь это в прошлом.

– Все вернется. Я от души надеюсь – ради них самих так же, как и ради нас, – что все вернется. Сегодня по дороге домой я вдруг осознал, чего мне теперь не хватает больше всего. Смеха, всего этого смеха. Теперь люди словно разучились смеяться. Я имею в виду, на улицах, даже детишки. – Мак-Ивер маленькими глотками потягивал свой виски.

– Да, этого смеха мне тоже очень не хватает. И шаха тоже жалко. Жалко, что ему пришлось бежать: все было так хорошо налажено, упорядочено, если говорить о нашей жизни, и так еще недавно. Бедняга, и до чего же отвратительно мы с ним обошлись, с ним и с его очаровательной женой. И это после всей той дружбы, которой он одаривал нашу сторону. Знаешь, мне ужасно стыдно: он действительно делал все, что мог, для своего народа.

– К сожалению, Джен, для большинства из них того, что он делал, было недостаточно.

– Знаю. Грустно все это. Жизнь иногда очень грустная штука. Ладно, что толку горевать по убежавшему молоку. Ты голоден?

– Еще как!

От свечей в столовой было тепло и уютно, промозглый холод нетопленной квартиры растаял без следа. Задернутые портьеры не пускали ночь в дом. Хасан тут же принес дымящиеся глубокие чашки с разными хорешами – буквально это слово означало «суп», но на самом деле хореш представлял собой густое рагу из ягнятины или курицы с овощами, изюмом и всевозможными специями – и поло, изумительный иранский рис, который сначала слегка обваривался, а потом запекался в смазанном маслом блюде до образования твердой золотисто-коричневой корочки – одно из их любимейших блюд.

– Благослови Господь Шахразад, увидишь ее – и сердце радуется.

Дженни улыбнулась ему:

– Да, она такая, и Паула тоже.

– Ты и сама ничего, Джен.

– Ладно тебе, но за эти слова можешь выпить еще стаканчик перед сном. Ну, как говорит Жан-Люк, *bon appétit*!¹⁴

Они с энтузиазмом принялись за еду, блюда были восхитительные и напомнили им те ужины, которые они устраивали в своем доме для друзей.

– Джен, сегодня за обедом я столкнулся с Кристианом Толлоненом. Ты помнишь его? Друг Эрикки из финского посольства. Он сказал мне, что паспорт Азаде готов. Это хорошо, но знаешь, что меня ошарашило? Он заметил – так, между делом, – что восемь человек из каждого десятка его иранских друзей или знакомых уже уехали из Ирана и, если этот исход будет продолжаться теми же темпами, совсем скоро в стране останутся одни только муллы и их паства. Тут я стал своих знакомых подсчитывать и, знаешь, пришел примерно к тому же соотношению, если брать тех, кого можно было бы отнести к среднему и зажиточному классу.

– Я не виню их за то, что они уезжают. Я бы сделала то же самое. – Потом она невольно добавила: – Не думаю, что Шахразада уедет.

Мак-Ивер уловил в ее голосе подспудные интонации и изучающе посмотрел на нее.

Дженни поиграла кусочком золотистой рисовой корочки на тарелке и изменила свое решение ничего ему не говорить.

– Только, ради всего святого, не говори Тому, а то его удар хватит... да я и не знаю, сколько в этом правды, а сколько идеалистических фантазий юной девушки... но она тут мне радостно нашептала, что провела большую часть сегодняшнего дня в Дошан-Тапехе, где, по ее словам, началось настоящее восстание, с автоматами, гранатами и всем остальным...

– Господи!

– ...всей душой на стороне, как она их называла, «наших славных борцов за свободу», к которым, как я понимаю, относятся солдаты и курсанты ВВС, несколько офицеров, «зеленые

¹⁴ Приятного аппетита (*фр.*).

повязки», поддержанные тысячами людей из гражданского населения, против полиции, верных шаху войск и «Бессмертных»...

Глава 8

АЭРОПОРТ БЕНДЕР-ДЕЙЛЕМА. 19:50. С заходом солнца прибыли новые группы вооруженных революционеров, и теперь охрана стояла у всех ангаров и на всех подходах к аэропорту. Затаки сказал Руди Луцу, что сотрудникам «С-Г» запрещено покидать территорию аэропорта без разрешения, что они должны продолжать работать как обычно и что один или несколько из его людей будут сопровождать теперь каждый полет.

– Ничего не произойдет, если вы все будете подчиняться приказам, – говорил Затаки. – Эта ситуация временная, пока идет смена незаконного правительства шаха на новое народное правительство. – Иранец старался держаться уверенно, но его нервозность и нервозность его плохо обученных людей выдавала полковника с головой.

Старк слышал, как иранцы приглушенно переговаривались между собой, и сообщил Руди, что повстанцы в любой момент ждут появления верных шаху войск и начала контратаки. К тому времени, когда ему, Руди и второму американскому пилоту Джону Тайнеру удалось добраться до радиоприемника в трейлере Руди, сводка новостей почти закончилась, и то немного, что они услышали, не сулило ничего хорошего.

«...и правительства Саудовской Аравии, Кувейта и Ирака опасаются, что политическая неразбериха в Иране приведет к дестабилизации ситуации во всем регионе Персидского залива, а султан Омана, как нам сообщают, заявил, что проблема заключается не только в опасности распространения смуты, что это еще одно удобное прикрытие для попыток Советской России использовать свою группу государств-прихлебателей для создания в Персидском заливе ни много ни мало колониальной империи, конечная цель которой – обладание Ормузским проливом.

Из Ирана сообщают, что ночью велись ожесточенные бои между взбунтовавшимися, поддерживаемыми Хомейни курсантами тегеранской базы ВВС в Дошан-Тапехе, на помощь которым пришли тысячи вооруженных гражданских лиц, и полицией, верными шаху войсками и „Бессмертным“, элитным подразделением шахской императорской гвардии. Впоследствии к бунтовщикам присоединились свыше пяти тысяч левых из марксистской группы „Сайхал“, часть которых прорвалась в арсенал базы ВВС и вынесла оттуда все оружие...»

– Господи! – вырвалось у Старка.

«...Тем временем аятолла Хомейни вновь потребовал отставки правительства в полном составе и призвал общественность поддержать его выбор премьер-министра, Мехди Базаргана, убеждая всех солдат, летчиков и моряков выступить в его поддержку. Премьер-министр Бахтияр опроверг слухи об опасности военного переворота, но подтвердил концентрацию советских вооруженных сил в приграничных районах...»

Цена на золото достигла рекордной отметки в двести пятьдесят четыре доллара за унцию, а курс доллара резко упал по отношению ко всем валютам. На этом мы заканчиваем выпуск новостей из Лондона».

Руди выключил приемник. Они сидели в гостиной трейлера. В одном из ящичков хранилась запасная высокочастотная рация, которую, как и радиоприемник, Руди собрал своими руками. На буфете стоял телефон, подключенный к телефонной линии авиабазы. Он не работал.

– Если Хомейни одержит победу в Дошан-Тапехе, то вооруженным силам придется выбирать, – убежденно произнес Старк. – Переворот, гражданская война или сдача.

– Они не сдадутся, это же будет самоубийство. Да с чего, черт подери, им сдаваться?! – вспыхнул Тайрер, расхлябанный американец из Нью-Джерси. – И не забывайте про элиту ВВС, про тех, с которыми мы встречались, ну. Этот бунт – всего лишь кучка местных тупоголовых бузотеров. Главное, что ошарашило, так это примкнувшие к ним марксисты, надо же, пять тысяч! Господи Иисусе! Если они сейчас на свободе и при оружии! Мы, черт побери, совсем из ума выжили, если до сих пор сидим тут, а?

– Хочу сказать, что мы тут, однако, по своей воле, – заметил Старк. – Компания говорит, если кто захочет уехать, стаж за ними сохранится. Написано черным по белому. Ты хочешь уехать?

– Нет-нет, пока еще нет, – раздраженно бросил Тайрер. – Но только что нам делать-то?

– Пока не попадаться под руку Затаки, – сказал Руди. – Этот сукин сын – псих.

– Это ясно, – кивнул Тайрер, – но нам нужен план.

Раздался резкий стук, и дверь распахнулась. На пороге стоял Мухаммед Йемени, директор их базы, представлявший «Иран ойл», симпатичный, чисто выбритый мужчина на пятом десятке, который проработал здесь год. Его сопровождали два охранника.

– Ага Кияби на связи по ВЧ. Он хочет немедленно говорить с вами, – произнес Йемени с неподобающей ему властью в голосе. Кияби был директором «Иран ойл» по их региону и самым большим чиновником в Южном Иране.

Руди тут же щелкнул тумблером высокочастотной рации, которая связывала его со штаб-квартирой Кияби, неподалеку от Ахваза, к северу от Бендер-Дейлема. К его огромному удив-

лению, аппарат не включился. Он несколько раз щелкнул тумблером, пока Йемени не сообщил с открытой издевкой:

– Полковник Затаки приказал отключить электроэнергию и вашу рацию. Вы воспользуетесь аппаратом в главном управлении базы. Немедленно!

Никому из них не понравился этот тон.

– Я буду через минуту, – сказал Руди.

Йемени нахмурился и обратился к охранникам на грубом фарси:

– Поторопите эту чужеземную собаку!

Старк резко выпалил на фарси:

– Это шатер нашего правителя! Священный Коран устанавливает очень четкие законы о защите вождя племени в его шатре против людей с оружием. – Оба охранника остановились, ошарашенные; Йемени, разинув рот, уставился на Старка: он никак не ожидал, что американец говорит на фарси, а потом отступил на шаг, когда Старк поднялся во весь свой рост и продолжил: – Пророк, да будет имя Его благословенно, положил правила приличий в отношениях между друзьями, но также и между врагами. И еще Он говорил, что собаки – животные нечистые. Мы люди Книги, и мы не нечистые животные.

Йемени залился краской, круто повернулся и вышел. Старк вытер о штаны вспотевшие ладони:

– Руди, давай посмотрим, что там с Кияби.

Они последовали за Йемени, сопровождаемые охранниками. Ночь была ясной, и Старку после тесноты крошечного офиса воздух казался особенно сладостным и свежим.

– Что у вас вышла за перепалка? – спросил Руди.

Старк объяснил, думая о своем, всем сердцем желая оказаться опять в Ковиссе. Ему страшно не хотелось оставлять Мануэлу, но он решил, что там она будет в большей безопасности, чем в Тегеране.

– Милая, – сказал он перед самым уходом, – я тебя вытащу, и глазом моргнуть не успеешь.

– Мне здесь ничего не грозит, дорогой. Словно в Техасе. Спешить мне некуда, дети живыми-здоровыми добрались до Лаббока. Я оставалась в Англии, пока не получила подтверждения, что они дома, а ты знаешь, что дедушка Старк за ними присмотрит как надо.

– Это ясно. С детьми все будет в порядке, но я хочу, чтобы ты покинула Иран как можно скорее.

Он услышал голос Руди, который спрашивал:

– А что это за люди Книги?

– Христиане и евреи, – ответил Старк, размышляя, как сделать так, чтобы 125-й полетел в Ковисс. – Мухаммад считал нашу Библию и Тору тоже Священными Книгами: многое из того, что есть в них, есть и в Коране. Многие ученые, наши ученые, полагают, что он просто переписал их, хотя мусульманская легенда гласит, что Мухаммад не умел ни читать, ни писать. Он воспроизводил Коран по памяти, весь целиком, можешь себе представить? – Это достижение до сих пор вызывало у Старка восхищение. – Другие записали его слова, уже через много лет после его смерти. Говорят, на арабском текст фантастически прекрасен, это поэзия.

Впереди они видели трейлер управления базы, кутивших в двери охранников, и Старк ощутил приятное чувство удовлетворения оттого, что поставил на место Йемени и в течение всего дня успешно справлялся с муллой Хусейном – пятнадцать посадок, все выполнены безукоризненно, ожидание на платформах, где мулла горячо призывал рабочих встать на сторону Хомейни и где не появилось ни одного солдата, полицейского или человека из САВАК, хотя они ждали их появления в любую секунду и уж точно при следующей посадке. Йемени – куриный помет в сравнении с Хусейном, подумал он.

Затаки и оба муллы ждали их внутри трейлера. Джахан, радист, сидел у ВЧ-рации. Затаки обосновался за рабочим столом Руди. Раньше в кабинете всегда было очень чисто. Теперь в

нем царил кавардак: ящики с папками выдвинуты, кругом бумаги, грязные чашки, сигаретные окурки в них и на полу, недоеденная еда на столе – рис с козлятиной. Воздух пропитался табачным дымом.

– Mein Gott! – гневно воскликнул Руди. – Это же verrückte¹⁵ свинарник, и в...

– МОЛЧАТЬ! – взорвался Затаки. – У нас военная обстановка, нам нужно все обыскать! – Потом добавил уже спокойнее: – Вы... вы можете прислать одного из своих людей, чтобы он тут прибрался. Кияби про нас вы ничего не скажете. Будете вести себя как обычно и следовать моим указаниям, будете все время смотреть на меня. Вам понятно, капитан?

Руди кивнул с каменным лицом. Затаки сделал знак радисту, который заговорил в микрофон:

– Ваше превосходительство Кияби, капитан Луц у аппарата.

Руди взял у него микрофон.

– Слушаю, Босс, – сказал он, воспользовавшись придуманным ими для него прозвищем. И он, и Старк знали Юсуфа Кияби уже несколько лет. Кияби окончил Техасский сельскохозяйственный и механический университет, потом обучался в «ЭксТекс», прежде чем стать руководителем южного сектора, и у них с ним были хорошие отношения.

– Добрый вечер, Руди, – произнес голос по-английски с американским акцентом. – У нас утечка на трубопроводе, где-то севернее вас. Серьезная – только что зарегистрирована на наших насосных станциях. Один Бог знает, сколько баррелей уже потеряно или сколько еще остается в трубе. Я не объявляю экстренную эвакуацию, но хочу, чтобы на рассвете вертолет ее обнаружил. Вы сможете забрать меня пораньше?

Затаки согласно кивнул, поэтому Руди ответил:

– О'кей, Босс. Прилетим сразу после рассвета, так быстро, как только получится. Какая машина вам понадобится, двести шестая или двести двенадцатая?

– Двести шестая. Буду я и мой главный инженер. Прилетайте сами, хорошо? Возможно, это диверсия, а может быть, поломка. У вас в Бендер-Дейлеме никаких проблем не возникло?

Руди и Старк очень остро ощутили присутствие в комнате автоматов.

– Да нет, не больше, чем обычно. До завтра.

Руди торопился закончить разговор, зная, что Кияби обычно не стеснялся в выражениях, когда говорил о революционерах. Он не одобрял неповиновения, не одобрял фанатизма Хомейни и просто ненавидел, когда все это нарушало работу их нефтяного комплекса.

– Погодите минутку, Руди. Мы слышали, в Абадане новая волна беспорядков. И до нас доносились звуки стрельбы в Ахвазе. Вы не знали, что вчера американец-нефтяник и один из наших собственных людей попали в засаду и были убиты недалеко от Ахваза?

– Да, Томми Стэнсон. Гнусное дело.

– Очень. Да ниспошлет Аллах проклятье на всех убийц! Туде, моджахедов, федаинов – всех, кто бы они ни были, будь они прокляты!

– Извините, Босс, надо бежать, увидимся завтра.

– Да. Хорошо, поговорим завтра. Иншаллах, Руди. Иншаллах!

Рация замолчала. Руди с облегчением выдохнул. Он, кажется, не услышал того, что могло бы повредить Кияби. Если только эти люди были тайными членами Туде или одной из других экстремистских сект, а не сторонниками Хомейни, как они утверждали. «Все наши экстремисты используют мулл в качестве ширмы или стараются их использовать, – говорил ему Кияби. – К сожалению, в большинстве своем муллы бедные тупоумные крестьяне и оказываются легкой добычей для подготовленных подстрекателей. Да будет проклят Хомейни...»

Руди почувствовал, как у него вспотела спина.

¹⁵ Безумный (нем.).

– Один из моих людей полетит с вами, и на этот раз вы не станете забирать магазин его автомата, – сказал Затаки.

Нижняя челюсть Руди выдвинулась вперед, а атмосфера в комнате сгустилась.

– Я не полечу с вооруженными людьми. Это противоречит правилам моей компании, правилам полетов и в особенности распоряжениям Иранского управления гражданской авиации. Нарушение распоряжений управления влечет за собой отзыв наших лицензий, – сказал он, глядя на них с открытой неприязнью.

– Может, мне пристрелить одного из ваших людей, если вы не подчинитесь? – Затаки в ярости смахнул чашку со стола, и она запрыгала по комнате.

Старк выступил вперед с тем же выражением гнева на лице. Автомат Затаки повернулся в его сторону.

– Разве сторонники аятоллы Хомейни – убийцы? Разве таков закон ислама?

Какое-то мгновение Старк думал, что Затаки сейчас нажмет на курок, потом со своего места поднялся мулла Хусейн.

– Я полечу на вертолете. – Мулла повернулся к Руди. – Вы клянетесь, что не будете хитрить и вернетесь сюда без всяких уверток?

После недолгой паузы Руди нервно пробормотал:

– Да.

– Вы христианин?

– Да.

– Поклянитесь Богом, что не обманете нас!

Снова пауза.

– Хорошо, – сказал Руди. – Клянусь Богом, что я не обману вас!

– Как можно ему верить?

– Я не верю, – просто сказал Хусейн. – Но если он обманет Бога, Бог накажет его. И его спутников. Если мы не вернемся или он привезет с собой беду... – Мулла пожал плечами.

АБЕРДИН, ПОМЕСТЬЕ ГЭВАЛЛАНА. 19:23. Они сидели в комнате с телевизором и смотрели на большом экране запись сегодняшнего перенесенного матча по регби между сборными Шотландии и Франции – Гэваллан, его жена Морин, Джон Хогг, обычно пилотировавший их 125-й, небольшой реактивный самолет, принадлежащий компании, и еще несколько пилотов. Счет был 17:11 в пользу Франции, время шло к середине второго тайма. Мужчины разом застонали, когда шотландец не удержал мяч, французский форвард перехватил его и продвинулся на сорок ярдов.

– Ставлю десять фунтов, что Шотландия все равно выиграет! – объявил Гэваллан.

– Идет, – откликнулась его жена и расхохоталась, увидев выражение его лица. Она была высокой, рыжеволосой, в элегантном зеленом платье в тон ее глаз. – В конце концов, я наполовину француженка.

– На четверть. Твоя бабушка была нормандкой, *quelle horreur*¹⁶, и она...

Оглушительный взрыв ликования прокатился по комнате, заглушив его остроу: шотландский полузащитник в схватке завладел мячом, перебросил его крыльевому, тот – следующему игроку, который оторвался от кучи, сшиб со своего пути двух соперников и устремился к зачетной зоне в пятидесяти шагах впереди, уворачиваясь, с фантастической ловкостью меняя направление, вот он споткнулся, но каким-то чудом удержался на ногах и метнулся вперед в последнем волнующем, великолепном броске, чтобы нырнуть за линию – и тут же быть погребенным под кучей тел и громом рукоплесканий. Попытка! Счет теперь 17:15. А успешная реализация доведет его до ничейного.

¹⁶ Какой ужас (*фр.*).

– Шотландия, вперре-о-о-о-о...

Дверь открылась, появился слуга. Гэваллан тут же поднялся с места, с болезненным нетерпением проследил за ударом, который принес нужные очки, и облегченно выдохнул.

– Удвоим ставку, Морин? – крикнул он поверх бури воплей и заторопился из комнаты.

– Идет! – выкрикнула она ему вдогонку.

Придется-таки ей расстаться с двадцаткой, подумал он, крайне довольный собой, пересек коридор большого, беспорядочно выстроенного старого дома, который был обставлен добротной мебелью со старой кожей, хорошими картинами и прекрасным антиквариатом – многие предметы были привезены из Азии, – и вошел в свой кабинет напротив. В кабинете его шофер, а также заряжающий на охоте и человек, пользовавшийся его полным доверием, поднял трубку одного из двух телефонов:

– Извините, что прерываю, сэр, мне...

– Вы дозвонились до него, Уильямс? Здорово... счет ничейный, семнадцать – семнадцать.

– Нет, сэр, сожалею, все линии по-прежнему заняты... но я подумал, что этот звонок достаточно важен... Сэр Иэн Данросс.

Разочарование Гэваллана мигом улетучилось. Он взял трубку. Уильямс вышел и закрыл за собой дверь.

– Иэн, как здорово, что ты позвонил, вот уж приятный сюрприз!

– Привет, Энди, ты не мог бы говорить погромче? Я звоню из Шанхая.

– Я думал, ты в Японии, тебя я слышу хорошо. Как идут дела?

– Великолепно! Лучше, чем я ожидал. Послушай, мне нужно спешить, но у меня тут прозвенел один звоночек, даже два. Первый: тайбаню срочно нужен какой-нибудь финансовый успех, чтобы вытащить себя и «Струанз» из дыры в этом году. Что у нас с Ираном?

– Все утверждают, что там всё успокоится, Иэн. Мак контролирует ситуацию, насколько это возможно. Нам пообещали передать все контракты «Герни», поэтому, со своей стороны, мы дадим все и даже больше, даже удвоим прибыль, если только не случится какого-нибудь форс-мажора.

– Наверное, тебе следует исходить из того, что может и случиться.

Приподнятое настроение Гэваллана тут же испортилось. Раз за разом его старый друг частным образом передавал ему какое-нибудь предупреждение или информацию, которая позже оказывалась поразительно точной. Он так и не узнал, откуда Данросс берет эти сведения или от кого, но ошибался он крайне редко.

– С этой минуты я так и буду действовать.

– Следующее. Я только что узнал, что отдано тайное распоряжение – на очень высоком уровне, возможно, даже на уровне кабинета – о перестановках, как финансовых, так и административных, в «Импириэл эр». Это вас как-то коснется?

Гэваллан помедлил с ответом. «Импириэл эр» была владельцем «Импириэл хеликоптерз», его главного конкурента в Северном море.

– Не знаю, Иэн. По моему мнению, они попусту растрачивают деньги налогоплательщиков. Реорганизация им точно бы не помешала. Мы бьем их одной левой по всем статьям, какие только приходят в голову: безопасность, тендеры, оборудование... Я, кстати, заказал X63.

– Тайбань знает?

– От этой новости у него чуть зад не прорвало. – Гэваллан услышал знакомый хохоток и на миг почувствовал себя в Гонконге, в старые дни, когда Данросс был тайбаном, когда жизнь шла по натянутой проволоке, но была дико интересной, когда Кэти была Кэти и ничем не болела. Йосс, подумал он и снова сосредоточился. – Все, что касается «Импириэл эр», – важно. Я немедленно все проверю. Другие новости бизнеса отсюда очень хорошие. Новые контракты

с «ЭксТекс». Я собирался объявить о них на следующем заседании правления. «Струанз» ведь опасность не грозит, правда?

Снова этот хохоток.

– Благородный Дом всегда в опасности, парень! Я просто хотел тебя проинформировать... Нужно бежать... Передай Морин мою любовь.

– И Пенелопе. Когда мы увидимся?

– Скоро. Я позвоню, как получится. Передай большой привет Маку, когда его увидишь. Пока.

Погруженный в раздумье, Гэваллан присел на край дорогого рабочего стола. Его друг всегда говорил «скоро», и это могло означать месяц, или год, или даже два года. Уже больше двух лет прошло с тех пор, как я в последний раз с ним пересекался, подумал он. Жалко, что он уже не тайбань! До чего ж обидно, что он ушел! С другой стороны, для всех нас приходит время двигаться дальше и освобождать место. «С меня довольно, Энди, – сказал ему тогда Данросс. – „Струанз“ чувствует себя лучше некуда, семидесятые обещают быть фантастической эрой для роста и экспансии и... Ну, все это перестало быть увлекательным». Этот разговор состоялся сразу после того, как ненавистный соперник Данросса Квиллан Горнт, тайбань компании «Ротвелл-Горнт», утонул во время несчастного случая на яхте у берегов Шатянь в гонконгских Новых Территориях.

«Импириэл эр»? Гэваллан взглянул на часы, потянулся к телефону, но рука его замерла, когда он услышал негромкий стук в дверь. Морин просунула голову в комнату и просияла, увидев, что он не говорит по телефону.

– Я выиграла, двадцать один – семнадцать. Ты занят?

– Нет, заходи, дорогая.

– Не могу, нужно проверить, готов ли ужин. Через десять минут? Можешь заплатить мне сразу, если хочешь!

Он рассмеялся, поймал ее, крепко обнял:

– После ужина! Вы сногшибательная птичка, миссис Гэваллан.

– Хорошо, смотри только, не забудь. – Ей было уютно в его объятиях. – С Маком все в порядке?

– Это Иэн звонил. Просто передать привет. Из Шанхая.

– Ага, вот еще один очень милый человек. Когда мы его увидим?

– Скоро.

Снова она рассмеялась вместе с ним, ее глаза танцевали, кожа отливала цветом молока. Впервые они встретились семь лет назад в Эвисьярд-Касл, где тогдашний тайбань Дэвид Мак-Струан давал бал в канун Нового года. Ей было двадцать восемь, она только что развелась, детей не было. Ее улыбка сдула тогда все паучьи тенета, опутывавшие его сознание, и Скот прошептал ему на ухо: «Пап, если ты не притащишь вон ту женщину к алтарю, значит ты и вправду с ума сошел». Его дочь Мелинда сказала ему то же самое. И вот три года назад все так и получилось, и каждый день с тех пор был днем счастья.

– Десять минут, Энди? Ты уверен?

– Да, мне нужно сделать всего один звонок. – Гэваллан увидел, как она нахмурилась, и быстро добавил: – Обещаю. Всего один, а потом за звонками сможет следить Уильямс.

Она быстро чмокнула его и упорхнула. Он набрал номер:

– Добрый вечер, сэр Перси свободен? Это Энди Гэваллан.

Сэр Перси Смедли-Тейлор был директором холдинга «Струанз», членом парламента; поговаривали, что его прочат на должность министра обороны, если консерваторы победят на следующих выборах.

– Энди, хеллоу. Рад тебя слышать. Если речь о том, чтобы поохотиться в следующую субботу, я готов. Извини, что не сказал тебе раньше, но дел было довольно много, учитывая,

что это так называемое правительство усердно толкает страну под откос, и эти несчастные профсоюзы тоже. Черт бы их побрал! Уф, если бы они только знали.

– Совершенно согласен. Я не помешал?

– Нет, ты меня едва застал – собираюсь в палату на очередное ночное голосование. Эти недоумки хотят, чтобы мы вышли из НАТО, помимо всего прочего. Как прошли испытания Х63?

– Замечательно! Лучше, чем они заявляли. Эта машина – лучшая в мире!

– Мне хотелось бы прокатиться, если ты сможешь это устроить. Чем я могу быть полезен?

– Мне тут нажужжали, что идет тайная, на самом высоком уровне реорганизация «Импириэл эр». Ты ничего об этом не слышал?

– Бог мой, старина, хороши же у тебя контакты, ничего не скажешь! До меня самого слухи об этом дошли только сегодня днем. Шепнул под строжайшим секретом один непотопляемый источник из оппозиции. Чертовски любопытно! Поначалу это мне мало о чем говорило. Интересно, что они там задумали? У тебя есть что-нибудь конкретное?

– Нет. Только слухи.

– Я проверю. Занятно... Интересно, уж не готовят ли потихоньку эти остолопы «Импириэл эр» к тому, чтобы официально ее национализировать, а следовательно, и ее вертолетную компанию, а следовательно, и тебя, и вообще все Северное море?

– Боже милосердный! – Гэваллан всерьез встревожился. Эта мысль не приходила ему в голову. – А они могли бы это сделать, если бы захотели?

– Да. Проще простого.

**Воскресенье
11 февраля**

Глава 9

НЕПОДАЛЕКУ ОТ БЕНДЕР-ДЕЙЛЕМА. 06:55. Только что рассвело. Руди посадил машину в стороне от развороченной взрывом дренажной трубы, и теперь они вчетвером стояли на краю. Раннее солнце было ясным и теплым, и пока все проходило без проблем. Нефть все еще выливалась из трубы, но уже не под давлением.

– Это просто остатки того, что было в трубе, – пояснил Кияби. – Через час перестанет течь совсем. – Ему шел шестой десяток: волевое лицо, чисто выбритое, очки, поношенное военное обмундирование, пластиковая каска на голове. Он рассерженно огляделся. Земля вокруг напиталась нефтью, от ее паров было почти нечем дышать. – Вся эта местность стала смертельно опасной. – Он двинулся к перевернутой легковой машине. Рядом с ней лежали три истерзанных тела, которые уже начинали пахнуть.

– Любители? – спросил Руди, отгоняя рукой мух. – Рвануло раньше времени?

Кияби не ответил. Он спустился в трубу. Дышать было тяжело, но он внимательно осмотрел место взрыва, потом выбрался назад на дорогу.

– Я бы сказал, что ты прав, Руди. – Он бросил взгляд на Хусейна. – Ваши?

Мулла оторвал взгляд от легковушки:

– Имам не отдавал приказа взрывать нефтепроводы. Это дело рук врагов ислама.

– У ислама много врагов, которые объявляют себя последователями Пророка, которые берут Его слова и выворачивают их наизнанку, – с горечью произнес Кияби, – предавая Его и предавая ислам.

– Согласен, и Бог найдет их и покарает. Когда Иран будет управляться по законам ислама, мы найдем их и покараем их для Него. – Взгляд Хусейна был таким же твердым. – Что вы можете сделать с разлившейся нефтью?

У них ушло два часа на то, чтобы найти источник утечки. Они кружили на высоте нескольких сот футов, ужасаясь размерам аварии: нефть заполнила речушку и широко разлилась по ее болотистым берегам; вода уже унесла ее на несколько миль ниже по течению. Пока на ее пути была только одна деревня. В нескольких милях дальше к югу стояло еще несколько деревень. Река была для местного населения источником питьевой воды, воды для мытья и канализацией.

– Выжжем ее всю. Как можно быстрее. – Кияби посмотрел на инженера. – А?

– Да-да, конечно. Но как быть с деревней, ваше превосходительство? – Инженер, средних лет иранец, нервничал и беспокойно поглядывал на муллу.

– Жителей эвакуировать. Скажите им, чтобы уехали, пока тут не будет безопасно.

– А если деревня загорится? – спросил Руди.

– Значит, она загорится. Воля Аллаха.

– Да, – сказал Хусейн. – Как вы ее будете выжигать?

– Одной спички будет достаточно, чтобы сделать большую часть работы. Конечно, при этом ты и сам сгоришь. – Кияби на мгновение задумался. – Руди, у тебя на борту есть пистолет Вери?

– Есть. – Руди настоял на том, чтобы взять пистолет с собой, заявив, что он входит в комплект обязательного оборудования на случай аварии. Все пилоты подтвердили его слова, хотя и знали, что это не так. – И четыре сигнальных патрона. А вы что, хо...

Все четверо задрали голову, услышав быстро приближавшийся рев реактивных двигателей. Два истребителя, низко и на высокой скорости, пронеслись над ними, направляясь в сторону залива. Руди по их курсу прикинул, что они идут прямо на Харк. Истребители были штурмовые, и он разглядел ракеты «воздух – земля» на пилонах под крыльями. Не для Харка ли эти ракеты предназначены? – спросил он себя, почувствовав, как еще сильнее сжалось горло. Революция и там нанесла свой удар? Или это просто рядовой полет?

– Что скажешь, Руди? Харк? – спросил Кияби.

– Харк в той стороне, Босс, – ответил Руди, не желая вмешиваться во все это. – Если так, то это будет обычный полет. Когда мы там были, каждый день проводились десятки взлетов и посадок. Вы хотите использовать сигнальные ракеты, чтобы поджечь нефть?

Кияби практически не слышал Руди. Одежду Босса покрывали пятна пота, походные ботинки почернели от нефтяной жижи. Он думал о восстании в ВВС на базе Дошан-Тапех.

Если эти два пилота тоже из повстанцев и собираются обстрелять Харк и нарушить работу наших предприятий на острове, думал он, едва не задыхаясь от ярости и отчаяния, Иран откажется на двадцать лет назад.

Когда Руди рано утром прилетел, чтобы забрать их, Кияби был потрясен, увидев с ним муллу. Он предложил объясниться. Когда мулла гневно потребовал, чтобы Кияби немедленно закрыл все предприятия и заявил о поддержке Хомейни, он едва не потерял дар речи.

– Но это же революция! Это означает гражданскую войну!

– Такова воля Бога! – ответил Хусейн. – Вы иранец, а не чужеземный лакей. Имам приказал идти на столкновение с вооруженными силами, чтобы усмирить их. С Божьей помощью первая подлинно исламская республика со времен Пророка, да пребудет с Ним благословение Аллаха, появится через несколько дней.

Кияби хотел сказать то, что много раз говорил до этого в частных беседах: «Это мечта безумца, и ваш Хомейни – злобный, выживший из ума старик, которым движет жажда личной мести всем Пехлеви: Реза-шаху, чья полиция, как он считает, убила его отца, и Мохаммед-шаху, чей САВАК, как он верит, убил его сына в Ираке несколько лет назад. Он всего лишь узколобый фанатик, который хочет вернуть нас, весь народ и особенно женщин, во мрак Средневековья...»

Но сегодня этому мулле он не сказал ни слова. Вместо этого он заставил свой мозг заниматься проблемами деревни.

– Если деревня загорится, они потом легко ее отстроят. Главное здесь – их имущество. – Он спрятал подальше свою ненависть. – Вы можете помочь, если хотите, ваше превосходительство. Я был бы благодарен вам за помощь. Вы могли бы поговорить с ними.

Жители деревни отказались уходить. Кияби трижды пытался втолковать им, что огонь – единственный способ сохранить их источник воды и спасти другие деревни. Потом с ними говорил Хусейн, но они все равно отвечали, что останутся. К этому часу настало время полуденной молитвы, и мулла помолился вместе с ними и снова попросил покинуть берега реки. Старейшины посовещались между собой и сказали:

– На все воля Бога. Мы остаемся.

– На все воля Бога, – согласился Хусейн, круто повернулся и зашагал к вертолету.

Они еще раз приземлились неподалеку от дренажной трубы. Теперь нефть из трубы чуть сочилась тоненькой струйкой.

– Руди, – распорядился Кияби, – отойди против ветра, насколько выстрела хватит, и пусти сигнальную ракету в трубу. Потом еще одну – в реку, прямо в середину. Сможешь?

– Могу попробовать. Я никогда не стрелял из пистолета Вери.

Руди зашагал в поросшую кустами пустыню. Остальные вернулись к вертолету, который он посадил на безопасном удалении. Отойдя на нужное расстояние, Руди засунул большой патрон в пистолет, прицелился и нажал на курок. Отдача оказалась гораздо сильнее, чем он ожидал. Фосфорная сигнальная ракета белым метеором пронеслась низко над землей, ударилась о землю, не долетев до цели, подскочила и нырнула в трубу. Какое-то мгновение ничего не происходило, потом земля взорвалась, пламя взметнулось вверх и во все стороны, превратив легковушку в погребальный костер. Перегретая ударная волна захлестнула Руди, но промчалась дальше, не причинив вреда. Ядовитый черный дым клубами устремился в небо. Огонь начал расползаться, быстро продвигаясь к речке.

Вторая ракета описала высокую дугу и упала в реку. Река вспыхнула. Они поняли это больше по звуку, разглядеть что-то было уже трудно, но когда поднялись на вертолете, оглябая реку с наветренной стороны, то увидели, что огонь быстро катится вниз по течению. Огромные клубы черного дыма отмечали его путь. Над деревней они сделали круг. Мужчины, женщины, дети бежали со всем, что только могли унести. На их глазах пламя поглотило деревню.

Четверо в вертолете полетели домой.

Домом для Кияби служило региональное управление «Иран ойл» недалеко от Ахваза – аккуратный комплекс из белых бетонных строений с хорошо поливаемыми газонами и посадочной площадкой для вертолета, окруженной высоким проволочным забором.

– Спасибо, Руди, – сказал Кияби, чувствуя тоску в сердце.

Вертолет кольцом окружили вооруженные люди, выскочившие из своих укрытий, едва лишь машина коснулась земли. Они кричали и тыкали в их сторону стволами автоматов. Позади Кияби мулла играл костяшками четок.

Кияби растегнул ремень безопасности. Воля Бога, подумал он. Я делал что мог, молился правильно и знаю, что нет божества, кроме Бога, и Мухаммад – посланник Бога. Когда придет время умирать, я умру, проклиная врагов Бога, главного среди них – Хомейни, лжепророка, убийцу, и всех, кто следует за ним.

Он обернулся. Его инженер с посеревшим лицом застыл на своем сиденье рядом с Хусейном.

– Мулла, я предаю тебя Божьему отмщению. – Кияби вышел из вертолета.

Они расстреляли Кияби и уволокли инженера прочь. Потом, потому что мулла попросил об этом, они позволили вертолету улететь.

Глава 10

БАЗА ВВС В КОВИССЕ. 17:09. Мануэла торопливо шагала по территории «С-Г» к одноэтажному административному зданию, которое выглядело чистым и аккуратным в лучах дневного солнца. Башня радиосвязи возвышалась над ним вторым этажом. Мануэла была в летном комбинезоне с эмблемой «С-Г» на спине, ее золотисто-рыжие волосы убраны под летную кепку с длинным козырьком, но ее походка просто кричала о том, что это женщина.

В наружном помещении офиса она увидела трех их иранских сотрудников. Они вежливо встали и улыбнулись, посматривая на нее из-под тяжелых век.

– Добрый день, ваше превосходительство Павуд, – с улыбкой произнесла она на фарси. – Капитан Эйр хотел меня видеть?

– Да, мадам госпожа. Его превосходительство в башне, – ответил старший клерк. – Окажите мне честь, позволив проводить вас?

Она поблагодарила его и отказалась, а когда она прошла по коридору и поднялась по спиральной лестнице, Павуд произнес, презрительно скривив рот:

– Возмутительно, как она себя перед нами выставляет напоказ... нарочно это делает, чтобы подразнить нас.

– Хуже публичной женщины в Старом квартале, ваше превосходительство, – отозвался другой иранец с тем же отвращением. – Клянусь Аллахом, из всех неверных нет никого хуже американцев и их женщин. А эта... эта напрашивается, просто отчаянно напрашивается на неприязни...

– Она напрашивается на добрый иранский суд, – произнес низкорослый иранец, почесываясь.

– Она должна носить чадру, и покрывать себя целиком, и ходить скромно. Мы же все здесь мужчины. Мы все произвели на свет потомство. Она что, думает, что мы евнухи?

– Ее следовало бы высечь за то, что она дразнит нас.

Павуд аккуратно поковырял пальцем в носу:

– С Божьей помощью скоро и высекут. Публично. Все будут подчиняться законам ислама и его наказаниям.

– Говорят, у американских женщин на лобке волосы не растут.

– Да нет, они просто там себя бреют.

– Есть там волосы, нет ли, ваше превосходительство старший клерк, хотел бы я вставить ей, пока она не завопит. От радости, – сказал коротышка, и все рассмеялись.

– Этот остолоп-верзила, ее муж, так и делает каждую ночь, с тех пор как она приехала. – Глаза старшего клерка сверкнули. – Я слышал ночью их стоны.

Павуд прикурил сигарету от старого окурка, поднялся и подошел к окну. Сквозь очки он пристально вглядывался в небо, пока не заметил вертолет, заходивший на посадку. Смерть всем иностранцам, подумал он, потом добавил в самом потаенном уголке своего сердца: и смерть Хомейни и его своре паразитов! Да здравствует Туде и революция народных масс!

Диспетчерская вышка с окнами по всем четырем сторонам была небольшой и хорошо оборудованной. Это место служило постоянной базой «С-Г» уже много лет, и у компании было время оснастить ее некоторыми современными приборами для обеспечения безопасности полетов и посадки машин в любую погоду. Фредди Эйр, исполнявший в отсутствие Старка обязанности старшего пилота, ждал Мануэлу.

– НХВ заходит на посадку, – сообщил он, когда она поднялась по лестнице. – Он...

– О, чудесно! – прервала его Мануэла со счастливой улыбкой.

Весь день они безуспешно пытались связаться со Старком. «Ты не волнуйся, – успокаивал ее Эйр, – высокочастотная связь у них часто отключается, у нас то же самое». Единственным сообщением, которое они получили с прошлого вечера, сразу после наступления темноты, был краткий доклад Старка о том, что он ночует в Бендер-Дейлеме и свяжется с ними сегодня.

– Извини, Мануэла, но Дюка на борту нет. Машину ведет Марк Дюбуа.

– Произошла авария? – вырвалось у нее, и весь мир покатился куда-то из-под ног. – Он ранен?

– Господи, нет, ничего подобного! Когда Марк был на связи, несколько минут назад, он сообщил, что Дюк остался в Бендер-Дейлеме, ему велели привезти муллу и его людей назад.

– И все? Ты уверен?

– Уверен. Смотри, – Эйр показал рукой в окно, – вон он.

206-й красиво возник из солнечного света. Позади вертолета к небу вздымались горы Загрос. Ниже торчали трубы большого нефтеперерабатывающего завода, на них негаснущими свечами плясало пламя сжигаемых газов. Вертолет приземлился точно в центре посадочной площадки номер один.

– НХВ. Выключаю двигатели, – долетел по радио голос Марка Дюбуа.

– Вас понял, НХВ, – ответил дежурный «С-Г» по диспетчерской вышке Массил Тугул, палестинец, проработавший в компании уже много лет. Он переключился на основную частоту базы. – База, других машин в системе сейчас нет. Подтверждаю, что НВU и НСF вернутся до заката.

– О'кей, «С-Г».

Возникла короткая пауза, потом по основному каналу базы они услышали хриплый голос на фарси, вклинившийся в трансляцию с 206-го. Голос говорил секунд тридцать, потом замолчал.

– Иншаллах! – пробормотал Массил.

– Кто это был, черт его возьми?! – вскинулся Эйр.

– Мулла Хусейн, ага.

– Что он сказал? – спросил Эйр, забыв, что Мануэла говорит на фарси.

Массил замялся. Мануэла, страшно побледнев, ответила вместо него:

– Мулла говорил: «Во имя Аллаха и во имя вихря Божьего, разите!» – снова и снова, просто раз за... – Она замолчала.

С противоположного конца летного поля донеслись приглушенные звуки автоматной стрельбы. Эйр тут же схватил микрофон.

– Marc, à la tour, vite, immédiatement!¹⁷ – приказал он на прекрасном французском, потом, прищурившись, посмотрел в сторону базы в полумиле от них.

Из казарм выбегали люди. Некоторые держали в руках автоматы. Несколько человек упали, когда другие люди открыли по ним огонь. Эйр распахнул одну из створок окна, чтобы лучше слышать. Крики «Аллах-у акбарrrr» смешивались с хриплым треском автоматических винтовок.

– Что это там? Рядом с воротами, с главными воротами? – спросила Мануэла.

Массил вскочил на ноги и встал рядом с ней, столь же потрясенный и изрядно испуганный.

Эйр протянул руку к биноклю, навел окуляры:

– Боже всемогущий, солдаты стреляют по базе, и... грузовики штурмуют главные ворота... их штук шесть... «зеленые повязки», муллы, солдаты выпрыгивают из них...

На канале базы вдруг возник возбужденный голос, что-то кричавший на фарси, потом так же внезапно оборвался. Мануэла снова перевела:

– «Во имя Аллаха, убивайте всех офицеров, которые против имама Хомейни, и берите в свои руки...» Это революция!

Внизу они увидели, как из вертолета выбрались мулла Хусейн и двое его людей из «зеленых повязок», с автоматами в руках. Мулла махнул Марку рукой, чтобы тот вылез из кабины,

¹⁷ Марк, давай в башню, быстро, не медли! (фр.)

но пилот лишь помотал головой, ткнул пальцем вверх, показывая на вращающиеся лопасти, и продолжил процедуру отключения. Хусейн на мгновение растерялся.

На всей территории «С-Г» работа остановилась. Люди высовывались из окон или выбегали на бетон и стояли там безмолвными небольшими группами, глядя вдаль через летное поле. Стрельба становилась громче. Неподалеку джип и автоцистерна с топливом, которые должны были обслуживать приземлившийся 206-й, остановились, визжа тормозами, едва только началась стрельба. Хусейн, знаком приказавший джипу остановиться, двинулся к нему, оставив одного человека охранять вертолет. Водитель увидел его, выскочил из машины и бросился наутек. Мулла послал ему вдогонку проклятье и вместе с «зеленой повязкой» забрался в джип, сел за руль и на полном газу понесся по дороге вдоль периметра базы в сторону дальних казарм.

Дюбуа взлетел по лестнице, прыгая через три ступеньки. Ему было тридцать шесть лет – высокий, худой, темноволосый, с проказливой улыбкой. Он тут же вытянул руку и обменялся рукопожатием с Эйром.

– Мадонна, ну и денек, Фредди! Я... Мануэла! – Он тепло расцеловал ее в обе щеки. – С Дюком все в порядке, *chérie*. Он просто разругался с муллой, который сказал, что больше с ним не полетит. Бендер-Дейлем не... – Он замолчал, вдруг остро ощутив присутствие Массила и не доверяя ему. – Мне нужно выпить. Давайте пойдем в столовую, а?

До столовой они не дошли. Марк вывел их на бетонированную площадку и свернул за угол здания, где они могли за всем наблюдать, не опасаясь быть услышанными.

– Нельзя быть уверенным, на чьей стороне Массил... э-э... да и вообще большинство из наших сотрудников. Если они и сами могут это сказать, бедолаги.

На другом краю поля раздался громкий взрыв. Из одного из подсобных строений вырвалось пламя, за клубился дым.

– *Mon Dieu*, это что, топливный склад?

– Нет, где-то рядом с ним. – Эйра переполняло беспокойство.

Еще один взрыв отвлек его внимание, потом к беспорядочной автоматной стрельбе примешался тяжелый, гортанный раскат пушечного выстрела. Танки.

Джип с муллой за рулем уже исчез за бараками. Рядом с главными воротами в беспорядке стояли армейские грузовики; прибывшие на них взбунтовавшиеся солдаты и «зеленые повязки» исчезли внутри барakov и ангаров. Несколько тел лежало в пыли. Солдаты танкового подразделения охраняли здание, где размещался кабинет командира гарнизона, полковника Пешади, пригнувшись возле входа, с автоматами наготове. Другие ждали у окон второго этажа. Один из тех, что были наверху, дал автоматную очередь, когда с полдюжины вопящих солдат, армейских и из ВВС, бросились в атаку через площадь. Еще одна очередь – и все они полегли, мертвые, умирающие или тяжело раненные. Один из раненых, то ползком, то карабкаясь на четвереньках, попытался выбраться с площади. Танковая охрана дала ему добраться почти до самого края. Потом изрешетила пулями.

Мануэла простонала, и они отвели ее подальше за здание, где они прятались.

– Со мной все в порядке, – сказала она. – Марк, когда Дюк возвращается?

– Руди или Дюк позвонят сегодня вечером или завтра, я гарантирую. *Pas problème!*¹⁸ Великий Дюк в полном порядке. *Mon Dieu*, а вот сейчас я бы выпил!

Они подождали минуту, стрельба затихала.

– Пошли, – сказал Эйр. – В бунгало будет безопаснее.

Они торопливо пересекли территорию «С-Г» и забежали в одно из красивых бунгало, окруженных выбеленными известкой заборами и аккуратными садиками. В Ковиссе не содержали жилых помещений для женатых. Обычно пилоты жили вдвоем в бунгало с двумя спальнями.

¹⁸ Никаких проблем! (*фр.*)

Мануэла ушла, чтобы приготовить выпивку.

– Так, теперь – что произошло на самом деле? – тихо спросил Эйр.

Француз быстро рассказал ему о нападении, о Затаки, о храбрости Руди.

– Этот старый фриц действительно достоин медали! – с восхищением произнес он. –

Но слушай, вчера вечером революционеры расстреляли одного из наших поденщиков за то, что тот оказался из федаинов. За четыре минуты они провели судебное заседание и привели приговор в исполнение. Сегодня утром другие ублюдки застрелили Кияби.

Эйр был в ужасе.

– Но за что?

Дюбуа рассказал ему о диверсии на нефтепроводе, потом добавил:

– Когда Руди и мулла вернулись, Затаки нас всех построил и объявил, что Кияби был казнен справедливо как «пособник шаха, пособник слуг Сатаны американцев и англичан, который годами осквернял Иран и потому был врагом Бога».

– Бедный старина Босс... Господи, он так мне нравился, он был хорошим человеком!

– Да. И открыто говорил против Хомейни, а теперь у этих ублюдков есть оружие. В жизни не видел столько автоматов, а они все глупцы, сумасшедшие. – Лицо Дюбуа сморщилось. – Старина Дюк принялся орать на фарси на них всех; вчера вечером у него уже была стычка с Затаки и муллой. Мы не знаем, что он им там сказал, но закончилось все скверно: эти ублюдки набросились на него, принялись пинать, орать. Мы, конечно, бросились было на них, потом вдруг гроыхнула автоматная очередь, и мы замерли. И они тоже, потому что стрелял Руди. Он каким-то образом отнял автомат у одного из них и дал еще одну короткую очередь в воздух. Он прокричал: «Оставьте его в покое, или я перестреляю вас всех!», держа на мушке Затаки и ту группу, что была рядом с Дюком. Они и отошли. Обругав их всех – *ma foi, quel homme*¹⁹, – он заключил с ними сделку: они оставляют нас в покое, мы не лезем в их революцию. Договорились, что я должен буду привезти муллу сюда, а Дюк – остаться там, а Руди оставит автомат себе. Он заставил Затаки и муллу поклясться Аллахом, что они не нарушат этого договора, но я бы им все равно не верил. *Merde*, они все – *merde, mon ami*. Но Руди, о, Руди был великолепен! Он должен был родиться французом, этот парень. Я весь день старался дозвониться до него, но никто не отвечает...

С другой стороны летного поля, с одной из улиц в дальнем скоплении казарм, вылетел танк «центурион», прогрохотал на всех парах через поле и въехал на главную улицу напротив штаба базы и офицерской столовой. Там он остановился, глухо ворча двигателями: толстый, приземистый и смертоносный. Длинная пушка поплыла в сторону, отыскивая мишень. Внезапно гусеницы ожили, танк развернулся на месте и выстрелил; снаряд разнес все на втором этаже, где располагался штаб полковника Пешади. Оборонявшиеся в здании были ошеломлены этим неожиданным предательством. Танк выстрелил еще раз. Огромные куски кирпичной кладки разбросало во все стороны, и половина крыши обрушилась. Здание загорелось.

В этот момент с первого этажа и с части второго танк накрыл град пуль. Тут же два солдата-лоялиста выскочили с первого этажа с гранатами в руках, швырнули их в щели на корпусе танка и бросились назад. Обоих срезало бешеным автоматным огнем с другой стороны улицы, но внутри танка раздался страшный взрыв, из всех щелей и отверстий рванули дым и пламя. Металлический люк наверху откинулся, и горящий человек попытался выбраться наружу. Его тело почти вырвало из танка ураганом автоматных пуль, ударивших из полуразрушенного здания. Ветер, долетавший с базы, нес с собой запах пороха, пожара и горелого мяса.

Бой продолжался больше часа, потом стих. Опускавшееся солнце окрасило все кровавым багрянцем, по всей базе лежали тела мертвых и умирающих, но восстание провалилось, ибо во время первой внезапной атаки восставшим не удалось убить ни полковника Пешади, ни его

¹⁹ Черт возьми, вот это мужик (*фр.*).

старших офицеров, потому что недостаточно людей перешло на их сторону – и только один из трех экипажей танков.

Пешади находился в головном танке и сумел удержать в своих руках диспетчерскую башню и всю радиосвязь. Он собрал верные ему войска и повел их в безжалостное наступление, выдавив революционеров из всех казарм и ангаров. И едва осторожное большинство, все выживавшие и колебавшиеся – в данном случае солдаты и служащие ВВС – поняли, что восстание проиграно, их сомнения растаяли без следа. Они тут же и с огромным рвением заявили о своей непреходящей многолетней верности Пешади и шаху, подобрали оружие, которое побросали было на землю, и с тем же рвением, во имя Аллаха, открыли огонь по «врагу». Но не многие из них стреляли на поражение, и хотя Пешади знал это, он сознательно оставил открытым один путь для отхода и позволил нескольким повстанцам уйти. Единственный тайный приказ, отданный им самым доверенным своим бойцам, был убить муллу Хусейна.

Но Хусейн каким-то образом уцелел.

– Говорит полковник Пешади, – зазвучал голос по основному каналу базы и во всех громкоговорителях. – Хвала Аллаху, противник мертв, при смерти или захвачен в плен. Я благодарю все верные войска. Всем офицерам и солдатам собрать наших со славою павших товарищей, которые погибли, исполняя Божий труд, и доложить о потерях, а также о количестве уничтоженных врагов. Врачам и медперсоналу! Позаботиться обо всех раненых без исключения. Бог велик... Бог велик! Почти настало время вечерней молитвы. Сегодня я ваш мулла, я проведу молитву с вами. Быть всем, дабы воздать хвалу Аллаху!

В бунгало Старка Эйр, Мануэла и Дюбуа слушали полковника по внутренней системе связи. Она закончила переводить слова Пешади с фарси. Теперь в динамиках был слышен только треск. Дым навис над базой густой пеленой, и воздух отяжелел от его запаха. Мужчины потягивали водку с баночным апельсиновым соком, она – минеральную воду. Переносная газовая горелка приятно согревала комнату.

– Любопытно... – задумчиво произнесла Мануэла, напрягая волю, чтобы не думать обо всех убитых сегодня и о Старке в Бендер-Дейлеме. – Любопытно, что Пешади не произнес под конец «Да здравствует шах!». Он ведь сегодня одержал несомненную победу? Должно быть, он напуган до безумия.

– Я бы тоже перепугался, – заметил Эйр. – У не...

Они все вздрогнули, услышав треньканье внутреннего телефона. Эйр снял трубку:

– Алло?

– Это майор Чангиз. Э-э... капитан Эйр, они появлялись на вашей стороне базы? Что у вас там происходило?

– Ничего. Никого из повстанцев здесь не было.

– Слава богу! Мы все переживали за вашу безопасность. Вы уверены, что у вас нет ни мертвых, ни раненых?

– Ни одного. Насколько мне известно.

– Хвала Аллаху! У нас их много. По счастью, среди врагов раненых нет.

– Ни одного?

– Ни одного. Вы не будете возражать, если я упомяну, что вы никому не должны докладывать или рассказывать об этом инциденте по радиосвязи – ни одному человеку, капитан. Высшая степень секретности. Вы понимаете?

– Прекрасно понимаю вас, майор.

– Хорошо. Пожалуйста, оставайтесь настроенными на нашу основную частоту. Что до безопасности, мы проследим за вашей. Пожалуйста, не пользуйтесь своей высокочастотной радиосвязью, не согласовав этого сначала с нами, пока ситуация остается чрезвычайной. – (Эйр почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, но промолчал.) – Пожалуйста, будьте у при-

емника в восемь часов, чтобы прослушать краткое сообщение полковника Пешади, а сейчас отправьте Эсвандиари и всех ваших правоверных на молитву. Немедленно!

– Обязательно, вот только выскоч... Эсвандиари ушел в отпуск на неделю. – Эсвандиари был директором их станции от «Иран ойл».

– Очень хорошо. Пришлите остальных, поставьте Павуда старшим.

– Сейчас сделаю.

Телефон замолчал. Эйр пересказал им разговор с майором, потом вышел, чтобы передать людям распоряжение.

Массил на диспетчерской вышке чувствовал себя очень неудобно.

– Но, капитан, ваше превосходительство... Я на дежурстве до захода солнца. Мы еще ждем возвращения двух наших двухсот двенадцатых и...

– Он сказал, всех правоверных. Немедленно! Ваши бумаги в порядке. Вы в Иране уже много лет. Майор знает, что вы здесь, поэтому вам лучше пойти, если только вам нечего бояться.

– Нечего. Совсем нечего.

Эйр заметил проступивший на лбу палестинца пот.

– Не волнуйтесь, Массил, – сказал он. – Я сам посажу ребят. Без проблем. И побуду здесь, пока вы не вернетесь. Это не займет много времени.

Он посадил оба своих 212-х, проследил, чтобы их откатали в ангар, и стал ждать с растущим нетерпением: Массил уже давно должен был бы вернуться. Чтобы убить время, Эйр попробовал заняться бумагами, но быстро бросил это дело: в голове царил полная неразбериха. Единственное, что поднимало ему настроение, – мысль о том, что его жена и младенец-сын были в безопасности в Англии, – и бог с ней, с паршивой погодой, и со штормами, и бурями, и дождями, и гнусным холодом, и чертовыми забастовками, и чертовым правительством.

ВЧ-рация вдруг ожила. За окнами только что стемнело.

– Алло, Ковисс, говорит Мак-Ивер из Тегерана...

Глава 11

ТЕГЕРАН. УПРАВЛЕНИЕ КОМПАНИИ «С-Г». 18:50. Мак-Ивер повторил:

– Алло, Ковисс, говорит Мак-Ивер из Тегерана, слышите меня?

– Тегеран, это Ковисс, режим ожидания один. – «Один» на их языке означало «подождите минуточку».

– Хорошо, Фредди, – ответил Мак-Ивер и положил микрофон ВЧ-рации на стол.

Они с Томом Лочартом, который прилетел днем из Загроса, сидели в его кабинете на верхнем этаже здания, где располагалась штаб-квартира «С-Г» с тех самых пор, когда компания впервые начала работать в Иране почти десять лет назад. Здание в пять этажей имело плоскую крышу, на которой Дженни устроила восхитительный застекленный садик с креслами, столами и барбекю. Генерал Бени-Хасан, друг Эндрю Гэваллана, в свое время очень рекомендовал это здание:

– Только все самое лучшее для компании Энди Гэваллана. Рабочей площади на дюжину кабинетов, цена умеренная, есть место на крыше для установки собственного генератора и радиоантенны. Вы здесь рядом с главным шоссе, которое ведет в аэропорт, удобный базар, моя контора сразу за углом, удобная парковка, отели, запланированные к строительству, в удобной близости. А вот и главный козырь! – Генерал с гордостью показал Мак-Иверу туалет.

Туалет был обычный, не слишком чистый.

– А что в нем такого особенного? – невозмутимо поинтересовался Мак-Ивер.

– Он единственный во всем здании, остальные все для сидения на корточках – просто дырки в полу над канализационным сливом. А если вы не привыкли делать это на корточках, придется нелегко, даже совсем нелегко, особенно дамам, которые – были такие случаи – могут поскользнуться и провалиться в дыру с весьма неприглядным результатом, – весело пояснил генерал.

– И эти дырки повсюду?

– Даже в лучших домах. Повсюду, за исключением современных отелей. Если поразмыслить об этом, Мак, то на корточках сидеть более гигиенично: никакая чувствительная часть тела не касается ничего чужеродного. Потом еще вот это. – Генерал указал на короткий шланг, прикрепленный к кранику на туалете. – Мы пользуемся водой, а не бумагой. Всегда пользуемся левой рукой, это грязная рука, правая – для еды, поэтому ты никогда ничего не предлагаешь и не протягиваешь левой рукой. Очень, очень невежливо, Мак. В исламском мире никогда не ешь левой рукой, не держи в ней бокал или чашку и не забывай, что в большинстве туалетов, как бы они ни были устроены, шлангов ты не найдешь, поэтому приходится черпать воду из ведра, если оно вдруг есть. Как я уже говорил, дело это непростое, но так уж мы живем. Кстати, в исламе у нас нет ни одного левши. – Опять добродушный хохоток. – Большинство мусульман вообще не могут это сделать с удобством для себя, если не сидят на корточках. Поэтому многие забираются на западный унитаз с ногами, когда им надо облегчиться. Странно, не правда ли, но, с другой стороны, за чертой большинства городов, а порой и в их черте практически на всей территории Азии, Ближнего Востока, Китая, Индии, Африки, Южной Америки даже канализация отсутствует...

– О чем задумался, Мак? – произнес Лочарт.

Высокий канадец сидел напротив него в таком же старом уютном кресле. Электрическое освещение и камин были включены на полную, питаемые их собственным генератором.

Мак-Ивер хмыкнул:

– Я тут думал о туалетах, где приходится сидеть на корточках. Терпеть их не могу – и эту чертову воду. Просто никак не могу к ним привыкнуть.

– Меня это перестало беспокоить, я уже даже внимания не обращаю. У нас как раз такие в квартире. Шахразада предложила поставить «западный» туалет, если мне хочется, в качестве свадебного подарка, но я сказал ей, что справлюсь. – Лочарт криво улыбнулся. – Сейчас-то я уже привык, но, бог ты мой, в свое время эта штука Дейрдру просто из себя выводила.

– У всех жен то же самое. Ничто другое так их не доставало, всех их, и Дженни тоже. Но не моя же это вина, что большая часть мира делает это именно таким образом. Благодарение богу, у нас в квартире настоящий туалет, а то бы Дженни точно взбунтовалась. – Мак-Ивер повертел на рации ручку громкости. – Ну давай, Фредди, – пробормотал он.

На стенах висело множество карт, ни картин, ни фотографий, хотя пыльное пятно на стене за столом напоминало об одной, недавно снятой – обязательный фотопортрет шаха. За окнами ночное небо было освещено пожарами, которые тут и там яркими пятнами расцвечивали силуэт погруженного в темноту города; ни огней в домах, ни горящих уличных фонарей – свет горел только у них в кабинете. Звуки стрельбы, ружейной и автоматной, перемешивались с неумолкающим теперь в городе звуком – толпами людей, ревущих «Аллаххх-у акбарrrrrr...».

В динамике возник голос:

– Ковисс на связи, говорит капитан Эйр. Слышу вас хорошо, капитан Мак-Ивер.

Оба мужчины вздрогнули, Лочарт выпрямился в кресле:

– Что-то не так, Мак, он не может говорить открыто, кто-то слушает рядом.

Мак-Ивер переключил рацию на передачу.

– Ты что, теперь сам себе радист, Фредди, – специально спросил он, чтобы исключить ошибку, – да еще и сверхурочно трудишься?

– Просто случайно оказался здесь, капитан Мак-Ивер.

– Все пять на пять?

Это означало максимальную силу проходящего радиосигнала или, на языке пилотов, «У вас все в порядке?».

После короткой паузы, которая сказала им «нет», последовал ответ:

– Да, капитан Мак-Ивер.

– Хорошо, капитан Эйр, – произнес Мак-Ивер, подтверждая, что все правильно понял. – Пригласите к аппарату капитана Старка, будьте добры.

– Виноват, сэр, не могу этого сделать. Капитан Старк все еще в Бендер-Дейлеме.

– Что он там делает? – резко спросил Мак-Ивер.

– Капитан Луц приказал ему задержаться там и приказал капитану Дюбуа завершить перевозку особо важных персон, затребованную «Иран ойл»... и выполнявшуюся по вашему разрешению.

Старку до отлета удалось связаться с Тегераном и объяснить Мак-Иверу проблему, возникшую с муллой Хусейном. Мак-Ивер дал разрешение на полет при условии, что он будет согласован с полковником Пешади, и сказал Старку, чтобы тот держал его в курсе.

– Сто двадцать пятый прибывает в Ковисс завтра, капитан Мак-Ивер?

– Это возможно, – ответил Мак-Ивер, – но кто может знать наверняка. – (По плану 125-й должен был прибыть в Тегеран вчера, но из-за вспыхнувшего вблизи аэропорта бунта все полеты были временно отменены до следующего дня, понедельника.) – Мы работаем над получением разрешения на прямой перелет в Ковисс. Дело сложное, поскольку военная служба управления полетами... недоукомплектована людьми. Тегеранский аэропорт... э-э... забит, поэтому мы не можем вывезти никого из членов семей наших сотрудников. Передайте Мануэле, чтобы была готова, на случай если мы получим разрешение. – Мак-Ивер поморщился, пытаясь решить, как много он может позволить себе сказать в открытом эфире, и тут увидел, что Лочарт делает ему знак.

– Давай я, Мак. Фредди говорит по-французски, – шепнул Лочарт.

Мак-Ивер посветлел лицом, с благодарностью подался вперед и передал Лочарту микрофон.

– Écoute²⁰, Фредди, – начал Лочарт на канадском французском, который, как он знал, даже Эйр, прекрасно говоривший по-французски, понимал с трудом, – марксисты по-прежнему удерживают международный аэропорт, им помогают повстанцы из числа сторонников Хомейни и предположительно люди из ООП, диспетчерская вышка все еще у них в руках. Сегодня прошел слух, что будет переворот, что премьер-министр дал добро, что войска наконец двинулись по всему Тегерану, получив приказ подавлять любые беспорядки и стрелять на поражение. А у вас там что за проблемы? Все целы и невредимы?

– Да, никаких хлопот, – услышали они ответ на гортанном французском с многозначительными интонациями. – Я получил приказ ничего не рассказывать, но серьезных проблем здесь нет, можете поверить, хотя они нас слушают. В Отстойнике – так они между собой называли Бендер-Дейлем, где в воздухе постоянно висел густой запах бензина, – проблем полно, а Босса отправили наверх до отпущенного ему срока...

Глаза Лочарта расширились.

– Кияби застрелили, – пробормотал он Мак-Иверу.

– ...но старина Руди полностью контролирует ситуацию, и Дюк в порядке. Нам лучше прекратить это, старина. Они слушают.

²⁰ Слушай (фр.).

– Понимаю. Сидите тихо, и остальным передай то же самое, если сможешь. И еще что мы тут живы-здоровы, – Лочарт перешел на английский и добавил, не прерывая предложения: – и я повторяю: завтра мы перешлем наличку для ваших сотрудников.

Голос Эйра повеселел.

– Без балды, старина?

Лочарт против воли рассмеялся:

– Без балды. Держите дежурную рацию включенной, мы будем сообщать о развитии ситуации. Передаю микрофон капитану Мак-Иверу. Иншаллах! – Он вернул микрофон Маку.

– Капитан, вы разговаривали с Бендер-Ленге вчера или сегодня?

– Нет. Пытались было с ними связаться, но не получилось. Наверное, солнечные пятна. Сейчас еще раз попробую.

– Спасибо. Передавайте привет капитану Скрэггеру и напомните ему, что на следующей неделе у него медосмотр. – Мак-Ивер мрачно улыбнулся и добавил: – Проследите, чтобы капитан Старк связался со мной сразу же, как вернется. – Он завершил разговор.

Лочарт передал ему то, что услышал от Эйра. Налил себе еще виски.

– А мне, черт подери! – раздраженно произнес Мак-Ивер.

– Но, Мак, ты же зна...

– Только не начинай. И побольше содовой. – Лочарт взял второй стакан, а Мак-Ивер встал, подошел к окну и выглянул наружу, ничего не видя перед собой. – Бедняга Кияби. Вот уж действительно хороший был мужик, таких еще поискать, хороший для Ирана и с нами был честен. За что они его убили? Безумцы! Руди «приказал» Дюку, «приказал» Марку... Что это значит, черт побери?!

– Только то, что возникли проблемы, но Руди с ними сумел разобраться. Фредди сказал бы, если бы у Руди не получилось. Соображает он быстро и по-французски говорит свободно, так что нашел бы способ. Времени у нас хватало, даже хотя «они» и подслушивали, кто бы эти «они» ни были, черт бы их побрал! – сказал Лочарт. – Может, там было, как в Загросе.

На базу в Загросе жители деревни Яздек пришли на рассвете через день после возвращения Лочарта из отпуска. Мулла их деревни получил приказ Хомейни начать восстание против «незаконного правительства шаха» и взять район под свой контроль. Мулла родился в этой деревне и хорошо знал горы, которые зимой снег запирает напроць и куда можно было добраться лишь с большим трудом все остальное время в году. Опять же начальник полиции, против которого ему следовало вести восставших, доводился ему племянником, а Насири, директор вертолетной базы, тоже являвшийся мишенью для революционеров, был женат на дочери сестры его жены, которая теперь жила в Ширазе. Но что еще важнее, оба они были из племени галезан, мелкой ветви кочевников-кашкайцев, которое – много столетий назад – мирно осело здесь, вокруг этого крошечного перекрестка путей, и начальник полиции, которого звали Ничак-хан, был еще и их каландаром.

Поэтому мулла поступил правильно и посоветовался с Ничак-ханом, и хан согласился, что восстание против их наследственного врага шаха Пехлеви должно произойти, что, дабы отпраздновать революцию, каждый, кто пожелает, мог вволю палить из своего оружия по звездам и что с рассветом он проведет обязательную реквизицию чужеземного аэродрома.

Они пришли на рассвете. С оружием. Все мужчины, сколько их было в деревне. Ничак-хан вместо полицейского мундира был облачен в одежду своего племени. Он был гораздо ниже ростом, чем Лочарт, крепкий, худошавый, с железной хваткой и неутомимыми стальными ногами, перепоясанный через плечо патронташем и с винтовкой в руках. По предварительной договоренности Лочарт в сопровождении Жан-Люка Сессона – по просьбе хана – встретил их у двух наспех сложенных из камней колонн, которые символизировали ворота базы. Лочарт отдал честь и признал Ничак-хана правителем всей базы, оба каменных столба церемониально развалили, со всех сторон раздались радостные крики и шумная пальба в воздух. Затем Ничак-

хан преподнес букет цветов Жан-Люку Сессону как представителю Франции, поблагодарив его от имени всех галезан-кашкайцев за помощь и поддержку, оказанную Хомейни, который избавил их от их врага, шаха Пехлеви.

– Хвала Аллаху, что этот самозванный великий царь царей, который святотатственно постарался возвести свою родословную к царям Киру и Дарию Великому, мужам гордым и храбрым, этот светоч арийцев, этот лакей дьяволов-чужеземцев сбежал, как размалеванная наложница от своего иракского паши!

Потом с обеих сторон были произнесены храбрые речи, начался пир, и Ничак-хан, рядом с которым восседал мулла, обратился к Тому Лочарту, вождю племени иноземцев на «Загрос-3», с просьбой продолжать работать, как и раньше, при новом режиме. Лочарт с серьезным видом дал свое согласие.

– Будем надеяться, что Руди и его ребятам повезло так же, как тебе в Загросе, Том. – Мак-Ивер опять повернулся к окну, понимая, что ничего не может сделать, чтобы им помочь. – Дела становятся все хуже и хуже, – пробормотал он.

Убийство Кияби ужасно и очень скверный знак для нас, думал он. Как, черт побери, мне вывезти Дженни из Тегерана и куда, черт побери, подевался Чарли?!

От Петтикина не было никаких известий с утра вчерашнего дня, когда он улетел в Тебриз. От наземного персонала в Хале-Морги они получали самые путанные сообщения: Петтикина похитили и заставили улететь с тремя неизвестными лицами, или три пилота иранских ВВС угнали 206-й и полетели на нем к границе, или эти три пассажира – офицеры высокого ранга, которые бежали из страны. Почему в каждой истории фигурируют три пассажира? – спрашивал себя Мак-Ивер. Он знал, что Петтикин благополучно добрался до аэродрома здесь, в Тегеране, поскольку его машина все еще стояла там, хотя баки были пусты, стекла разбиты, радиолы вырваны, а сама машина помята и исцарапана. Бендер-Энзили, где он должен был дозаправиться, не отвечал – Тебриз вообще почти всегда был вне зоны радиосвязи. Он выругался про себя. День у Мак-Ивера вышел ни к чему.

Весь день ему досаждали гневные кредиторы, телефоны не работали, телекс забился, потребовалось несколько часов, чтобы его очистить, а его встреча днем с генералом Валиком, который, как обещал Гэваллан, должен был еженедельно снабжать их наличными деньгами, оказалась полной катастрофой.

– Как только банки откроются, мы заплатим все, что должны.

– Ради бога, вы твердите это уже несколько недель, – холодно сказал Мак-Ивер. – Деньги мне нужны сейчас.

– Как и всем нам, – прошипел в ответ генерал, трясаясь от злости, но остро ощущая присутствие иранских сотрудников в соседнем офисе, которые, конечно же, подслушивали. – Идет гражданская война, и я не могу открыть банки. Вам придется подождать. – Валик, бывший армейский генерал, был полным, лысеющим, смуглолицым человеком, в дорогом костюме, на руке – недешевые часы. Он понизил голос еще больше. – Если бы не эти идиоты-американцы, которые предали шаха и убедили его держать наши славные вооруженные силы в узде, у нас бы сейчас не было этого бардака!

– Я британец, как вам хорошо известно, и этот бардак создали вы сами.

– Британцы, американцы – какая разница! Это все ваша вина. Вы на пару предали нашего шаха и Иран, и теперь вам придется за это расплачиваться!

– Чем, интересно? – едко парировал Мак-Ивер. – Все наши деньги – у вас.

– Если бы не ваши иранские партнеры, особенно я, у вас вообще никаких денег не было бы. Энди не жалуется. Я получил телекс от моего досточтимого коллеги генерала Джавады о том, что на этой неделе Энди должен подписать новые контракты вместо «Герни».

– Энди сказал, что получил от вас телекс, в котором вы подтвердили свое обещание обеспечивать нас наличностью.

– Я обещал постараться. – Генерал с усилием подавил в себе гнев, так как Мак-Ивер был ему нужен, промокнул лоб платком и открыл свой портфель.

Портфель был набит риалами – купюры большого достоинства, – но генерал держал его так, чтобы Мак-Ивер не мог заглянуть внутрь. Валик достал тонкую пачку банкнот, закрыл портфель и с большой тщательностью отсчитал пятьсот тысяч риалов, около шести тысяч американских долларов.

– Вот, – картинно произнес он, выкладывая риалы на стол и убирая остальные. – На следующей неделе я или один из моих коллег привезет еще. Расписку, пожалуйста.

– Благодарю вас. – Мак-Ивер подписал расписку. – Когда мы можем ожи...

– На следующей неделе. Если банки откроются, мы сможем погасить всю задолженность. Наше слово всегда твердое. Всегда. Разве мы не договорились о передаче вам контрактов «Герни»? – Валик подался вперед и заговорил еще тише: – Так, мне нужен специальный чартер. Завтра мне понадобится двести двенадцатый, где-нибудь утром.

– И куда лететь?

– Мне необходимо проинспектировать некоторые предприятия в Абадане, – ответил Валик, и Мак-Ивер заметил, как на лбу у иранца выступил пот.

– И как же я получу необходимое разрешение, генерал? Когда все ваше воздушное пространство теперь контролируют военные и у нас...

– Не беспокойтесь насчет разрешения, просто подготовь...

– Если у нас не будет плана полета, заранее утвержденного военными, рейс будет незаконным.

– Вы всегда можете сказать, что обращались за разрешением и оно было дано вам в устной форме. Что тут сложного?

– Во-первых, это противоречит иранским законам, генерал. Вашим законам. Во-вторых, даже если получено устное разрешение и вертолет покидает воздушное пространство Тегерана, все равно необходимо сообщить диспетчеру на следующем военном радиолокационном центре ваш регистрационный номер. Все планы полетов регистрируются в главном штабе ваших ВВС, а там к вертолетам относятся с еще большей подозрительностью, чем в Управлении гражданской авиации. И если у вас такого номера не окажется, вам прикажут сесть на ближайшей военной базе и прибыть в тамошний диспетчерский пункт. И когда вы там сядете, они встретят вас в большом раздражении – и правильно – целой вооруженной толпой, мой вертолет арестуют, а всех пассажиров и экипаж отправят в тюрьму.

– Тогда найдите способ. Это очень важная поездка. Э-э... контракты «Герни» зависят от нее. Просто проследите, чтобы двести двенадцатый был готов к девяти часам, скажем, в Хале-Морги.

– Почему там? Почему не в международном аэропорту?

– Там удобнее... и сейчас спокойно.

Мак-Ивер нахмурился. Валику вполне хватало его полномочий, чтобы попросить и добиться получения разрешения на этот полет.

– Очень хорошо. Я попробую. – Он достал пачку чистых бланков для планов полетов, отметил, что последний касался полета Петтикина в Тебриз, и тревога снова накатила на него: куда, дьявол меня заберет, он делся?! В графе «пассажиры» Мак-Ивер поставил: «Генерал Валик, председатель правления ИВК» и протянул бланк иранцу. – Пожалуйста, подпишите внизу, где «Разрешаю».

Валик с высокомерным видом оттолкнул бланк от себя:

– Нет никакой нужды ставить на бланке мое имя. Просто напишите: «четыре пассажира». Со мной будут моя жена, двое детей и кое-какой багаж. Мы останемся в Абадане на неделю, потом вернемся. Просто приготовьте двести двенадцатый к девяти часам утра в Хале-Морги.

– Извините, генерал, в разрешении должны быть указаны имена, иначе ВВС даже не примет план полета к рассмотрению. Должны быть указаны имена всех пассажиров. Я обращусь за разрешением, но больших надежд не питаю. – Мак-Ивер начал дописывать в бланк остальные имена.

– Нет, погодите! Не нужно заносить наши имена. Просто напишите, что рейс нужен для доставки запчастей в Абадан. У вас наверняка есть запчасти, которые вам нужно туда отправить. – Лоб Валика был покрыт крупными каплями пота.

– Хорошо, но сначала подпишите разрешение, указав имена пассажиров и конечный пункт назначения.

Лицо генерала побагровело.

– Просто оформите все без меня. Немедленно!

– Не могу. – Мак-Ивер тоже начинал терять терпение. – Повторяю, военным нужно будет знать все «кто» и «куда», они сейчас цепляются ко всему, как лента от мух. Нас и так замучают дополнительными вопросами и уточнениями, потому что в ту сторону у нас уже несколько недель не было никаких полетов. Тегеран – это не юг, где мы летаем круглыми днями.

– Это специальный рейс по доставке запчастей. Все просто.

– Совсем не просто. Часовые в Хале-Морги вас не пропустят на борт без документов, диспетчерская тоже. Черт возьми, они же увидят, как вы садитесь в вертолет! – Мак-Ивер в раздражении уставился на него. – Почему вы не получите разрешения сами, генерал? У вас в Иране связи как ни у кого другого. Это вы точно дали нам понять. Для вас это не должно составить труда.

– Это все наши вертолеты. Они принадлежат нам. Принадлежат нам!

– Да, принадлежат, – угрюмо кивнул Мак-Ивер. – Вам осталось только заплатить за них. Вы должны нам почти четыре миллиона долларов по просроченным счетам. Если вам нужно в Абадан, это ваше дело, но если вас при этом задержат на борту вертолета компании «С-Г» с подложными документами, которые я должен буду заверить, вы окажетесь в тюрьме, ваша семья окажется в тюрьме вместе со мной и пилотом, все наши машины арестуют и компанию прикроют навсегда.

От одной мысли о тюрьме у него во рту начало горчить. Если даже десятая доля того, что рассказывают про САВАК, – правда, от тюрьмы следовало держаться подальше.

Валик проглотил свой гнев. Он сел и разместил на лице кислую улыбку:

– Нам не стоит ссориться, Мак, мы через столько всего прошли вместе. Я... я предложу очень хорошую компенсацию, а? И вам, и пилоту. – Он открыл портфель. – А? Двенадцать миллионов риалов – на двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.